

Леси
Филеберт

18+

Рождество
по-эльфийски.
Напарники без цензуры

Рождество по-... (однотомники по одному миру)

Леси Филеберт

**Рождество по-эльфийски.
Напарники без цензуры**

«Автор»

2025

Филеберт Л.

Рождество по-эльфийски. Напарники без цензуры /

Л. Филеберт — «Автор», 2025 — (Рождество по-... (однотомники по одному миру))

Я была ведущим репортёром газеты «Ежедневные факты»... До той поры, пока не перешла дорожку одному заносчивому аристократу. Дерзкий, наглый, привыкший манипулировать людьми, как ему хочется. Ненавижу его! И сделаю всё, чтобы ему отомстить. Он обещает превратить мою жизнь в Ад, но он еще не знает, с кем связался... Обстоятельства вынуждают нас стать напарниками, чтобы расследовать странную эпидемию, охватившую страны. Но куда нас заведет расследование? И что будет, когда он узнает о моей запретной магии? В тексте есть: от ненависти до любви, властный герой; приключения; комедия положений, юмор и ирония; магия, интриги, битвы, магический детектив; забавный фамильяр. Для читателей старше 18 лет. Книга НЕ содержит сцен откровенной эротики. Есть сцены употребления алкоголя. Курение и употребление алкоголя вредит вашему здоровью. Содержит информацию о наркотических или психотропных веществах, употребление которых опасно для здоровья. Их незаконный оборот влечет уголовную ответственность.

© Филеберт Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Звуки ненависти	5
Глава 2. В тени	12
Глава 3. Под грифом секретности	17
Глава 4. Сладкие мечты	26
Глава 5. Испытать судьбу	32
Глава 6. Информатор	36
Глава 7. Недобрый вечер	47
Глава 8. Мой господин	52
Глава 9. Стирательная резинка	55
Глава 10. Стечение обстоятельств	62
Глава 11. Показалось	66
Глава 12. В чем подвох?	71
Глава 13. Конфеты с подвохом	76
Глава 14. Следующая конфета	80
Глава 15. Сломался	83
Глава 16. Искры из глаз	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Леси Филеберт

Рождество по-эльфийски. Напарники без цензуры

Глава 1. Звуки ненависти

— Ты уволена. Поставь вот здесь свою подпись, сдай пропуск и выметайся из моего кабинета.

Слова эти прозвучали, как гром среди ясного неба, и я не сразу поняла, что начальник не шутит. Даже рассмеялась в ответ на это возмутительное заявление, но мистер Рошфбр, главный редактор искандерской газеты «Ежедневные факты», почему-то не стремился присоединяться к веселью.

— Да в смысле?

— В прямом, Елэния... В прямом. Также из-за твоей последней выходки я накладываю на тебя штраф в размере двух тысяч золотых. Свободна. Закрой дверь за собой. И чтоб глаза мои тебя больше не видели!

Я не шелохнулась и продолжала, не мигая, смотреть на начальника, отчаянно впиваясь пальцами в рабочий блокнот, с которым расставалась разве что во сне и в душевой.

Не поняла... Это шутка такая, что ли? Розыгрыш?

Я, вообще-то, пришла получить похвалу за свою последнюю статью и поинтересоваться, как там поживает желание Сэймона Рошфбра выписать мне премию за потрясающий уникальный контент, которым я снабжала редакцию последние несколько дней. А тут — здрасьте, приехали! Меня не только премии лишают, но и увольняют, да еще и штраф накладывают в полном размере моего жалованья? Да за что вообще?!

Я нервно заправила за ухо рыжую прядь волос и уточнила:

— Мистер Рошфор, объясните мне нормально, что случилось?

— Что случилось? Что случилось? — рыкнул он грозно, глянув на меня с неожиданной ненавистью и аж привстав со своего кресла. — Ты меня еще спрашиваешь?

Я хлопала глазками, искренне недоумевая, да еще впервые столкнувшись с таким агрессивным тоном.

Вообще-то, на начальника своего я никогда не жаловалась. Мистер Рошфор был добродушным полноватым мужчиной средних лет, с жиденькими волосами и залысиной, которую он отполировывал платочком до блеска. Одутловатое лицо, удлиненный темно-серый пиджак, на размер, а то и два меньше положенного, отчего несчастные пуговицы казались героями, держащимися из последних сил. Строгий, но справедливый, добродушный и вечно подтрунивающий надо мной, как над самой молодой сотрудницей редакции. Мы с ним отлично ладили, потому что я была для него золотым самородком — журналисткой, способной раздобыть любую компроматную информацию на кого угодно, сделать такие фотографии, какие никто, кроме меня, не мог сделать. За мою способность добывать всю самую вкусную секретную информацию меня тихо (а иногда и громко) ненавидели все сотрудники редакции. Никто не знал, как я умудрялась всюду быть первой и регулярно поставлять материал для первой полосы газеты, потому что я тщательно скрывала свой особый магический дар, позволяющий мне проникать туда, куда другие не могли, видеть то, что не было доступно чужому взору. Пока что никто не разгадал мою тайну, ну а мистеру Рошфору на это вообще было плевать — лишь бы я продолжала действовать в том же духе и стабильно снабжать его первоклассным компроматом!

Саймон всегда был такой веселый, улыбчивый, а сейчас он выглядел злым, раздосадованным и в целом похожим на человека, на которого в одночасье обрушилось слишком много проблем.

Он привстал с кресла, но тут же тяжело плюхнулся в него, с раздражением откинул в сторону карандаш, устало провел ладонью по щеке. И уже нормальным таким, просто уставшим расстроенным голосом произнес:

— Мне пришлось уничтожить весь сегодняшний выпуск газеты, подготовленный ночью.

Мои брови взлетели вверх. Новость была, мягко говоря, ошеломительной. За всю историю существования газеты «Ежедневные факты» не было ни одного дня с пропущенным выпуском. Какие бы форс-мажоры ни случались в стране, как бы мало новостей ни накапливалось за день, но «Ежедневные факты» оставались ежедневными. Даже в те дни, когда на редакцию совершали вооруженные нападения ввиду беспокойной обстановки в стране.

Но сейчас-то всё было спокойно... К тому же, именно сегодня должна была выйти в свет очередная моя громкая статья с потрясающей компроматной фотографией одной очень известной в стране личности. И я заранее предвкушала эффект взорвавшейся новостной бомбы.

— Твоя последняя подготовленная статья про профессора Брандта действительно возымела оглушительный эффект. Вот только совсем не тот, на который мы с тобой рассчитывали, — мрачно усмехнулся Рошфор. — Видишь ли, ты сделала фотографию профессора Брандта и его возлюбленной ровно в тот момент, когда они находились на спецзадании. И публикация твоей статьи с такой фотографией подставила бы под угрозу всю их спецоперацию.

Я не удержалась, чтобы возвести глаза к потолку.

— Ой, я вас умоляю! Ну какое спецзадание? Я прекрасно видела, как эта взъерошенная парочка вылезала из кустов в парке во время фестиваля! Брандт даже не пытался прикрываться, на нем даже рубашки не было!

— В кустах эти двое прятались, находясь под прикрытием и подслушивая важных подозреваемых в расследовании дела, — оборвал меня Саймон.

— Это они вам лично сказали? — скептически хмыкнула я, недовольно скрестив руки на груди. — Вы же понимаете, что всё это детские отмазки и просто нежелание выставлять свои любовные похождения напоказ?

— Ко мне ночью пришел представитель инквизиционного отдела быстрого реагирования, — сухо продолжил Саймон, и на этом моменте мне резко расхотелось улыбаться. — Мне было выдвинуто требование немедленного уничтожения всего напечатанного тиража, под угрозой наложения колоссального штрафа и тюремного заключения. Итого, сегодня я понес значительные убытки, моя репутация подмочена, и все из-за тебя, Еления.

— Да мне-то откуда было знать, что они там под каким-то прикрытием?! Я просто выполняла свою работу! Как и обычно: я достаю редкий материал, снабжаю вас уникальными снимками, а вы меня за это хвалите, и мы расходимся, весьма довольные друг другом! Да и зачем раньше времени панику наводить? Где там наши выпускающие редакторы? Они еще ночью должны были скорректировать выпуск, убрать оттуда сделанную мной фотографию, заменить ее на любую другую из моего архива, делов-то! — я посмотрела на висящие на стене часы и недовольно цокнула языком. — К обычному времени выпуска газеты мы сегодня опоздали, конечно, но еще можно успеть исправить ситуацию!

— Нельзя. Мне пришлось уничтожить вообще всё, включая прочие материалы к выпуску, на всех носителях. Представитель инквизиционного отдела настоял на этом. Он контролировал каждое мое действие и, кхм... был весьма настойчив, н-да... Весьма... Очень, хм... Весомый человек, да... Убедительный...

Я прищурилась, подозрительно глядя на Саймона, чей взгляд продолжал нервно бегать по кабинету. Мое профессиональное чутье подсказывало мне, что этот «весомый человек»

попросту контролировал Саймона некоей компроматной информацией, поставив ультиматум, да и всё.

Впрочем, скользкие делишки начальника меня сейчас волновали меньше всего. У меня хватало других проблем: например, тот факт, что из-за наложенного штрафа мне нечем будет заплатить за очередной платеж по кредиту, в который я вляпалась из-за своего горе-братца. И за аренду квартиры мне нужно будет внести платеж на следующей неделе... Да где ж я теперь деньги возьму? Финансовых запасов у меня никаких не было, благодаря все тому же брату, чтоб его в адову дыру засосало!

Думая обо всем этом, я возмущённо воскликнула:

— Но вы не можете меня уволить!

— Я-то? Как раз я и могу и именно этим сейчас и занимаюсь, — печально вздохнул Рошфор, поставив подпись на документе и придвинув ко мне этот листок. — Давай, Елениа, ставь подпись и уходи. По-хорошему пока прошу.

Ах, это, значит, по-хорошему?!

— Мистер Рошфор, я уверена, что мы можем решить этот инцидент иначе. Давайте мы оба успокоимся и подумаем, как нам действовать в сложившейся ситуации. Подумайте: вы ведь гораздо больше потеряете от моего увольнения! Ведь я великолепно справляюсь со своими обязанностями и...

— Да, — не стал отпираться Саймон. — Ты так великолепно справляешься со своими обязанностями, что я даже не знаю, что мы будем без тебя делать. Но мы все-таки попробуем.

— Мистер Рошфор, вы же понимаете, что увольнение сейчас для меня будет сродни приговору? — почти шепотом спросила я. — Вы же знаете мою ситуацию...

Саймон посмотрел на меня со смесью тоски и раздражения.

— Ну а что мне делать? На меня нападают очень серьезные силы. Ты перешла дорожку не тем людям, понимаешь?

— Мы перешли, если уж на то пошло! — я возмущённо упрела руки в боки.

Ну а чего он на одну меня вину валит?

— Нет, Елениа, именно ты. Меня попросили не просто изъять весь выпуск, а проконтролировать твой уход из штата редакции, — огорошил меня начальник. — Сильно ты допекла этих людей. И я очень не советую тебе с ними связываться. Себе дороже.

— Но...

— Штёльценберг чтоб тебя! — неожиданно громко гаркнул Рошфор и грохнул кулаком по столу так, что я аж подпрыгнула. — Ну как ты не понимаешь? Тебя держат на крючке. Залег на дно, а лучше вообще подумай о переезде из Искандера. Здесь тебя больше ни в одну нормальную редакцию никто не возьмет, по требованию того господина, который выносил мне мозг на тему твоей персоны.

Я стиснула руки в кулаки и быстро заморгала, усилием воли сдерживая рвущиеся наружу слезы. Досадно было до жути! Это мягко так говоря...

Я очень медленно вдохнула, выдохнула и заставила себя ровным голосом спросить:

— Позвольте узнать, как именно зовут человека, который так продуктивно настоял на моем увольнении? Это не тайна, я надеюсь?

— Да какая там тайна, — отмахнулся Саймон. — Лунтьёр Брандт. Он всю ночь коршун-ном надо мной стоял, лишь недавно ушел, буквально за несколько минут до твоего прихода...

Я нахмурилась.

— Он родственник профессора Бестиана Брандта?

— Угум-с.

— Понятненько... — мрачно отозвалась я.

Больше у меня вопросов не было. Чета Брандтов имела слишком большой вес в Искан-дере. Брандты не просто входили в десятку самых влиятельных семей в стране — они этот

список возглавляли. Я порой думала, что даже наш министр магии не имел такого веса, как эта пафосная семейка...

Резко развернулась на каблуках и вылетела из кабинета, громко хлопнув дверью.

Уволена... Уволена! Я — и уволена! Лучшая журналистка редакции «Ежедневных фактов» за последний год! Это было так унижительно и настолько не вовремя, что к глазам невольно подступали слезы обиды и бессилия. Я столько работала, столько сил и души вкладывала, и всё ради чего? Чтобы меня сейчас вот так вот вышвырнули с позором?

— Еления, ты забыла поставить подпись на заявлении об увольнении! — крикнул мне вслед Саймон.

Но я его не слушала, яростным вихрем уже спускаясь по лестнице на первый этаж редакции и думая только об одном...

Я не знаю, кто ты, Лунтьер Брандт, но клянусь, что если ты попадешься на моем пути, то я превращу твою жизнь в Ад.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу!.. — бормотала себе под нос, пока бежала по лестнице.

Глаза слепили ярость и подступающие слезы. Как жить дальше — совершенно не понимала. Ох уж эти проклятые Брандты, всем и всюду приносящие проблемы!

Только оказавшись в холле около артефакта с кофемашиной, я, наконец, остановилась, перевела дух и огляделась. В просторном холле редакции было как всегда шумно и многолюдно по утрам, коллеги обсуждали последние новости и рабочие задачи. Время было раннее, и у многих магов в руках можно было увидеть стаканчик бодрящего кофе или ароматного чая.

На меня коллеги косились с подозрением, наверняка успев перемыслить мне косточки, поэтому я поспешила отвернуться от них, желания разговаривать с кем-то не было.

Зато было желание влить в себя пару литров кофе, покрепче, да без сахара, чтобы аж волосы на затылке встали дыбом, и мозги прочистило горечью, как ёршиком.

Кофе я любила. Среди коллег насчет меня даже ходила шутка, что если я случайно поранюсь, то из моих ран польется эспрессо.

Я приложила к кофемашине пропускной жетон сотрудника, надеясь, что Рошфор еще не успел его заблокировать, и у меня осталась возможность в последний раз глотнуть кофе за счет редакции газеты.

Артефакт мигнул зеленым кристаллом, и я облегченно выдохнула. Хоть одна маленькая приятность за это ужасное утро! Вот сейчас попою неспешно кофеек, взбодрюсь как следует, обдумая свои дальнейшие действия... Я что-нибудь придумаю... Обязательно! Не могу не придумать! Я уговорю Рошфора изменить свое решение, да! Надо просто... принести ему какой-то сверхважный материал, например. Что-нибудь такое, что он обязательно захочет опубликовать. А уж добывать вкусную информацию подобного рода я ох как хорошо умела, в этом я была настоящий мастер своего дела.

А может, попробовать отыскать этого Лунтьера Брандта? Попробовать с ним договориться, объяснить ситуацию, расположить к себе...

Но тут же отбросила в сторону эту идею. Ну уж нет, мне с этим аристократом лучше не видаться, лучше ему даже на пушечный выстрел ко мне не подходить! Глядя на него, я точно не смогу сдержаться от желания сделать ему какую-нибудь гадость. А то ишь какой напыщенный индюк, да кем он себя вообще возомнил?

Однако радоваться мне пришлось недолго: кофемашина плеснула мне в стаканчик горячей воды, а вот кофе не добавила и мигнула оранжевым кристаллом, возвещая о некой технической проблеме.

— Да ну чтоб тебя! — возмущенно зашипела я и стукнула ладонью по боковине кофемашины.

Просто так, чтобы душу отвести. И еще несколько сочных нецензурных выражений добавила, тоже чтобы выплеснуть агрессию.

Но с удивлением обнаружила, что убрать в сторону руку не могу, потому что... О нет, только не это!

Я в шоке уставилась на собственную руку, застрявшую когтями в кофемашине. Да-да, когтями: ногти на моих руках за какое-то мгновение изменились, став длинными, черными и очень, очень острыми. Настолько острыми, что пробили насквозь металлический бок кофемашины и застряли, зацепившись там за что-то.

Это... Это что вообще такое? Мой внутренний зверь решил подать голос и немного выбраться наружу? Да как так-то, с чего бы? Я всегда держу своего зверя под полным контролем, в каком бы нервном состоянии ни прибывала! Что сейчас пошло не так, на что моя магия среагировала?

Или... на кого?..

— Вам помочь, миледи?

Я вздрогнула всем телом и повернулась к молодому мужчине. Высокий, зеленоглазый и светловолосый, с модной прической, одетый в бежевые брюки и белую рубашку, в которой мускулистым рукам мужчины явно было тесновато. Незнакомец приветливо улыбался, и было в его улыбке что-то такое... обманчиво опасное, даже хищное. Завораживающе и невероятно притягательное.

Интересно, а он уже заметил мои когти, или нет? Хотя бы нет, хотя бы нет, ну пожалуйста...

— Всё в порядке, — выдавила я из себя вместе с жеманной улыбкой. — У меня тут просто... технические неполадки.

Я постаралась придать себе как можно более небрежный и расслабленный вид, будто бы не напряженно впинаясь в кофемашину, застряв в ней когтями, а просто деловито положила на нее ладонь в ожидании своего готового напитка. Благо металлическую панель я продырявила со стороны стены, и случайный прохожий ничего бы не заметил.

— М-м-м, ясно...

Мужчина понимающе покивал, делая шаг в сторону, и я уж было подумала, что он сейчас просто уйдет... Но нет: вместо этого он каким-то удивительным скольльзящим движением шагнул ко мне вплотную, беспардонно приобнимая одной рукой за талию, а вторую ладонь положив на мою когтистую руку, помогая аккуратно ее вытащить из металлического плена.

— Мне все-таки кажется, что вам нужна моя помощь, — шепнул мне на ухо незнакомец, обжигая горячим дыханием.

Я временно забыла как дышать. На целых две секунды. Или три? Не знаю точно, но мне они показались вечностью.

Мозг лихорадочно соображал, как реагировать на ситуацию, и больше всего меня интересовала даже не ладонь мужчины на моей талии, а его реакция на мои когти. Потому что если он сейчас попросит меня показать магическую метку, соответствующую пройденной аттестации моего внутреннего зверя, то демонстрировать мне будет нечего... Так как метки, как и самой аттестации, у меня не было. Ни в каких реестрах я со своей магией не значилась и, по факту, пользовалась своими возможностями нелегально. Но о каком внесении в реестр может идти речь, если это положит крест на всю мою профессиональную деятельность? Вот и пришлось прятаться, тщательно скрывать свои способности, и до сей поры я справлялась с этим на «отлично». Что именно сегодня пошло не так?

К счастью, незнакомец не торопился сверять меня с реестрами, зато поспешил магией подлатать боковину кофемашины: по мановению руки незнакомца с нее исчезли дыры от моих когтей, она что-то там недовольно прорычала на своем техническом гневном языке и наконец-то соизволила плюхнуть мне в чашку недостающую порцию кофе.

— С... спасибо. Я тут просто... Пыталась добиться от этого чуда техники своей порции кофе, потому что мне только вода в кружку налилась, и всё зависло. Ну и вот... — я извиняюще улыбнулась и развела руками, мол, такие дела.

— Оригинальный способ починки кофемашины, — усмехнулся зеленоглазый красавец.

— Ну, зато действенный, как видите. А у меня сегодня такой дурной день, что мне критично важно выпить этот напиток.

— Да-а-а, я так и понял это по тем дивным матерным трелям, которые от вас доносились, когда вы дубасили по кофемашине, — с задумчивым видом покивал мужчина.

Взгляд и улыбка при этом у него были донельзя ехидные.

Стало немножечко стыдно, самую малость. Я ж вроде вся такая девушка, в зеленой блузочке и юбочке... Ай, нет, сегодня не в юбке, а просто в брюках. Ну зато моя любимая зеленая блузочка была с бантиком! И длинные рыжие волосы красивой волной спадали на плечи. Надо было вроде как соответствовать статусу девушки.

Поэтому я осторожно произнесла:

— Мне так неловко, обычно за мной такое поведение не водится... Но сегодня меня... очень сильно разозлили...

— Это кто ж так сильно вас разозлил, что такое прекрасное создание, как вы, вынуждено снизойти до столь неблагозвучных эпитетов? — с улыбкой спросил мужчина.

— Да так, один заносчивый придурок, возомнивший себя всемогущим, — пробормотала, беря в руки долгожданный стаканчик с кофе.

— Вас кто-то обидел? Вам бравый рыцарь на защиту не нужен, случаем?

Это он ко мне так подкатывает, что ли? Интере-е-есно.

— Всё нормально. У меня черный пояс по внутренней борьбе с придурками, разберусь.

Мужчина тихонько рассмеялся. Смех у него был такой приятный, да и речь вся такая — будто льющаяся ручейком.

— Я черным поясом по столь интересной дисциплине похвастаться не могу, зато у меня есть черный кофе. Вкусный, из кофейни напротив. Позвольте вас угостить? Чтобы немножечко украсить ваш дурной день приятными цветами.

Я улыбнулась.

А этот мужчина умел обольщать, однако. И чем больше я на него смотрела, тем больше он мне нравился.

— Угощать не надо, — чуть резче, чем следовало, сказала я. — Но спасибо за предложение. Я... Не люблю быть кому-то должной, — добавила, делая желанный глоток.

И, разумеется, умолчав о том, что моя магия не позволяла мне просто так принять любую услугу от человека. Ни к чему незнакомцу знать обо мне такие подробности, о них друзья-то не знали...

Напиток нещадно горчил, зато бодрил отменно. Впрочем, что ожидать от корпоративного кофеёчка?

Покосилась на стакан с кофе в руках мужчины. Даже на расстоянии от него пахло изумительно. От стакана, в смысле, а не от мужчины! Хотя, от мужчины тоже пахло приятно: корицей и чем-то цитрусовым... лаймом, что ли? То ли парфюм у него был такой привлекательный, то ли...

Так, душечка, хватит принюхиваться к мужчине! И пялиться на него перестань так беспардонно, да! Ты же приличная девушка! Ну, бываешь таковой иногда...

Я резко отвернулась и потупила взгляд, поймав себя на мысли, что уже минуту не свожу взгляда с длинных пальцев мужчины. Про такие руки обычно говорят, что они аристократичные, или что это руки пианиста. Не знаю, как насчет пианиста, а к аристократии этот молодой человек точно имел отношение, судя по стоимости его одежды. Во всяком случае, судя по тому ярлычку на мантии, который мне удалось разглядеть, она была из магазина люксовой одежды,

где один только кожаный ремень будет стоять как мое месячное жалованье, не говоря уже о чем-то большем.

— А я и не хочу делать вас мне чем-то обязанной. Просто желаю угостить красивую девушку вкусным кофе, — чарующим голосом произнес мужчина, не сводя с меня глаз. — Может, у вас найдется сегодня время для встречи со мной в более презентабельном месте?

— Возможно, — осторожно произнесла я, заинтересованно глядя на мужчину. — Но для начала неплохо узнать бы ваше имя, мистер... как вас там?

— Ах да, я же не представился, — спохватился мужчина. — Меня зовут...

— Еления, тысяча демонов на твою голову, ну куда ты умчалась? — раздался со стороны лестницы голос моего уже бывшего начальника. — Я же попросил тебя поставить подпись!

Я недовольно поджала губы и зло глянула на Саймона. Тот, запыхавшись, бежал ко мне, размахивая бумагами, видимо, с тем самым заявлением на увольнение, которое я не стала подписывать. Ну как — бежал... В исполнении пухленького и далекого от активного образа жизни Саймона Рошфора его бег выглядел как очень быстрый шаг. Но и его было достаточно, чтобы начальник запыхался и в целом выглядел как человек, бегущий ответственный марафон.

— Ох, мистер Брандт, вы еще тут! — произнес Рошфор, глядя на зеленоглазого незнакомца, и тут же приосанился, взгляд его резко изменился, став испуганным. — А я тут вот... Как раз... Решаю нашу проблему, да! А вы, я вижу, уже помирились, да? — обратился он ко мне.

— В каком смысле? Мы вроде и не ссорились...

А потом я запнулась и похолодела, хоть внешне и не подала виду, и перевела взгляд на незнакомца в бежевом костюме.

— Погодите. А вы, наверное, и есть тот самый...

— Лунтьер Брандт, — охотно подсказал мужчина. — Рад знакомству, миледи! Как я могу к вам обращаться?

— Очень приятно встретить вас здесь и сейчас, — расплылась я в улыбке. — А я...

Недоговорила и резко выплеснула свой кофе в лицо собеседника. Замечательно так получилось: черные подтеки украсили не только его ошарашенное смазливое личико, но и эффектно растеклись по белоснежной рубашке и бежевым брюкам.

— А я Еления Штольценберг, — закончила с неприлично широкой улыбкой.

Ну вот и познакомились.

Глава 2. В тени

Всё с той же милой улыбочкой я взяла из рук ошарашенного блондина стаканчик с кофе, сделала из него глоток и произнесла:

— А ваш кофе действительно хорош. Спасибо, что угостили!

Пока этот Лунтьер пребывал в шоке от моей выходки, а мистер Рошфор немедленно кинулся к жертве моего недопитого кофе в попытке помочь ему очистить себя, я поспешила юркнуть в сторону выхода, чтобы покинуть здание редакции как можно скорее.

Едва оказавшись на улице, залитой ярким солнечным светом, бегом бросилась в сторону ближайшей остановки, чтобы сесть в трамвай, но тот захлопнул двери прямо перед моим носом. Водитель, негодяй такой, не посчитал нужным задержаться ради меня на несколько секунд подольше. Ну что за день, прям всё против меня!

Я оглянулась и увидела, как взбешенный Лунтьер выходит из здания редакции и безошибочно находит взглядом меня. Проклятье!

Нервно сглотнула и юркнула вдоль дороги, чтобы слиться с толпой, что было весьма затруднительно сделать, учитывая яркий цвет моих волос и одежды.

Поэтому через несколько шагов я сделала широкий шаг вправо, скользнув в тень ветвистых ёлок, и шепнула:

— Прими меня в тень.

Дважды просить не пришлось: древесный морок тут же накрыл меня своей тьмой, обнимая, будто руками-ветвями к себе прижимая, укрывая особым магическим теплом.

Я прижалась спиной к стволу дерева, скрестив руки на груди и напряженно наблюдая за Лунтьером, который как раз мчался в мою сторону. Даже дыхание задержала, особенно когда мужчина замедлил шаг и стал более внимательно смотреть по сторонам. И это здорово напрягло... Видеть он меня совершенно точно не мог, но мало ли как еще меня заметить сможет?

Лунтьер остановился рядом с деревом, в мороке которого я скрылась, и медленно повернул голову, посмотрев чётко на меня. Мое сердце пропустило удар, и я уж подумала было, что всё, вот именно сейчас мне наступит бесславный конец!

Но нет: Лунтьер какое-то время буравил точку в пространстве где-то в районе моего лба, потом перевёл взгляд в сторону и дальше — словно выискивая кого-то.

Я облегченно выдохнула. Этот аристократ мог почувствовать что-то странное, но он не видел меня, и это самое главное.

— Мистер Брандт! — это подоспел запыхавшийся Рошфор. — Простите, мистер Брандт, такая оказия, такая оказия, мне так стыдно за мою сотрудницу!..

Он что-то там непрерывно восклицал, бесконечно извиняясь за мою выходку и пытаясь салфетками вытереть светлую одежду Лунтьера от пятен кофе, хотя в этом не было никакого смысла.

Поначалу блондин, кажется, попросту не замечал мельтешащего главного редактора, сосредоточившись на своих мыслях, а заметив, что-то тихо и резко произнес, и Саймона как ветром сдуло — он поспешил обратно в здание редакции с башенкой-часами, и вскоре скрылся за стеклянными входными дверями.

Лунтьер же остался стоять на месте, неспешно провел рукой вдоль тела, магией очищая одежду от пятен кофе.

А я смотрела на него и думала... Вот надо же, такой красивый — и такой мерзавец! Мне даже в голову не пришло, что там, в холле редакции, я столкнулась с тем самым человеком, из-за которого осталась без работы! А я-то... Я-то ему улыбалась! И даже всерьез думала согласиться на встречу с ним в каком-нибудь кафе. Но честное слово, он вообще не был похож на

человека, который доведет до нервной икоты мистера Рошфора! Уж у него-то выдержка что надо — нервная работа главным редактором самой популярной газеты в Искандере обязывает быть человеком со стальными нервами. Однако я видела, как мистер Рошфор глядел на этого молодого человека, — с откровенным страхом и благоговением. А это значит что? Это значит, что за маской добродушного миловидного молодого человека скрывался властный аристократ, умеющий надавить на нужные точки собеседника. А значит — имеющий большой опыт такого давления. И еще он явно был верховным магом, судя по исходящей от него ауре. Интересный энергетический коктейль, однако.

Плохо было то, что он видел мои когти... И теперь-то точно пробьет меня по всем базам, раз у него ко всему этому есть доступ, и он убедится, что ни в каких реестрах по части своего магического дара я не состою. Ну и что мне тогда делать? Собирать вещички и валить из Искандера, спасая шкуру? И всё — вот из-за этого мерзкого блондинистого красавчика? Это несправедливо! Рухнул тут на мою голову, понимаешь ли...

И чем дольше смотрела на этого мистера Брандта, тем больше начинала его ненавидеть. А в голове постепенно зрел коварный план, как поставить этого аристократа на место, и на моем лице заиграла мрачная ухмылка.

Ты тоже не знаешь, с кем связался, красавчик. Я совсем не так проста, какой могу показаться с первого взгляда.

— Мисс Штольценберг, — произнес он негромко, низким бархатным голосом, от которого мурашки пошли по коже, и я затаила дыхание от неожиданного обращения. — Я вас не вижу и не слышу, но чувствую, что вы находитесь где-то рядом и можете меня услышать. Так вот, знайте: своей выходкой вы подписали себе своеобразный приговор. Я умею превращать жизнь чужих людей в Ад, знаете ли. А еще я не терплю подобного отношения к своей персоне и требую от вас официальных извинений за свое непростительное поведение.

— Плюнь ему в рожу, пока он тебя не видит! — раздался над ухом знакомый писклявый голосок. — Ишь, пельмень недоваренный!

Это рядом материализовался Морф — мой то ли фамилляр, то ли маленькое родовое проклятье — тут как посмотреть...

Выглядел Морф как аморфное нечто из голубого сгустка дыма, эдакое маленькое карманное приведение, способное принимать любую форму. Ну ладно, не совсем карманное — Морф был размером с небольшую птицу. Зато гонора в нем было, как в целом слоне! Вообще, он любил, чтобы его называли полным именем — Мбрфиус Великолепный, но я к нему так обращалась исключительно в случаях ехидного тона, который фамилляр нередко принимал за чистую монету.

Я прижала палец к губам, призывая к тишине. Еще мне не хватало, чтобы Лунтьер услышал или увидел Морфа и понял, что я прямо здесь стою. Хоть Морф и находился со мной в древесном мороке, но мало ли... Лучше перестраховаться.

Хотя предложение фамиляра насчет плюнуть мне ох как понравилось, чего греха таить.

— Вы, вестимо, не понимаете, с кем связались, миледи. Ну что ж... Я вам это продемонстрирую. И будьте уверены, вам это не понравится, — с мрачной улыбкой произнес Лунтьер. — Не прощаюсь с вами. До скорой встречи.

Он уверенно зашагал вперед, и я заметила, что на него засматривались мимо проходящие девушки. Ну а как на такого не глядеть? Красивый же, зараза! Только по характеру совсем не душечка.

Меня распирало от чувства несправедливости. Этот Лунтьер ничего обо мне не знал, так какого черта он столь пафосно рассуждал про «приговор» и в целом смел настаивать на моем увольнении? Если я журналистка, это не значит, что я никто, и что об меня надо вытирать ноги! Я, вообще-то, массу пользы приносила! Например, за последний год вскрыла несколько крупных краж государственного бюджета мелкими чиновниками, когда они вместо вложений денег

в развитие страны вкладывали деньги исключительно в свои карманы. Да если бы не я и моя репортёрская напористость, то детская городская больница на Терновой улице до сих пор не была бы достроена! А крупнейшее наше горнодобывающее предприятие, специализирующееся на добыче местного чрезвычайно ценного лунного мрамора, отличающегося особой прочностью, так бы и продолжало по-тихому сливать ядовитые отходы в озеро, в котором половина города купается! Это я первая узнавала о таких вещах, раскрывала на это людям глаза и не давала замалчивать проблемы — плохо, что ли?

Я отлично умела вынюхивать разную информацию и приносить ее начальству, которое само уже решало, что отправлять в печать, а что нет. Почему только на меня всех собак спускают, а не на Рошфора, который, вообще-то, и принимал все окончательные решения по материалу в следующем выпуске газеты? Работа у меня такая — собирать информацию. Разную, местами важную, местами — просто интересную. Ко мне вполне можно было подойти и просто по-хорошему попросить о ком-то больше не писать или срочно уничтожить что-то из имеющихся материалов, если они в самом деле вредят делам инквизиции, о которых я знать не знала. Зачем сразу штрафные санкции включать относительно моей персоны?

Что ж... Сами не захотели по-хорошему.

Словно прочтя мои мысли, фамильяр вновь запищал мне на ухо:

— Хочешь, я ему кирпичом в затылок прилечу?

С этими словами он действительно принял форму кирпича и радостно полетел в сторону Лунтьера.

— Стоять! — я едва успела перехватить сопротивляющегося фамильяра. — Хочу, конечно. Но лучше мы поступим иначе...

Поманила к себе Морфа пальчиком и зашептала ему на ушко свое предложение. Чем дольше Морф слушал, тем больше расплывался в ехидной улыбке, и в целом вид у него был такой комичный из-за смешно выпученных глазок, что любо-дорого было смотреть.

— Ну ты лиса-а-а!.. — довольно покачал головой фамильяр, вновь приняв обычный облик аморфного привидения.

— А то ж, — хмыкнула я. — Будем действовать тонко. Не родился на свет еще такой человек, на которого я не могла бы нарыть потрясающий компромат.

— Попа-а-ал пацан! — Морф довольно потер аморфные ручки.

— Ну, пацаном его назвать сложно, — задумчиво произнесла я, провожая взглядом удаляющегося Лунтьера. — Очень даже солидный молодой человек. Интересно, кем именно он работает? Впрочем, я сама о нем скоро всё узнаю.

— Все равно он попал, у-у-у, чудовище мудякашное! — Морф потряс в воздухе аморфным кулачком, угрожая им вслед Лунтьеру.

А потом быстро юркнул в его сторону, повинуясь моей команде устроить незаметную слежку.

Лунтьер тем временем прищелкнул пальцами, и перед ним возникла телепортационная воронка, в которую мужчина шагнул, мгновенно скрывшись в красочном водовороте. Я тяжело вздохнула, почувствовав легкий укол зависти, всегда его ощущала при наблюдении за людьми, которые умели так быстро телепортироваться, и вообще умели передвигаться этим магическим способом. У меня с наукой о телепортации был заключен пакт о ненападении: я не угрожала воронкам своим появлением, а воронки старательно игнорировали мои попытки их воссоздать. Прийти к консенсусу нам с телепортацией пока не удалось, так что мы продолжали тихонько избегать друг друга.

Поэтому я повернулась в сторону трамвайной остановки и спешно зашагала вдоль оживленной дороги.

В этот час она была до отказа забита экипажами — местным транспортом, с виду похожим на ретромашины моего родного мира, только в панели управления у них стояли кри-

сталлы. Но какой бы магией ни был напичкан местный автопром, а все равно в час пик тут все стояли в пробках; кажется, дорожные пробки — это бессменный атрибут любого мира, где существуют автомобильные способы передвижения.

Я шагала по тротуару, от которого уже начинал исходить жар, теплый летний ветер трепал мои длинные волнистые волосы. Дойдя до остановки, сверилась с расписанием и печально улыбнулась своему отражению в стеклянной витрине. В отражении на меня смотрела очень даже красивая девушка, которая отчаянно пыталась улыбаться и бодриться, несмотря на то, что понятия не имела, что ей дальше делать. Домой... Наверное, надо для начала просто доехать до дома, собрать свои вещи и-и-и-и что дальше? Куда я с ними пойду? Можно у Люсинды некоторое время перекантоваться, а потом... Потом я обязательно что-нибудь придумаю. Тем более что у меня было в запасе еще несколько дней на подумать. Надо всё тщательно взвесить и принять правильное решение. И в очередной раз надавать братцу Алексу по заднице за то, что он втянул меня в свои проблемы, да!

Снова вздохнула и заправила рыжую прядь волос за ухо, неприятно задев когтями его острый кончик...

Так... Стоять!

Я нервно дернула глазом и более внимательно уставилась на свое отражение. Нет... не показалось.

А в какой момент с моих ушей спала маскировка, и их кончики вновь заострились?!

— Да что ж за день сегодня такой, — бормотала я себе под нос, срочно накладывая чары на свои злополучные острые уши и лихорадочно соображая, насколько давно они у меня пребывают в таком виде.

Благо волосы у меня были длинные, густые и тяжелые, и спадали волной, закрывая уши полностью, так что если причёску особо не трогать, то заострённые кончики можно и не заметить. Надеюсь, что уши захотели сдать меня с потрохами уже после ухода в древесный морок, и у Лунтьера не будет дополнительной зацепки на мою сущность. Благо у меня кончики ушей не настолько длинные и заостренные, как у каких-нибудь чистокровных гербосских эльфов, например, которые никакими волосами не скрыть.

Убедившись, что уши вновь ничем не отличаются от человеческих, я отошла в сторонку, обняла себя за предплечья и невидящим взором уставилась вдаль в ожидании своего транспорта.

Мне было о чем подумать. Например, о том, почему моя маскировка с когтями и ушами сегодня дала такой тотальный сбой. И нет, стресс здесь ни при чем: работа у меня в целом эмоциональная, без стрессоустойчивости и хорошего чувства юмора здесь надолго не задерживаются, так что нельзя было списать на то, что я просто перенервничала. Однако же всё равно коготки проявила... Почему? Такого не случалось с... А я не помню даже, сколько лет назад я в последний раз сталкивалась с проблемой самоконтроля. Родители хорошо обучили меня в этом плане, поэтому таких проблем не возникало.

А тут... Как-то разом всё посыпалось. Что именно на это повлияло? Или... Кто?

Перед глазами всплыла улыбка Лунтьера Брандта и его длинные пальцы, мягким поглаживающим касанием скользнувшие по моим. А еще вспомнила странный магический импульс, который последовал прямо перед проявлением коготков и повторился в усиленном варианте после касания Лунтьера. Тогда я не обратила на магический импульс внимания, а сейчас вот... задумалась. И непонятно, то ли совпадение, то ли мне можно начинать бить тревогу. Или уже поздно?..

— Берегись!!! — раздался позади меня до боли знакомый голос.

Это у меня уже слуховые галлюцинации начались, или это в самом деле его голос?..

Следующие события произошли настолько быстро, что я не то что среагировать — я даже вздрогнуть от неожиданности не успела.

Потому что меня вдруг крепко обхватили со спины мужские руки и рванули вместе со мной в сторону — в нечеловеческом таком прыжке, в сторону газона.

Одновременно с этим раздался жуткий визг тормозов, звук удара, грохот разбитого стекла, чужие испуганные возгласы... Мозг не успевал обрабатывать мешанину звуков и событий.

Я больно ударилась плечом и как-то очень неудачно приземлилась на ногу, хоть и мужчина смягчил мое падение. Перекатившись по траве на спину, я привстала на локтях и с гулко стучащим сердцем посмотрела на остановку. Точнее, на то, что от нее осталось, потому что остановки больше не было — вместо нее красовались многочисленные стеклянные осколки и грузовой экипаж, который вылетел на встречную полосу и врезался в остановку. Судя по ее жалким останкам — врезался на большой скорости, и несколько секунд назад я стояла четко в том месте, куда пришелся основной удар.

Я нервно сглотнула и перевела взгляд на взъерошенного Лунтьера Брандта, который и снес меня с ног и теперь отряхивал от травы свой светлый костюм. Кажется, если бы не он, я бы сейчас была мертва...

Глава 3. Под грифом секретности

Лунтьер тем временем бросил на меня внимательный взгляд, оглядев с головы до ног, и спросил:

— Ты цела?

— Когда это мы успели перейти на «ты»? — буркнула я.

Надо было, наверное, «спасибо» в первую очередь сказать, но на нервной почве из меня вырвалось не то что нужно.

— Раз ёрничаешь, значит, цела, — заключил Лунтьер.

Я потупила взгляд и негромко произнесла:

— Спасибо... Если бы не ты, то...

Но Лунтьеру были совершенно неинтересны мои благодарности, он меня не стал слушать и сразу двинулся к раскуроченной остановке и грузовому экипажу, около которого уже толпились горожане, помогая выбраться пострадавшему, но все-таки живому, водителю.

Я с минуту, наверное, так и сидела на траве и думала... А как Лунтьер тут оказался? Почему вернулся? Он лишь для вида телепортировался, а сам где-то наблюдал за мной со стороны, или что?

И главное — почему он меня спас? Мог бы легко и просто разделаться с нашумевшей репортершей в лице меня, причем не своими руками, а волей несчастного случая. Но он меня спас, да еще так быстро, будто не человек был вовсе... Не умеют люди так быстро передвигаться, уж я-то точно знаю. Так как сама, хм... была лишь отчасти человеком.

Тем временем, толпа около остановки голосила:

— Лекарей, надо вызвать лекарей!

— И инквизиторов!..

— Скорее, водитель не в себе, ему нужна помощь!..

— Лекарей!..

— Инквизиторов!..

— С водителем что-то странное творится...

Перекрывая нервные и испуганные голоса горожан, отчетливо раздался громкий и властный голос Лунтьера:

— Прошу всех разойтись, работает инквизиционный отдел быстрого реагирования.

Он что-то при этом держал в руках, демонстрируя толпе, я присмотрелась: в его руке блеснул золотой жетон инквизиции.

Огось! Важная шишка, что ли? Ну я, конечно, нашла с кем связаться, вот вечно меня тянет в самые провокационные дебри...

Но это уже прям интересно, я не могу это пропустить.

Достала из сумочки рабочий блокнот, но при попытке встать на ноги зашипела от боли: кажется, я при падении столь неудачно приземлилась на землю, что вывихнула ногу. Вроде только вывихнула, не сломала... Но боль была сильная, прям прострелило.

Шипя от возмущения и стараясь не опираться на потревоженную ногу, поковыляла ближе к грузовому экипажу, чтобы лучше слышать и видеть, что там происходит.

А посмотреть было на что, потому что Лунтьер очень профессионально отогнал всех зевак, оказал первую помощь пострадавшему подростку, которого задело осколками, и занялся осмотром и лечением водителя. А еще он, видимо, вызвал своих коллег, потому что вскоре телепортировались несколько волшебников: двое инквизиторов в форменных темно-фиолетовых мантиях и два лекаря в темно-фиолетовых жилетах и белых мантиях. И все они очень внимательно слушали Лунтьера и выполняли его приказы. Один инквизитор тщательно изучал грузовой экипаж с помощью артефактов, второй маг фиксировал всю обстановку в целом,

один из лекарей помогал пострадавшим горожанам, второй склонился над водителем. С этим лекарем Лунтьер переговаривался негромким голосом с весьма властными нотками, и судя по тому как внимательно слушал лекарь, он точно находился в подчинении у Лунтьера. Интересные дела...

И теперь стало понятно, почему мистер Рошфор так трясся перед этим Лунтьером: тот, видимо, занимал серьезную должность в инквизиции и имел доступ в закрытые архивы, в которых мог при желании накопать много информации на главного редактора газеты «Ежедневные факты» Саймона Рошфора. Но мало накопать — надо еще уметь давить этими фактами. И Лунтьер явно умел. И командовать тоже умел, судя по тому, как уверенно общался с коллегами, и вид при этом имел такой, будто ему все должны.

Вспомнив о мистере Рошфоре, я также вспомнила о том, что, вообще-то, уволена, и мне не для кого вести рабочие записи... Но тут же тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли прочь. Наблюдать и фиксировать интересную информацию — это было для меня больше, чем работа, — это было мое призвание. А уж куда эту информацию пристроить — с этим я всегда разберусь. Попробую потом еще в другие редакции сунуться.

Потому я достала из сумочки ручку с выгравированной на ней надписью «Жизнь без цензуры», дважды стукнула ею по блокноту, и магическая ручка-артефакт застыла на миг в воздухе, а потом сама принялась записывать всё, что слышала вокруг. Незаменимый артефакт в моей работе, и можно не тратить время на попытку успеть записать всё увиденное и услышанное — ручка сама всё сделает, достаточно лишь шепнуть нужное заклинание, установить ее на блокнотный лист, и следить за вовремя переворачиваемыми страницами. Потом я записанный материал редактирую и добавляю художественности, но главное, что сейчас я могла сосредоточиться на прослушивании, тем более диалог между Лунтьером и лекарем был любопытнейший.

— С водителем... Что-то странное творится, — бормотал лекарь, осматривая мужчину средних лет с непримечательной внешностью, у которого был совершенно ословелый взгляд и странная застывшая улыбка.

— Он впал в детство, как и предыдущие жертвы эпидемии, — мрачно произнес Лунтьер. Я тут же наострила уши.

Жертвы? Какой такой эпидемии?

Лекарь посмотрел на Лунтьера с тревогой.

— Полагаете, что это уже можно называть эпидемией?

— Ну а как иначе? Это уже которая жертва за эту неделю?

— Далеко не первая, конечно, но считаю преждевременными называть эпидемией...

— Предлагаете дожидаться, пока половина страны заболеет и станет полностью недееспособной? — усмехнулся Лунтьер.

— Возможно, это просто совпадение...

— Артур, это эпидемия, только в самом зачатке. Пока что... И нам не следует упускать возможность пресечь ее сейчас, пока она не расплзлась чумным пятном далеко.

— Вообще непонятно, как эта пакость распространяется...

— Ищите причины, сходства. Я тоже ищу... Сейчас зафиксирую здесь всё и отправлю доклад руководству.

Я присмотрелась к водителю. Он вел себя воистину как ребенок, причём совсем малыш какой-то: смешно надувал губки, лопотал что-то на младенческом языке и всё время пытался уползти на четвереньках в сторону. На свои травмы и порезы человек не обращал внимания, будто их не было вовсе. А при воздействии на него лекарьских чар с долей добрых успокоительных, судя по всему, мужчина сладко зевнул, потер глаза кулачками, захныкал, как малыш, и свернулся калачиком прямо на земле, посасывая свой большой палец, как соску.

Хм... Я-то в первую очередь подумала о том, что водитель решил просто разыграть инквизиторов и прикинуться дурачком, чтобы избежать наказания за дорожное происшествие. Но, судя по чрезвычайно серьёзным лицам магов, шуткой тут и не пахло.

Интересно, а это заразно, или нет?

— По вашей оценке, как именно произошла вспышка болезни? Что могло послужить провоцирующим фактором?

— Не знаю, мистер Брандт, — тяжело вздохнул лекарь. — Не знаю... Всё больше склоняюсь к выводу, что это связано с каким-то накопительным эффектом, и длительным влиянием некоего вещества на организм. Потому и вычислить трудно, так как накопительный эффект неизвестно сколько времени длился, а ярких маркеров отравления или магического воздействия нет. Но что бы это ни было, а оно сработало ровно перед тем, как водитель потерял управление, в состоянии детского сознания этот мужчина просто перестал осознавать себя за рулем экипажа. Я проверил его поверхностно ментальными чарами, чтобы убедиться в этом: мужчина со вчерашнего вечера чувствовал себя странно, но списывал на усталость и обычную простуду, однако по дороге на работу его накрыло, так сказать.

Лунтьер тяжело вздохнул и задумчиво потер подбородок, глядя на мужчину, который начал агукать, как маленький ребенок.

— Кого-нибудь из предыдущих жертв уже удалось вылечить?

— Пока нет, мистер Брандт. Так как нет понимания истинной причины этой странной болезни, поражающей сознание некоторых взрослых, то лекарства тоже нет. И у нас есть информация о том, что с такими же странными случаями столкнулись в некоторых других странах. Все силы лекарей брошены на разработку лекарства от этой неведомой напасти.

Лунтьер недовольно цокнул языком и перевел взгляд на меня, стоящую неподалеку и жадно вслушивающуюся в каждое слово. Он хмыкнул, проинструктировал лекаря по дальнейшим действиям и направился ко мне.

— Что, твой длинный нос еще не довел тебя до этих сплетен? — с хитрой улыбочкой спросил он.

— Видимо, сплетен как таковых нет, иначе я бы обязательно была в курсе, — пожала я плечами. — И что-то мне подсказывает, что это дело в инквизиции проходит под грифом секретности.

Лунтьер одобрительно хмыкнул.

— Власти не хотят разводить панику и преждевременно пугать народ. Мы надеемся решить проблему до того, как о ней начнут трезвонить на каждом углу.

— Что за эпидемия детства такая? — с живым интересом спросила я. — Где впервые обнаружена и как проявляется?

— Люди от нее в детство впадают, как видишь, — кивнул Лунтьер на лекаря, который как раз наколдовал погремушку и с помощью нее с легкостью увел обрадовавшегося водителя в воронку телепортации. — В разные возрасты: кто-то начинает вести себя совсем как малыш, а кто-то действует, как дети постарше... По моим наблюдениям, это связано с силой мага: чем он могущественнее, тем как более взрослый ребенок себя ведет. Этому мужчине не повезло, он совсем слабый волшебник, бедняга...

Говоря это, Лунтьер подошел ко мне ближе, резко дернул мой блокнот на себя. Ручка, всё это время записывающая происходящее, в том числе наши диалоги с Лунтьером, на секунду зависла в воздухе, а потом упала на землю. А сам блокнот подвергся жестокому нападению со стороны аристократа, который самым наглым образом вырвал все исписанные листы и одним жестом испепелил их. Они вспыхнули фиолетовым пламенем и медленным пепельным облаком осели на землю.

— Эй! Ты что творишь?!

— Ты же сама только что верно заметила: эта информация проходит под грифом секретности. Так что... Черкнёшь хоть слово на эту тему — отшлепаю, — ласковым голосочком пообещал Лунтьер. — Для начала.

Я возмущённо фыркнула, недовольно скрестив руки на груди.

— Ты кем себя возомнил, а? С какого ляда ты мной раскомандовался? Я из-за тебя уже потеряла работу и осталась без средств к существованию, нечего и дальше меня топить!

— Не прибедняйся, враньё и жалкие попытки разжалобить меня тебе не к лицу.

И этот его высокомерный тон и уверенность в моём якобы вранье разозлил меня чрезвычайно. Я прям почувствовала, как моя сущность встает на дыбы и требует восстановления справедливости.

Я зло сощурилась и процедила сквозь зубы:

— Много ты обо мне знаешь, что ли? Привык обо всех людях судить по себе? Многие, к твоему сведению, не купаются в деньгах, а иногда даже не знают, чем будут питаться завтра. Но какое дело до простых людей тебе, мерзкому самовлюбленному аристократишке, считающего себя вправе вершить чужие судьбы и манипулировать другими людьми так, как пожелает чёрствая душенька?

С удовольствием отметила, как вытянулось лицо Лунтьера, подняла с земли упавшую ручку, закинула ее в сумку, вместе с рабочим блокнотом, который отобрала из рук блондина, гордо тряхнула головой и бодро зашагала прочь от остановки и главным образом — от этого отвратительного молодого человека.

Бодрость моя продлилась аж целый один шаг — а потом я наступила на травмированную ногу, зашипела от боли и чуть не упала, потеряв равновесие. Меня спас Лунтьер, подхватив под руку, приобняв за талию и помогая дойти до ближайшей скамьи.

— Ты вывихнула ногу, тебе нужна лекарская помощь.

— Без тебя вижу, — огрызнулась я, пытаюсь выдернуть руку из цепкой хватки Лунтьера. — Но лекарскими чарами я не владею, так что придется доковылять до лечебницы...

Запнулась, только сейчас сообразив, что тут же лекари телепортировались, и я могу обратиться к ним за помощью. Почему сразу так не сделала? Впрочем, наверное, потому что была слишком сильно увлечена подслушиванием беседы Лунтьера с коллегами.

Оглянулась через плечо и поняла, что лекарей уже и след простыл. Один отвел ранее пострадавшего водителя, другой лекарь оказал первую помощь пострадавшим и покинул место происшествия. Проклятье, упустила шанс быстро разобраться с травмой, придётся всё-таки ковылять до лечебницы...

— Зато я владею. Садись, — настойчиво произнес Лунтьер, чуть ли не силой усаживая меня на ближайшую скамью. — И давай мне свою ногу.

— Хочешь под благовидным предлогом еще больше меня покалечить? — деловито уточнила я.

— Боишься, что я прямо сейчас начну мстить за выплеснутый на меня кофе? — усмехнулся Лунтьер, каким-то профессиональным жестом расстегивая застёжки тужельки на моей пострадавшей ноге.

— Не боюсь, а не без оснований ожидаю ответных мер, — аккуратно перефразировала я. А сама напряжённо наблюдала за движениями Лунтьера.

Он присел передо мной на одно колено, придвинул к себе мою ступню и провел по ней вверх-вниз мягкими массирующими движениями. Из ладоней Лунтьера при этом вырывался сноп фиолетовых искр, от которых по ноге расходилось приятное тепло.

— Глупая ты, Еления, — с театральным входом произнес он, вливая в меня свою магию, и я почти сразу почувствовала облегчение в ступне. — Не понимаешь, что мужчины могут ставить на место прекрасных леди совсем иначе...

— А иначе — это как? Абыюзерскими замашками, мужской силой и так далее? — скривилась я, продолжая сидеть в закрытой позе со скрещенными на груди руками, с донельзя недовольным лицом. — Или в угол поставишь?

Впрочем, не могла не отметить, что прикосновения Лунтьера были весьма приятны.

Он тем временем хохотнул на мои слова.

— К чему такие грубости, мисс Што-о-ольценберг? — произнес он нараспев. — Как мужчина, я предпочитаю ставить женщин не в угол, а в другое место.

— Даже любопытно, куда? — с демонстративным зевком спросила я.

— На шелковые простыни.

— Какие еще простыни? — не сразу поняла я.

— На белые. Или красные. И в коленно-преклонную позу прямо передо мной поставить.

— Да пошел ты! — возмущенно воскликнула я, ногой отпихивая от себя самодовольно ухмыляющегося Лунтьера.

Точнее, пытаясь его отпихнуть: к сожалению, этот негодяй оказался слишком юрким, и он ожидал моей агрессивной реакции, так что вовремя ушел с траектории удара.

Лунтьер мрачно рассмеялся, его улыбка и взгляд были полны ехидства и коварства. Он стоял передо мной, сунув руки в карманы, насмешливо глядя на меня сверху вниз и явно нисколько не беспокоясь о рамках приличия. Он был вполне доволен и собой, и моей бурной реакцией.

А меня аж распирало от возмущения! Жутко захотелось снять одну туфельку и запулить ее в лоб этому самодовольному аристократу.

— Ты, Ты... Самоуверенный негодяй ты!

— Спасибо за комплимент, я тоже от себя в восторге.

Он еще и воздушный поцелуйчик мне послал, нахал!

И пока я внутренне закипала от возмущения и думала, во что бы его излить, Лунтьер продолжил:

— Так, ногу я твою залечил, от перспективы быть размазанным грузовиком избавил. Неплохо для властного мудака, правда же?

— Если ты так нарываешься на комплименты, то знай, что от меня ты их никогда не дождешься, — с ядовитой улыбочкой произнесла я.

— Никогда-а-а не говори никогда-а-а, — певуче протянул Лунтьер, поигрывая бровями.

Но тут же посерьёзnel и сказал:

— Мне нужны от тебя не комплименты, а ответы на вопросы. Я видел, как ты вышла из тени деревьев около здания редакции, но при этом когда парой минут ранее стоял там же рядом, то никак тебя не видел и не чувствовал...

— Шпионил, что ли? — фыркнула я.

— Разумеется, — не стал отнекиваться Лунтьер. — Но так и не понял, какую магию такую ты использовала, что я не смог тебя увидеть и четко почувствовать рядом. Лишь смутное сомнение меня терзало, не более... А я ведь весьма опытный маг и такие маскировки обычно чую, такая уж у меня работа. Но тебя — не почуюл. Как именно ты пряталась под деревьями и умудрялась оставаться незамеченной?

— Не твое дело.

Буду я ему еще свои тайны природной магии раскрывать, ну да, как же, нашел дурочку!

— Ошибаешься, очень даже мое, — прошелестел Лунтьер.

И в голосе его послышались металлические нотки, от которых у меня волосы встали дыбом.

Он странным, незаметным скольльзящим движением оказался около меня и медленно склонился надо мной, а потом поддел двумя пальцами подбородок, разворачивая на себя.

— Если я задаю вопросы, то на них следует отвечать, — обманчиво ласковым тоном произнес Лунтьер, и его зеленые глаза натурально блеснули внутренней силой. — Ты должна усвоить, что с такими, как я, шутки плохи. Моих связей в инквизиции и не только достаточно, чтобы устроить тебе веселую жизнь. Хочешь этого?

— Вы мне открыто угрожаете, господин ирквизи-и-итор, — издевательским голосочком протянула я. — Это разве достойное поведение должностного лица?

— Ну что ты, я всего лишь предупреждаю, информируя о недальновидности некорректного общения с государственным служащим, — ослепительно улыбнулся Лунтьер. — Ну так что, ты уже жаждешь рассказать мне, как именно скрывалась в тени деревьев?

Прозвучало всё это совсем не вопросом, а конкретным таким требованием.

Хотел запугать меня? Ха!

Не на ту напал!

— Не горю желанием пускаться в объяснения, — с театральным вздохом произнесла я. — Вы, господин инквизитор, приходите ко мне с официальной бумагой для вызова на допрос в штабе инквизиции. Там и поговорим в соответствующей обстановке, если вы сможете представить веские аргументы в пользу такого беспардонного вмешательства в жизнь обычной гражданки. В противном случае, можно будет говорить о превышении должностных полномочий. Кстати, имейте в виду, что я с собой всегда ношу записывающий артефакт в постоянно включенном режиме и при необходимости могу предоставить доказательства ваших угроз.

Это была неправда на самом деле, точнее, правда лишь частичная: такой артефакт у меня действительно имелся, однако он не был включен нон-стопом и прямо сейчас тоже был выключен, кажется... Но Лунтьеру обо всем этом знать было необязательно, а делать честный вид я всегда умела.

— Могу хоть сейчас направиться в инквизицию и написать на вас заявление. Вы этого добиваетесь? Нет? Тогда уберите от меня ваши руки, господин инквизитор, — добавила я. — Вы нарушаете мои личные границы и оказываете психологическое давление в угоду своим личным целям. Насколько мне известно, это карается инквизицией, и если я напишу на вас жалобу и смогу подтвердить свои слова ментальной проверкой, то вам грозит как минимум дисциплинарное взыскание.

Лунтьер изящно выгнул одну бровь и с восхищённым изумлением покачал головой.

— Оу, вы гляньте, какая прелесть. Моими методами решила играть?

— Ну что вы, господин инквизитор! Я всего лишь предупреждаю, информируя о недальновидности некорректного общения с ни в чем не повинной гражданкой, — очаровательно улыбнулась я.

Лунтьер хохотнул, но ехидничать в ответ не стал. Он выпрямился, окинул меня оценивающим взглядом.

— Не хочешь, значит, по-хорошему, — не спросил, а утвердительно произнес он.

— Не-а. Не хочу.

Взгляд Лунтьера потемнел, в нем как будто яркие зеленые искорки погасли, но больше ничего не выдавало в нем изменившееся настроение, даже миловидная улыбка не померкла.

— Что ж, ладно... Тогда будем по-плохому, — мрачно произнёс он. — А еще...

Он вытащил из правого кармана некий сияющий голубым брелок, как мне поначалу показалось. А потом я охнула, когда до меня дошло, что это застывший в странной позе Морф. Мой фамилляр в виде расплывчатой звездочки не шевелился, но стоило Лунтьеру провести вдоль него ладонью и окропить снопом фиолетовых искр, как Морф ожил и возмущенно заверещал в руках Лунтьера.

— Не надо вешать на меня свои маячки, мисс Штольценберг. Еще раз увижу этого чудика — прихлопну его и возвращать не буду, — сказал он и отпустил вырывающегося фамиляра.

Тот сразу подлетел ко мне и пригрозил кулачком Лунтьеру.

— Я не чудик, я Морфей Великолепный ващета!

— Оу, сколько пафоса в летающем облачке.

— Да! А будешь качевряжиться — кирпичом в затылок отправлю тебя в царство Морфея! Или лучше сразу в царство Аида! Понял? Понял-понял?

— А если я разозлюсь и отправлю тебя в твои родные аморфные дали на изнанке мира? — спросил Лунтьер.

— Ха! Ржу, как пельмешка, над твоими угрозами! — заявил Морф.

Но за спину мою все-таки спрятался и теперь храбро выглядывал оттуда, вцепившись ручками в мое плечо.

— Очарова-а-ательно, — напевно протянул Лунтьер и перевел тяжелый взгляд на меня. — В общем... Не советую следить за мной, миледи. И просить своего фамильяра залетать на территорию моего особняка — тоже. Там защитных артефактов нового поколения развешено, как новогодних игрушек — на ёлке, и твоему фамильяру может здорово не понравится соприкосновение с моим охранным контуром, если живым вообще осанется. А за попытку шипонажа за мной, как за инквизитором и за постоянным представителем Искандера в разных дипломатических миссиях можно влететь так, что придется любоваться не мной, а небом в клеточку из маленького окошечка в потолке. Смекаешь, с кем связалась?

— Ненавижу тебя, — процедила я сквозь зубы.

— Это взаимно, миледи, — с театральным придыханием произнес Лунтьер.

И подумав, добавил:

— Надо же, рыжая красавица — и такая несносная...

Он ушел молча, не попрощавшись, просто вошел спиной в воронку телепортации, одним длинным шагом и мгновение спустя скрылся в искристом водовороте, оставив после себя лишь тень своей улыбки и мое бесконечное раздражение.

— Ну я ему устро-о-ою, — протянула я, раздраженно постукивая ногой по асфальту. — Нет, ну ты слышал его тон? Неслыханная дерзость!

— Еля, слушай... — начал было Морф.

Но я продолжала на своей волне:

— Надо этого высокомерного нахала поставить на место и желательно размазать его морально так, чтобы он навсегда запомнил этот урок...

— Еля...

— Есть идеи, как это лучше сделать? Хотя, слушай, можно, например...

— Еля!

— Да что тебе надо?

— Твоя рука...

Морф не закончил и многозначительно посмотрел на мою левую руку.

Я перевела на нее непонимающий взгляд, но тут же похолодела от ужаса.

— Не-е-ет... Нет-нет-нет-нет-нет, только не это! — взывала я, в панике разглядывая свою ладонь, а другой рукой схватившись за голову, которая готова была взорваться от избытка эмоций.

Потому что на среднем пальце моей левой руки пылало огнем внезапно появившееся энергетическое кольцо. И я очень хорошо знала, что это означает, и чем мне грозит...

Час спустя я уже сидела в своей комнате и потихоньку собирала вещи для предстоящего переезда. К счастью, с владелицей квартиры удалось договориться и отсрочить оплату на несколько дней, за которые я надеялась как-нибудь разрулить ситуацию с работой, но легче от этого не становилось: мне в любом случае придется съезжать, потому что вряд ли у меня получится быстро найти такую же высокооплачиваемую работу. Это мистер Рошфор щедро платил мне жалованье и накидывал премию, поощряя мое умение быстро найти необходимую

информацию или вынюхать что-нибудь эдакое скользкое, а вот конкурентные газетные издания могут оказаться не такими щедрыми. Я, конечно, в них сунусь попозже, в парочку мест даже сегодня успею забежать, наверное, но всё равно... Всё равно... Было очень тревожно.

Я тяжело вздохнула и продолжила складывать вещи в потрёпанный чемодан.

Насчет потихоньку собиралась — это я здорово пошутила, конечно. На самом деле я носилась по всей однушке, периодически раздраженно швыряя свои вещи на пол, в противоположную стену, непрестанно ругаясь и то и дело поглядывая на левую руку. Пылающее энергетическое кольцо больше не было видно, но я прекрасно знала, что оно там есть и уже никуда просто так не денется. И это бесило неимоверно.

Между всеми этими нервными похождениями по двадцати квадратным метрам я периодически вытаскивала какую-нибудь из книг на заветной полочке с моими подручными справочниками, нервно пролистывала ее в поисках нужной информации, логично не находила ее, потому что моя домашняя библиотека была ограничена всего одной полкой, раздражённо откладывала книгу в сторону и снова начинала наматывать круги по квартире.

Фамильяр всё это время кружил вокруг, то помогая складывать какие-то вещи на стол около чемодана, то взвываясь к потолку и мельтеша там маленьким искрящимся облачком.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу!..

— Еля, я ж тебе сказал: нет никаких способов снять эту магическую связку без ее исполнения! — в который раз повторил Морф в ответ на мои риторические вопросы на тему «Как мне оборвать эту связь?!»

— Ну почему-у-у, почему именно он?! — возмущалась я.

— Потому что он спас тебя сегодня, — развел руками Морф. — Еще и ногу твою подлатал. Наверное, это стало последней энергетической каплей. В следующий раз будешь знать, перед кем ноги выдвигать!

Морф хихикнул и увернулся от пущенной в него подушки.

— Да ладно тебе, не так уж всё и страшно!

— Страшно! — огрызнулась я. — Я не хочу быть чем-то обязана этому аристократу!

— Услуга за услугу, — пожал плечами Морф. — Ты сама знаешь, что это не ты, а твоя природная магия определяет. Это твое благо и твое проклятье в одном флаконе, сама знаешь.

Я вздохнула.

Это была правда, и это была паршивая новость.

Вышла на балкончик и оперлась на перила, невидящим взором глядя вдаль.

Отсюда, с балкона двенадцатого этажа, открывался неплохой вид на искандерский спальный район. Ярко светило летнее солнце, которое я не привыкла видеть в рабочие дни из окна своей съёмной квартиры, потому что в это время обычно либо носилась где-нибудь по городу, либо брала у кого-нибудь интервью. При мыслях об этом стало тоскливо... Всё-таки я любила свою работу, и ее потеря для меня была серьезным ударом, не только в финансовом, но и в моральном смысле.

Внизу проезжали разноцветные экипажи, прохожие торопились по своим делам, теплый ветер хулиганисто трепал листву деревьев, заставляя их покачиваться от таких ветреных объятий.

Я задумчиво смотрела вдаль, и к моему созерцанию присоединился Морф.

— Всё будет хорошо, Еля, — произнес он и ласково погладил меня по плечу аморфной лапкой. — Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем!

— Угу... Наверное...

— Да точно тебе говорю!

— Мне бы твою уверенность, Морф...

Но факт оставался фактом: случай связал меня с Лунтьером магической клятвой, о которой он, разумеется, даже не догадывался, потому что вряд ли ему было что-то известно о спе-

цифике моей магии. Но он теперь мог не нарочно этим воспользоваться, и мне следовало быть осторожной. Потому как что-то мне подсказывало, что я еще не раз увижусь с этим мужчиной...

Глава 4. Сладкие мечты

— Простите, мисс Штольценберг, но мы не можем принять вас в штат, сами понимаете... — мистер Гэриш развел руками и извиняюще улыбнулся. — Я могу предложить только сдельную работу по каким-то особым случаям... Не бог весть что, конечно, для репортера вашего уровня, но это всё, что в моих силах. Подумайте об этом.

Я молча покивала и так же молча вышла из кабинета главного редактора журнала «Здесь говорят». Внешне старалась оставаться спокойной, хотя внутренне закипала от бешенства.

На этой неделе я уже несколько раз приходила в разные редакции газет и журналов, и везде получала отказ с одинаковыми виноватыми улыбками. Со мной никто не хотел связываться... Прямо мне об этом не говорили, но не нужно быть гениальным человеком, чтобы сложить два плюс два и понять, кто именно так запугал главных редакторов всех ведущих печатных изданий в Искандере. Ну, может, не прямым текстом, но, кажется, информация о том, кто, как и по поводу кого запугал Саймона Рошфора, разлетелась мгновенно.

Ненависть к одному нахальному блондину закипала во мне всё больше.

Я быстро проследовала к выходу из здания редакции, мысли мои были мрачнее тучи. На выходе столкнулась с Эллис ди Кольхер, длинноногой блондинистой красоткой и моей коллегой по перу, так сказать. Хотя правильнее будет сказать — моей активной конкуренткой, потому что Эллис считала меня таковой и пыталась мне подражать, я много раз замечала, что она старается копировать стиль моих статей. Однако мои способы добычи информации она повторить уж точно не могла, да и просто понять их не могла, что бесило ее чрезвычайно.

Завидев меня, Эллис расплылась в фальшивой улыбке.

— Приве-е-ет, Штольценберг! Как дела? — она окинула меня цепким взглядом ядовитой змеи. — Смотрю, ты поправилась...

— Да я и не болела! — преувеличенно радостно отозвалась я, делая вид, что не поняла попытки задеть меня.

И пока коллега осмысливала мой ответ, я уже выскочила на улицу и поспешила слиться с толпой.

Блондинистая Эллис как всегда оправдывала свой цвет волос и кукольный вид. С ее заторможенным мыслительным процессом неудивительно, что ее силенок хватало только на рерайтинг чужих удачных статей.

— А у этого Лунтика длинные руки, однако, — раздался рядом со мной голос возникшего из воздуха Морфа. — Раз умудрился так быстро дотянуться до главных редакторов всех ведущих издательств и настучать про тебя... Может, и не он самолично стучал, но слава про тебя именно из-за него разлетелась же!

— Как ты его назвал? — прыснула я от смеха.

— Ну а что? Свалился на наши головы, как с луны, ишь, негодник! — возмущенно запищал фамилляр и глянул на меня провокационно так. — Ну чо? Как его мочить будем?

— Мне сейчас не до мести, Морфик, — грустно улыбнулась я. — Мне бы с закрытием базовых жизненных потребностей разобраться...

— Может, попробовать поговорить с ним? Ну, с этим, свалившимся на тебя с луны. Объяснить ситуацию, то да сё... Жахнуть его по башке сарделькой, в конце концов, если не поймет по-хорошему!

Я усмехнулась предложению фамилляра и покачала головой.

— У нас с ним общение сразу не задалось, даже пытаться не стоит.

— Но он та-а-ак смотрел на тебя в атриуме при первой встрече, та-а-ак смотрел, м-м-м! — Морф скорчил смешную мечтательную рожицу. — Ты ему, определенно, понравилась!

— Ой, да брось, — отмахнулась я, хотя почувствовала небольшое смущение и волнение при этих словах фамильяра. — Он наверняка обычный бабник и смотрел на меня исключительно как на очередную пассию на ночь, не более.

— Но он спас тебя!

— Да, и это стоило мне магической клятвы...

Я грустно посмотрела на ладонь, на пальце которой теперь всегда висело невидимое сейчас энергетическое кольцо. Цена такого спасения была высока, и мы с Морфом прекрасно оба это знали.

Но фамильяр все равно не отставал.

— В том и дело! Ты же понимаешь, что для разрешения магической клятвы тебе все равно придется плотно поконтактировать с этим Лунтиком какое-то время?

— Необязательно, — качнула я головой. — Есть и другие способы решения проблемы...

— О, у тебя появился план? — оживился Морф.

И на радостях сделал вокруг меня несколько кругов, мелькая перед глазами смазанным голубым пятном.

— Я хочу нарыть на него какой-то компроматный материал, который позволит разговаривать с ним на моих правилах. Но для начала мне надо найти работу...

— Может, пока временно куда-то в другую сферу устроиться? — осторожно предложил Морф. — Ну хоть продавцом... Я вон на той доске объявлений видел вакансию на продавца-консультанта в лавке гробовщика!

— Потрясающая вакансия, как раз в моем духе. Надо брать! — хохотнула я.

— Мне слетать взять телефончик? — уточнил Морф, не понявший моего сарказма.

Я покачала головой.

— Придется, конечно, что-то искать, если у меня до конца этой недели не получится решить свою проблему... Но не хотелось бы. И по финансовой причине — все-таки как журналисту мне очень хорошо платили — и потому что моя работа являлась хоть каким-то лучиком в моем царстве безумия, потому что свою работу я люблю, быть репортером — это прям мое призвание. И как бы ни приходилось сейчас выживать, а удовольствие от работы затмевало весь негатив. Если эту мою единственную яркую радость в жизни убрать, то я даже не представляю, в какую депрессию скачусь за считанные дни, и как из нее буду выползать... И выползу ли.

Морф издал шумный свистящий звук — возмущался, надо понимать.

— Печалюсь, как варёный баклажан, — грустно произнес он.

Я улыбнулась, поправляя сползающую с плеча сумку с потрепанным кожаным ремешком.

— Мне просто нужна громкая статья. Освещение какого-то громкого события, нужна сенсация...

— Предлагаешь самой создать такое событие? — деловито уточнил Морф.

Причем спросил таким тоном, будто был всерьез готов прямо сейчас начать помогать устраивать какое-нибудь «громкое событие».

Впрочем, зная своего фамильяра, я несколько не сомневалась в том, что при надобности он действительно может подсобить мне в таком деле. Правда, подсобит скорее всего так, что я потом об этом пожалею, но это уже детали.

— Надо мне продолжить слежку за профессором Бестианом Брандтом, — медленно протянула я. — Может, удастся что-то интересное раздобыть.

Морф аж воздухом поперхнулся — и запутался в ветках ели, мимо которой мы сейчас проходили.

— Ты именно из-за статьи про него и оказалась без работы, Еля, — осторожно напомнил фамильяр, вырвавшись из объятий хвойных веток и усевшись на моем левом плече. — И тебе словами через рот дали понять, что если ты продолжишь публиковать о нем материалы, то у тебя будут большие проблемы.

— Я в курсе, — скривилась так, будто разом лимон проглотила. — Но именно благодаря статьям про него я однажды громко прославилась, так что можно попробовать попытаться счастья еще раз... Если я подготовлю что-то особенное, то это будет лучшим решением моей нынешней проблемы. Необязательно же про него самого что-то писать, но вокруг него ведь постоянно что-то важное происходит, и я вполне могу узнать об этом в числе первых. Личность громкая, и события к себе притягивают громкие.

Бестиан Брандт — так называли нашумевшего в Искандере юного гениального профессора*.

[*примечание автора: про Бестиана Брандта у меня есть отдельная история «Как призвать Беса», в которой упоминалась назойливая репортёрша — наша героиня Еления. Книги главными героями и основным сюжетом не связаны между собой, это просто разные истории по одному волшебному миру, где перекликаются некоторые второстепенные персонажи; здесь и далее по тексту я озвучиваю по персонажу ту информацию, которая необходимая для развития конкретно этой истории про Елению и Лунтьера]

Он был не по годам умен и деятелен, внес огромный вклад в появление защитных артефактов нового поколения, но главным образом прославился за счёт своего умения общаться с нечистью — в прямом смысле слова общаться, потому что Бестиан был магом, умеющим разговаривать на языке любых тварей, как обитающих в наших мирах, так и лезущих к нам порой с изнанки мира. За удивительный дар понимания нечисти профессора Брандта прозвали Хозяином нечисти, из-за того что ему подчинялись твари, воспринимая своего хозяина как альфу. Профессор являлся каким-то сумасшедшим трудоголиком и активной публичной личностью: в последнее время он много разъезжал по академиям магии разных стран, рассказывая adeptам о гуманных способах сражения с нечистью. Это вызвало большой резонанс в обществе, привыкшем бездумно истреблять тварей, а не пытаться как-то взаимодействовать с ними и извлекать из них пользу. Поговаривали, что для создания артефактов нового поколения с абсолютной степенью защиты использовались некие редкие ингредиенты, которые можно было как-то извлечь из нечисти, чем как раз и занимался профессор Брандт, изучающий всевозможных тварей. Слюна там всякая, слизь, чешуйки... Из-за своей публичности и непривычного гуманного подхода к тварям изнанки мира профессор Бестиан Брандт часто становился героем скандальных статей в различных газетах и журналах, но настоящий фурор произвели даже не его заслуги по части науки — а информация о его личной жизни.

Дело в том, что профессор Бестиан Брандт всегда был эдаким одиночкой, но недавно его увидели в обществе юной леди. Надо ли говорить, кто именно впервые застукал профессора Брандта с его избранницей, да еще и быстро прознал о том, что та является истинной невестой? О-о-о, эти мои статьи и удачно сделанные фотографии произвели эффект разорвавшейся бомбы! Люди любят сплетни, хе-хе. Не то чтобы я специально в это лезла, но так уж вышло.

На самом деле я тогда просто пулей прилетела в здание администрации, где раздался взрыв во время конференции артефакторов, и я как раз примчалась посмотреть, что же там произошло, благо совсем рядом находилась по своим рабочим делам. Я первая вызвала лекарей на помощь пострадавшим во время взрыва, а еще попыталась найти следы того, кто мог бы быть причастен к террористическому акту. Увы, потерпела в этом плане поражение, так как преступник бесследно скрылся с места преступления еще до моего появления, но я зафиксировала всё, что смогла увидеть и узнать, в том числе в кадр попал профессор Бестиан Брандт, с любовью смотрящий на свою невесту. И от этого снимка у мистера Рошфора глазки загорелись так, что он отшел в сторону все другие мои более «скучные и серьезные» статьи и фотографии, отложив их на потом и решив ковать пока горячо. Я высказывала свои сомнения на тему того, стоит ли уподобляться желтой прессе, но кто я такая, чтобы спорить с главным редактором? У него от моих удачных кадров перед глазами, видимо, уже золотые монеты посыпались в пред-

вкушении эффекта от информационной бомбы. Ну да, такого эффекта точно не добиться от моей серии статей про самоуправство чиновников и беспредел в больницах...

Начальник был в диком восторге от меня и обещал щедро премировать в конце месяца, а я, поддавшись азарту, видимо, слегка заигралась в слежку за этой новоявленной парочкой и влезла куда-то совсем не туда... Из-за чего осталась не только без премии, но вообще без работы и с риском остаться без крыши над головой, эх... Сама виновата, знаю. Ну откуда мне было знать, что я оказалась настолько не в то время не в том месте? Вот чуяла же, что не надо вестись на подначивания Рошфора...

— И вообще! Кто минуту назад предлагал мне самой создать сенсацию? — напомнила я фамильяру с хитрым прищуром.

— Я уже одумался и пытаюсь теперь тебя направить на путь истинный, дитя мое пельмешное!.. — пафосным голосом провыл Морф.

И телесность свою изменил так, чтобы за его спиной появилось подобие ангельских крылышек, а над его головой — круглое облачко в виде светящегося нимба.

Я возмущенно фыркнула.

— Почему пельмешное-то? Я сей деликатес уже сто лет не ела!

— Ну тогда — сосисочное!

— А их уже неделю не ела.

— Ну тогда — вермишelsonое дитя!

— Вермишelsonо-быстро-приготовительное тогда уж.

— Не поэт ты, — театрально опечалился Морф.

— И хвала небесам!..

А потом я резко остановилась и уставилась на свою левую ладонь.

Морф от неожиданности не удержался на моем плече и кувыркнулся в воздухе.

— Что случилось, Еля?

— Кольцо запульсировало... А это значит, что...

— Он где-то рядом? — тихо уточнил Морф, прижав ладошку ко рту и округлив свои и без того большие глаза.

Я кивнула, напряженно глянула по сторонам и безошибочно нашла взглядом Лунтьера.

Лунтьер Брандт меня не видел, ну или делал вид, что не видел, — этого я знать не могла. Во всяком случае, он просто шел по противоположной стороне улицы и свернул в магазинчик с зефирно-розовой вывеской «Сладкие мечты ди Жизель».

— Чой-то он по элитным кондитерским шастает? — подозрительным тоном запищал Морф у меня над ухом.

— Не знаю, но сейчас узнаем...

— Бить будем? — радостно уточнил Морф. — Или в холодец превращать?

— Тебе лишь бы пожрать! — фыркнула я.

— Пожрать — это святое! — со сладким вздохом произнес Морф. — Как и поржать.

Я хмыкнула и не стала тратить время на переход дороги по пешеходному переходу, до которого еще нужно было пару минут топать, а решила проскочить оживленную дорогу иначе: одним плавным шагом скользнула в тень ближайшей ёлки, благо ими были засажены местные тротуары по обеим сторонам дороги, прикрыла глаза, шепнула «Проведи меня тенью» и в следующий миг уже осматривалась на другой стороне дороге. По спине пробежал приятный холодок, какой всегда возникал при перемещении древесными тропами.

Я сошла с невидимой обычным людям тропы, незаметно вышла из морока и уверенно шагнула к ярко-розовой двери с серебристой табличкой «Добро пожаловать в Сладкие мечты!».

Внутри всё было такое же сахарное, как и снаружи, во всех смыслах того слова.

Эта волшебная кондитерская словно сошла со страниц сказочной книги, с ее антикварной мебелью из красного дерева и диванами с розовой бархатной обивкой, на которых уютно устроились посетители, решившие полакомиться изысканными десертами прямо здесь.

Под куполами хрустальных витрин выставили в ряд разнообразные сладости: нежнейшие муссовые пирожные с самыми разными начинками, снежные зефирные облачка, покрытые золотой пудрой конфеты из настоящего арбйского шоколада, вафли с разноцветной начинкой и в шоколадной глазури, белоснежные сахарные цветы, которые при откусывании приобретали цвет и вкус, соответствующий цветовой гамме, — любимое шуточное лакомство не только детей, но и многих взрослых.

Около выхода как раз стоял счастливый мальчуган, который только что откусил сахарный лепесток белоснежной розы, и та прямо на глазах стала окрашиваться в алый цвет. Лицо мальчика засияло чистым восторгом.

— Клубника, мама! Мне попалась клубничка, моё любимое!

Я с умилением глянула на счастливого ребенка, вспоминая, как сама в детстве обожала этот сахарный десерт. Сейчас ни за что на свете не съела бы сию тонну сахара, которая теперь казалась мне приторной гадостью, но в детстве хотелось слопать все сладости мира, особенно когда мы только перебрались с родителями в Искандер, и я дорвалась до всех этих удивительных волшебных сластей, которых в моем родном мире не было.

Лунтьер Брандт стоял около прилавка и разговаривал с пухленькой темноволосой женщиной с высокой сложной прической, одетой в элегантное платье с корсетом и таким выдающимся бюстом, на котором не только любой мужчина — но и женщина залипнет! На ее платье красовался бейджик с каллиграфически выведенной надписью «Арманда ди Жизель», собственно, это и была хозяйка данной кондитерской лавки, самой популярной и самой дорогой лавки во всем городе, да и во всей стране, пожалуй. Арманда весело щебетала с Лунтьером и всячески демонстрировала ему свое декольте, которое он упорно игнорировал, глядя исключительно в глаза хозяйки. Нет-нет, действительно в глаза! Вот же стойкий аристократ, однако.

Я не стала приближаться к этой кисло-сладкой парочке, а осталась стоять недалеко от входа, делая вид, что внимательно разглядываю ближайшую витрину с медовыми десертами. А сама при этом жадно вслушивалась в каждое слово Лунтьера с мисс Жизель.

Слух у меня был хороший, нечеловечески тонкий, так что я прекрасно расслышала их диалог

— Вам как обычно, мистер Брандт?

— Как обычно и еще что-нибудь особенное! Мне для эльфийского генерала, сами понимаете, что за личность...

— Вновь отправляетесь в Гербосс? — с понимающей улыбкой спросила мисс Жизель, доставая из-за прилавка конфеты в дорогих металлических коробках.

— Да-а-а, мой любимый Геросс, служба зовёт... Ну и в приграничном Бэйлинбóre тоже много дел в этот раз.

— Надолго уезжаете?

— Минимум на пару недель. Решил остаться на все рождественские праздники.

Мисс Жизель недоуменно похлопала глазками и глянула на буйную летнюю зелень за окном.

— Рождественские?... Ах да, как же я забыла, эльфы ведь по старому календарю Рождество отмечают?

— Ну да, в день летнего солнцестояния. Всё у них не как у людей...

Мисс Жизель рассмеялась, кокетливо прикрывая рот ладошкой.

— О, как чудесно! У вас такая интересная жизнь, мистер Брандт! А я вот никогда не была на далеком эльфийском континенте, эх...

Я не удержалась от того, чтобы закатить глаза к потолку. Столько неприкрытой лести и вдохновенного обожания было в этих словах, что я рисковала стошнить сахарной ватой прямо на ближайшую витрину.

— ...вы же знаете, как эльфы обожают наш шоколад, — продолжал тем временем Лунтьер.

— Ну еще бы, мои сладости еще никого не оставляли равнодушным! Тогда я посоветую вам...

Хозяйка лавки принялась подробно рассказывать про сладости, предлагать разные варианты, а Лунтьер внимательно слушал и придирчиво разглядывал каждую коробку.

— Геросскому генералу и его свите надобно подарить всё самое лучшее, чтобы не давать ни малейшего повода для проявления неуважения со стороны нашего государства, — приговаривал он при этом, и хозяйка лавки понимающе кивала, в красках расписывая плюсы каждого лакомства.

Сам Лунтьер сегодня был одет в темно-зеленый костюм и мантию с бледно-серебристым растительным узором. Чёрную шляпу-котелок, любимый атрибут искандерских аристократов, Лунтьер положил на прилавок и принялся внимательно разглядывать те коробки конфет и шоколада, которые перед ним выкладывал мисс Жизель.

А я задумчиво смотрела на Лунтьера и думала...

Хм-м-м... Собирается в командировку аж к геросским эльфам, значит? Серьезное дело, общаться с этими товарищами — значит, заниматься делами государственной важности.

Мои губы невольно расплылись в предвкушающей улыбке, потому что в голове созрел план, как эффектно подпортить жизнь этому самоуверенному аристократу.

Глава 5. Испытать судьбу

Пока Лунтьер был увлечен выбором сладостей в подарок для эльфийских чиновников, я юркнула к ближайшему прилавку, благо их в этой большой кондитерской было несколько. И пока я осталась незамеченной для Лунтьера, то обратилась к другому продавцу-консультанту — приятной девушке, блондинке с длинными волосами, тоже собранными в сложную высокую причёску, как и у мисс Жизель. Только платье у этой девушки было гораздо более скромное, и без всякого глубокого декольте, скорее уж наоборот — закрытого типа с высоким горлом. Глядя на блондинку и других ее схоже одетых коллег, даже промелькнула мысль, не специально ли хозяйка кондитерской так своих подчинённых одевает, а то, упаси Пресвятая Мелия, кто-то ее шикарный бюст переплюнет и перетянет на себя внимание?

— Добрый день! — приветливо улыбнулась мне продавщица. — Что желаете? Мы готовы подарить вам самые сладкие мечты!

Это вряд ли, учитывая, что самой сладкой мечтой у меня сейчас было желание дать Лунтьеру битой по башке, или отхлестать его букетом шипастых роз, сорванных с ближайшей клумбы, — просто так, чтобы душу отвести. Ну или сарделькой, как Морф предлагал.

Но вместо этого я улыбнулась и задумчиво протянула:

— Мне бы коробочку хороших конфет, но не очень дорогих...

— Вам для кого?

— Для одного, хм... Молодого человека.

Продавщица поправила очки на переносице и уточнила:

— Вам для отблагодарить или для отомстить?

— Второе, — не задумываясь, сказала я.

Причем не лично ему, а чтобы он эти конфеты, над которыми я еще немножко поколдую, подарил какой-нибудь важной эльфийской персоне, которая за неподобающее отношение раскрасит жизнь оч-ч-чень яркими красками.

Продавщица склонилась ближе ко мне и заговорщическим шепотом уточнила:

— Бывшему отомстить хотите?

Я изобразила смущённый вид, решив подыграть продавщице и добавить деталей своей наспех выдуманной легенде.

— Не поймите меня неправильно, я девушка приличная, но он меня так унизил, так унизил! Опозорил на весь мой рабочий коллектив! Бросил меня публично и ушел к этой бабе, а я никак в себя прийти не могу...

Даже одинокую слезу смогла из себя выдавить и носом шмыгнула очень даже правдоподобно. Во, какая я чудесная артистка!

Кажется, зерно моего вранья упало на благодатную почву, потому что продавщица прижала ладошку к груди и эмоционально зашептала:

— Ох, госпожа, как же я вас понимаю! Все мужчины одинаковы! И они недостойны наших слез! Не переживайте, я смогу подобрать вам нужное!

Феминистка, что ли? Интересный контингент тут у миссис Жизель обитает.

Я мысленно усмехнулась, но отрицать предположения продавщицы не стала и понуро опустила голову, делая вид, что погрузилась в мрачные мысли. Пусть думает, что я бедная-обиженная девушка, которую бросил конченный мудака. Тем более что этот самый негодяй действительно имелся, хоть и по другой причине. Но признаваться продавщице в том, что я хочу насолить высокопоставленному инквизитору, было так себе идеей, даже для моей бойкой жизни с нежным флёром безуминки.

Продавщица отошла всего на минутку, потом вернулась с одной-единственной маленькой коробочкой. В отличие от большинства ярких упаковок, эта была весьма лаконична: простая черная матовая с небольшим изображением разбитого сердца в левом углу.

— Вот! Думаю, это именно то, что вам нужно.

Я склонилась над конфетами и с сомнением глянула на этикетку.

— Это конфеты с приворотным зельем, что ли?

Ну и зачем они мне?

Девушка покачала головой.

— Не совсем. Они, хм... Со специфичным афродизиак. Обязательно почитайте инструкцию, там есть любопытная побочка у мужчин...

— Беру, — не задумываясь, сказала я, предвкушая, в каком «восторге» будет эльфийский генерал после поедания такого подарочка от Лунтьера.

Это оказалось даже лучше моей изначальной задумки купить похожие конфетки и просто слегка подпортить их чарами. Я думала по-быстрому сообразить что-нибудь вроде плесени на шоколаде, на это эльфийский генерал уж точно оскорбиться, но... Так даже лучше.

С коварной улыбкой глянула на буклет с инструкцией. Возможные побочки мне оч-чень нравились. Определенно, так даже лучше.

И пусть продавщица поняла меня иначе, видимо, посчитав, что я хочу попытаться вновь вызвать яркий интерес у своего наспех выдуманного бывшего и как следует подразнить его, но какой здесь, в кондитерской, сервис, однако! Не только сладкие мечты, но и сладкие пакости помогают осуществлять. Лепота! Надо будет им хороший отзыв написать, о первоклассной клиентоориентированности, и всё такое...

— Сколько с меня?

Продавщица назвала сумму, и я нервно дернула глазом. Конфеты тут что, из золота льют, что ли?

Даже в первую секунду хотела отказаться от своей идеи, но все-таки высыпала горсть серебряных монет на прилавок. Продавщица пожелала мне удачи и переключилась на обслуживание другого клиента, а я тем временем тихонько позвала фамильяра:

— Пс-с-с, Морф!

Он тут же материализовался на прилавке передо мной, и я придвинула к нему коробочку с конфетами.

— Поможешь? Мне без тебя и твоей магии не справиться.

Он понял меня без лишних комментариев.

— Отвлеки его, чтобы я мог конфеты в упаковках поменять, — весело подмигнул мне Морф, схватил коробочку и вместе с ней исчез в воздухе, став невидимым.

— Сейчас организуем, — расплылась в коварной улыбке и двинулась к Лунтьеру.

Он как раз оплачивал покупки у другого продавца-консультанта, пока мисс Жизель занималась упаковкой товара, так что мне стоило поторопиться с отвлекающим маневром.

— О, а я-то думаю, чем тут так неуместно пахнет в такой чудесной кондитерской, — громко произнесла я, встав слева от Лунтьера и будто бы с интересом разглядывая сладости в витринах. — А это, оказывается, ваш тяжелый парфюм мешает наслаждаться атмосферой сего великолепного заведения, мистер.

Лунтьер сначала повернулся ко мне с недоумением, но, увидев меня, расплылся в понимающей улыбке.

— Мисс Што-о-ольценберг, — протянул он. — Какая встреча. Уже соскучились по мне?

— Который день горю желанием встретиться с вами вновь, — с издевательским придыханием произнесла я и кивнула на коробки со сладостями, которые упаковывали для Лунтьера. — Конфеты в цвет лица подбираете?

— Я похож на сине-сиреневую лягушку-переростка? — с усмешкой спросил Лунтьер.

— Ну нет, что вы. Просто вы отвратно выглядите, мистер Брандт, и упаковка этих конфет чудесно сочетается с вашими синяками под глазами и бледной кожей, которая из-за отсветов зеленой мантии выглядит особенно болезненно, — расплылась я в широкой радушной улыбке.

Лунтьер зло сузил глаза, и я почувствовала, как его аура нехорошо завибрировала.

Мысленно я довольно потирала руки, потому что именно такое раздраженное состояние и хотела вызвать у этого аристократа, чтобы он полностью сосредоточился на мне и не обращал внимания на то, как что-то маленькое невидимое в лице Морфа подозрительно шевелится около упаковок конфет. Обычным милым разговором перетянуть на себя внимание не удалось бы, и Лунтьер наверняка бы что-то заметил, а вот сейчас я прям почувствовала направленное на себя недовольство.

— Хамить изволишь? Судьбу испытываешь? — холодно осведомился Лунтьер.

Впрочем, тут же взгляд его потеплел, и он произнёс уже совсем другим, подозрительно медовым тоном:

— А вообще да, знаешь... Эта ночь была такой тяжелой... Вчера лег около двух. Не выспался...

— До двух ночи считал, хватит ли твоего жалованья для покупки конфет в «Сладких мечтах»? — продолжила я нагнетать, кинув взгляд на подготовленные коробки конфет, общая стоимость которых была выше моей ежемесячной арендной платы за жильё.

— Не-е-е. Просто лег около двух женщин, — расплылся Лунтьер в похабной улыбке. — Вымотался, сама понимаешь... Сегодня лягу около одной. Надеюсь, выплусь.

И вот Маргс его поймёт, по этой его улыбочке, всерьёз говорил или просто ответно издевался надо мной.

Но я не собиралась показывать, как мне это не понравилось. Вместо этого скрестила руки на груди и со скептическим выражением лица приподняла одну бровь.

— Ты всерьёз думаешь, что меня интересуют твои любовные похождения? Я, по моему мнению, что должна делать? Завидовать и страстно желать занять место этих несчастных двоих девушек с таким плохим вкусом, что они даже на тебя позарились?

— Вы не умеете врать, мисс Што-о-льценберг. Я прекрасно умею считывать сигналы с женского тела.

— Ну на-а-адо же, какой элитный дешифровщик нашёлся, — я с притворным восхищением покачала головой и прижала ладошку к щеке, делая удивленные глазки. — И что же вы считали с моего тела, мистер? Желание плеснуть на вас еще один стаканчик с кофе?

— Оу, ну нет, это желание читается в твоём взгляде настолько крупными буквами, что они стремятся убежать за пределы глаз, — хохотнул Лунтьер. — Я о другом: о том, что ты лукавишь, и на самом деле была бы очень даже не против составить мне компанию в ночи...

— Ну разве что на кладбище, пока буду копать тебе могилу, — фыркнула я.

Лунтьер недовольно поцокал языком. Впрочем, выглядел при этом вполне веселым. Мне даже показалось, что он получал какое-то извращенное удовольствие от нашей пикировки. Впрочем... Пожалуй, я — тоже.

— Не умеете вы врать, мисс Штольценберг... Совсем не умеете.

Он одним плавным шагом скользнул мне за спину, и я вздрогнула, когда голос Лунтьера раздался над самым моим ухом:

— А вот я могу честно сказать, что не отказался бы воплотить некоторые сладкие мечты с такой рыжей красавицей... Узнать ее поближе... Во всех смыслах...

Палец его при этом очертил заостренный кончик моего уха, и я похолодела, осознав, что то ли маскировочные чары каким-то образом вновь спали с моих ушей, либо Лунтьеру на эти чары было глубоко фиолетово.

От его горячего шепота у меня мурашки побежали по телу:

— Ты так притягательно пахнешь... и думаю, что на вкус ты превзошла бы сладость самого изысканного шоколадного десерта. Что ты будешь делать, когда я захочу убедиться в этом на практике?

И, не дожидаясь ответа, он резко отстранился от меня и, прихватив приобретенные товары, покинул кондитерскую быстрее, чем я успела прийти в себя и придумать очередную колкость в ответ.

Еще пару минут так и стояла около стеклянных витрин, скрывающих снежные облачка зефирных роз, смотрела в пустоту в одну точку и пыталась уgomонить гулко стучащее сердце. Только когда ко мне обратилась с вопросом мисс Жизель, не желаю ли я чего-нибудь приобрести, я очнулась и поспешила покинуть кондитерскую. Как в тумане шла по улице, не замечая никого и ничего вокруг, то и дело задевая прохожих и думая... Думая: это... Что сейчас было вообще?!

Я коснулась своих ушей и глянула на себя в отражении витрины продуктового магазина. Вроде всё было в порядке, хотя маскировочные чары почему-то выглядели нестабильными, через такие Лунтьер, видимо, и разглядел нюансы моей внешности.

— Еля, я всё сделал в лучшем виде! — пискнул Морф, появившись на моем плече.

Я медленно кивнула, но пребывала сейчас в таком состоянии глубокой задумчивости, что не придавала особого значения словам фамильяра.

Мне было уже плевать и на конфеты, и на эльфийских чиновников, и на то, что я, скорее всего, за свои дурные шуточки, продиктованные эмоциональным порывистым желанием отомстить и в ответочку подкинуть проблем на работе, огребу потом по полной программе, и мне точно придется уезжать из Искандера и менять профессию.

Что меня сейчас действительно интересовало, так это моя магическая нестабильность. Откуда она взялась? Почему моя сущность так странно реагирует на Лунтьера?

И что мне со всем этим делать?

Глава 6. Информатор

— Еля, ты с дуба рухнула?! — фамильяр повторил эту фразу уже в который раз подряд.

— С лиственницы тогда уж, — хмыкнула я, устраиваясь поудобнее и облокотившись как раз о ствол вышеупомянутого дерева. — Ну чем ты недоволен?

— Ой, даже не зна-а-аю! Может, тем, что ты наставила отслеживающие маячки на территории самого профессора Брандта?!

— Ой, да брось ты! Я же не забиралась к нему в сам дом и не нарушала его личные границы. А что поставила маячки на опушке леса, около которого особняк отстроен, — так эта территория общественная, так сказать, законом не запрещено по ней шастать. Как видишь, мои маячки сработали аж сегодня, сразу же! Я вообще не ожидала такой скорости, рассчитывала на несколько дней ожиданий, но сегодня мне прям везет!

— Я бы не торопился с выводами, — недовольно проворчал фамильяр, зависший надо мной вниз головой.

— Ты не ворчи, а лучше прибавь огоньку, Морфик, а то уже совсем темно стало.

— Сама ты Морфик! — огрызнулся фамильяр. — Я Морф! В крайнем случае — Морфиус Великолепный! А не какой-то там хиленький Морфик...

— Чем тебе не нравится такое ласковое обращение? Звучит как что-то мягкое и пушистое...

— Как пуфик звучит! — фыркнул Морф. — И нет ничего отвратительнее, чем быть мягким и пушистым!

— А, ну если та-а-ак...

Я хихикнула в кулак, Морф еще что-то неразборчиво проворчал, но все-таки засветился ярче мягким голубым светом, будучи эдаким летающим подручным светильником.

Поблагодарив фамильяра, я устремила взор вдаль, так как сидела на холме, откуда открывался прекрасный вид на лес, речку и стоящие в отдалении одинокие особняки. Вот в одном из этих особняков и жил профессор Бестиан Брандт, из-за статьи про которого я осталась без работы, и за которым я сейчас осторожно вела слежку.

Я сидела на этом холме уже несколько часов и рисовала. Карандаш в моей руке прямо-таки жил своей жизнью, и блокнот пополнился уже несколькими великолепными иллюстрациями. Я встретила здесь изумительной красоты закат, небо пестрило разноцветными облаками, будто какой-то художник разлил сочные краски на палитре. Красный, оранжевый, желтый, фиолетовый, голубой, розовый... И легкая туманная дымка, придающая нежное настроение. Романтика, да и только! Правда, сегодня у меня был особый романтик, на пару с ворчащим призраком-фамильяром.

Но рисовала я не пейзажи и небо, о нет, не для того я тут спряталась в древесном мороке. Иллюстрации были непростые, они как раз являлись частью моего профессионального секрета, который и позволял мне быть вездесущим репортером, в прямом смысле того слова.

— Еля, а может, все-таки домой, а? — с надеждой произнес Морф.

Я усмехнулась, покачала головой и продолжила рисовать.

Сейчас я как раз дорисовывала ёлку, напротив которой сидела, осталось буквально несколько штрихов. Можно было, конечно, и другие деревья попробовать нарисовать, но через ели у меня получалась наиболее крепкая связь, а мне сейчас была нужна именно такая, ведь я не могла себе позволить допустить осечку.

Добавив еще несколько штрихов карандашом, удовлетворенно кивнула и пробормотала, то ли обращаясь к самой себе, то ли к Морфу как к единственному моему собеседнику:

— Ну а теперь давай посмотрим, кто является обитателем этой самой лиственницы, ну или кто оказался случайным ее гостем в нужное нам время в нужном месте...

Я прикрыла глаза и положила ладонь на рисунок. Медленно вдохнула и выдохнула, вместе со вздохом вливая в черно-белый рисунок через ладонь свою природную магию. Не видела, но привычно почувствовала, как магия полилась зеленым потоком — от земли через мои босые ноги, через всё тело к ладони и дальше — и рисунок под моей ладонью расцвел яркими красками, зашевелился, как ожившая иллюстрация, и начал меняться, как будто я приближала невидимую «камеру» к дереву... Но я не смотрела на сам рисунок — у меня перед внутренним взором плыли картинки, потому что сейчас я задействовала свою природную магию и взывала к связи с местной флорой и фауной.

Своим особенным взором я быстро пробежалась по дереву в поисках нужного мне информатора, анализируя тех, кто живет на этом дереве или оказался здесь случайно. Переползая внутренним взором вверх по стволу и внимательно прощупывая магией каждую ветку, я быстро отсекала ненужных насекомых. Всякие муравьи, пауки, гусеницы... Это всё не то, нужно что-то летающее... Листовёртку оседлать, может? Хотя нет, сегодня ветрено, ей будет тяжело лететь, путь для нее неблизкий...

Я прошла внутренним взором по еще одной ветке, взгляд зацепился за что-то яркое синее, блеснувшее в свете Морфа.

О, стрекоза! То, что надо.

Синекрылая красавица отозвалась на мою магию, и ее глаза на миг вспыхнули зеленым светом, сигнализируя о подчинении мне.

— Давай-ка, красавица, слетай в сторону особняка профессора Брандта, — прошептала я, задавая ментальным приказом нужное направление.

Стрекоза тут же взвилась в воздух, и я, продолжая сидеть с закрытыми глазами на холме около ели, как будто летела вместе со стрекозой и наблюдала за всем происходящим вокруг — не ее глазами, а своим, околочеловеческим взглядом, как если бы летела где-то рядом со стрекозой. Я, можно сказать, поймала ее ауру, зацепилась за нее крючком своей природной магии, и это позволяло мне использовать стрекозу в качестве своеобразного информационного агента. Сейчас стрекоза бодро подлетала к нужному мне особняку, около которого всего несколько минут назад сработали мои маячки, оповещающие о появлении профессора Бестиана Брандта где-то около своего особняка.

Именно так я и получала всю самую труднодоступную информацию, «седлая» разных насекомых и отправляя их ментальным посылом в такие точки наблюдения, куда ни один репортер забраться сам не смог бы. А я вот — могла, благодаря своим маленьким помощникам. Ну а что? Насекомые — мелкие, внимания к себе особо не привлекают. Ну, если, конечно, не цепляться за ауру какого-нибудь комара, но этих кровопийцев я никогда не трогала, в первую очередь из-за их слабых крылышек и тупости — управлять ими ментально на большом расстоянии было непросто. Ну а во-вторых, был слишком большой риск попасться под руку человека и сразу потерять ментальную связь с насекомым в связи с его гибелью. Поэтому я предпочитала цепляться ментально за каких-нибудь красивых насекомых, которых люди обычно не трогают: бабочки там всякие, стрекозы, мотыльки... Моим любимым был вариант с божьими коровками, потому что с ними можно было незаметно усестись аж на сам объект наблюдения и быть уверенной, что насекомое не прихлопнут тут же, едва завидев его. Но поди еще найди этих божьих коровок на том дереве, которое я нарисовала и напитала магией оживления! Чаше всего я рисовала ёлки, потому что с этими деревьями мне легче всего было установить связь, а божьи коровки как-то не особо любили по ним ползать.

Таким вот подглядыванием и подслушиванием я занималась сегодня уже несколько часов, наблюдая за разными локациями и личностями и пытаясь разнюхать какую-то важную информацию, которую можно было бы дорого продать в редакцию газеты. Ничего прям такого громкого подслушать не удалось, так, лишь парочку интересных сплетен узнала относительно одного банкира и чиновника. Но на сенсацию эта информация не тянула, так, интересно, но не

более. Еще неделю назад я бы сдала эту информацию Рошфору в виде занимательной статьи и сидела бы довольная, но сейчас мне нужно было что-то другое... Что-то особенное. И я искала, терпеливо искала дальше... А вечером сработали мои маячки около дома профессора Брандта, и я поспешила сменить локацию наблюдения и отправить туда нового информатора-насекомого. Адрес особняка не был какой-то великой тайной, об этом мрачном доме с чёрной черепицей не раз писали в газетах, да и профессор Брандт принимал у себя в гостях репортёров газеты «Ежедневных фактов», было дело. Жаль, что в ту пору я еще не была ведущим репортером, и мне не дали аккредитацию на интервью у профессора. Эх, вот я бы вынесла из этого интервью намного больше интересного, чем это сделала моя коллега!

Стрекоза-информатор спокойно пролетела через решетку кованых ворот и оказалась на территории особняка, беспрепятственно миновав все защитные барьеры и сигнальные чары. Это тоже было частью моего шпионского секрета, потому что я ну очень редко сталкивалась с абсолютно непроницаемыми защитными барьерами. Обычно даже самые мощные барьеры не пропускали ничего — кроме насекомых. Потому что мало кто задумывается о защите от мелких летающих мушек-стрекоз-бабочек-мотыльков, никто не воспринимает их как потенциальную опасность. А зря!

Я вот вместе с синекрылой стрекозой преспокойно проникла сейчас туда, куда явно ни одну кошку не пустили бы, а вот обычное вроде как летающее насекомое — пропустили. Стрекоза как раз подлетела ближе, и я тоже будто летела рядом с ней и наблюдала за тем, как профессор Бестиан Брандт, высокий мужчина с растрепанными темными волосами, идет под руку со своей невестой. И всё бы ничего, можно было подумать, что мужчина просто ведет любимую женщину к себе домой, но... Было в этом столько странностей, что я нахмурилась.

— Ну? Что ты там видишь? — нетерпеливо поторопил меня Морф.

Я сейчас не видела, но чувствовала, как фамильяр наматывает круги вокруг моей головы.

— А ты сам слетать глянуть не хочешь?

— Не-е-е, я к этим твоим Брандтам больше не лезу! — тут же взвился Морф. — Слишком уж я для них приметный, а этот твой Лунтьер знаешь как жёстко меня прихлопнул, когда обнаружил слежку за ним? Как будто сочную отбивную пытался из меня сделать! Еля, вот почему подглядывать и подслушивать хочешь ты, а страдать должен я, а? Так нечестно! Пусть он тебя в следующий раз отбивает! И жарит... И-и-и что он там еще может делать...

— Лунтьер не мой, вообще-то!! — возмутилась я, проигнорировав остальные слова фамильяра.

— Ты не отвлекайся давай, расскажи лучше, что ты там видишь? Мне ж тоже интересно!

— Профессор Бестиан Брандт вошел на территорию своего особняка, вместе со своей невестой. Странно...

— Что именно странного?

Я задумчиво закусилла нижнюю губу.

— Невеста этого Брандта выглядит сильно потрепанной...

— Ой, тоже мне, нашла сенсацию! — громко фыркнул Морф. — Ну потрепал он ее в лесу в какой-нибудь жаркой позе, и что с того?

Я хохотнула.

— Нет, дело не в этом. Девушка какая-то подозрительно уставшая, вымотанная и потрепанная...

— Ну, долго он ее в лесу трепал, и что с того?

— Морф! Ты можешь думать о чем-то другом?

— Могу. О пельме-е-ешках, — с тоской в голосе протянул фамильяр.

— Ой нет, лучше думай о позах в лесу, а то я жрать хочу неимоверно. А если я начну думать о пельмешках, то всем будет плохо! И вообще, ты меня отвлек. Так вот, о девушке... У нее прям какой-то забитый и уставший вид, да и профессор Брандт смотрит на нее с тревогой.

Но самое главное — сам профессор странно одет. И... Проклятье, плохо видно, но, кажется, у него из кармана торчит... Да, точно — маска варгов.

— Ва-а-аргов? — я прям всем нутром ощутила, что Морф аж засиял ярче и завибрировал от волнения. — Ты ничего не перепутала?

Я покачала головой.

— Да и видок у него соответствующий: варги в такой одежде обычно и ходят. Черная кожаная куртка, маска в виде красного черепа...

— Но ведь профессор этот не может быть врагом, — взволнованно произнес Морф.

— Нет, конечно. Он весь такой воин света, все дела. Ты о семейке его слышал? Там все борцы за добро и справедливость до мозга костей, даже если темной магией владеют. Чета Брандтов никогда не замарает свое имя связями с отбросами вроде варгов.

Варги — так называли преступную группировку, которая последние месяцы кошмарила Искандер своими террористическими выходками. Они устраивали погромы в торговых центрах, совершали набеги на государственные учреждения и при этом использовали какие-то хитрые маскировочные артефакты или иную особую магию, потому как эту группировку пока что никак не могли отследить и отловить даже элитные войска инквизиции. Я лично с варгами никогда не сталкивалась, уж не знаю даже, к счастью или к сожалению, потому что, возможно, я как раз своими информаторами и смогла бы отследить варгов, но для этого мне для начала нужно было точно знать, за кем следить. А с этим мне пока что ни разу не везло, и я всегда оказывалась на месте совершенных преступлений, когда варгов уже и след простыл.

В любом случае, я была прекрасно осведомлена о злодеяниях этой преступной группировки, которая непонятно чего добивалась от власти, потому прикид варгов узнаю издали. И наблюдаемый мною объект в лице профессора Брандта сейчас выглядел именно как варг, хотя быть таковым точно не мог, так как вел против них борьбу.

— И что всё это значит, как ты думаешь? — спросил Морф.

— Думаю, он под прикрытием работал... Может, внедрялся в группировку варгов, чтобы выяснить, где у них логово находится? И в процессе сего действия невесту свою из какой-то беды вытащил... И вот из какой именно — это очень любопытно, вроде вчера с ней всё было в порядке, я не слышала никаких странных новостей и сплетен на ее счет. Попробую что-нибудь разузнать.

— А если Лунтьер узнает, что ты тут вынюхивала всякое про его близкого родственника? — с сомнением протянул Морф. — Кузены они, или кто там, не знаю...

— А я ничего компроматного писать не собираюсь... Пока что. Я лишь хочу вынюхать побольше и, возможно, подслушать какие-то имена варгов.

— Ну и зачем они тебе?

— Как — зачем? Морф, ты ещё не понял? Я хочу упасть на хвост какого-то варга, проследить за ним с помощью своих информаторов, узнать адрес их логова, которое инквизиторы ищут уже который месяц подряд, честно сдать эту инфу следственному комитету, а потом почивать на заслуженных лаврах, написать об этом сенсационную статью и с фанфарами вернуться в редакцию газеты! Рошфор сам меня с руками оторвет, наплевав на Лунтьера, он такую информацию из своих рук не упустит. Да и Лунтьер ничего против сказать не сможет, если я столь эффектно послужу на благо государства. Никакие гадости я ни про кого писать не собираюсь, мне просто нужны имена и локации, а дальше я уже сама разберусь и залезу туда, куда другие не смогут. Ну как тебе мой план?

— Елька, ты точно с дуба рухнула, — с чувством произнес Морф.

Видеть я его сейчас не могла, но была уверена, что фамилляр смотрит на меня со своим фирменным скептическим взглядом напополам с сочувствием.

— Значит, отличный план, надо брать, — усмехнулась я.

Ментальным посылом я попросила стрекозу подлететь поближе к особняку и усесться на подоконник окна первого этажа. Однако сразу стала понятна бессмысленность этого мероприятия.

— Проклятье! — тихо ругнулась я.

— Что случилось?

— На территорию особняка защитные чары спокойно пропустили информатора, а вот на окнах и всём доме в целом такие забойные чары стоят, я не то что чужую беседу — даже грохот из помещения не услышу! Абсолютно непроницаемая защита, вот уж где постарались на славу... Попробую найти лазейку в окно.

Я направила стрекозу полетать около окон первого этажа, но никаких открытых ставней или просто щелей не заметила. Я несколько минут потратила на то, чтобы тщательно изучить все окна особняка, но не нашла ни единой щелочки.

— Мне ничего не подслушать, — с горечью констатировала я.

Отдала ментальный приказ стрекозе вернуться на исходный подоконник и с грустью посмотрела в окно, за которым можно было увидеть, как профессор Брандт расставляет на столе еду и вместе со своей невестой приступает к трапезе.

— А если попробовать прочесть по губам? — предложил фамильяр.

— Не выйдет. Они сидят так, что именно их губы мне плохо видно.

— Засада, — резюмировал Морф — Хм... Слушай, а как насчет трубы? Камин у них имеется? Если да, то может попробовать через трубу залететь?

— Морфик, ты гений! — воскликнула я.

Тут же отдала ментальный приказ стрекозе подлететь к трубе и попробовать в нее залететь, но столкнулась с неожиданной проблемой: стрекоза вдруг стала вести себя странно, держаться в сторону так, будто хотела как можно скорее отлететь от дома. Мои ментальные послылы она старалась игнорировать и вообще вела себя так, что я опасалась в любую секунду потерять с ней связь.

— Елька? Ты чего так хмуришься?

— Стрекоза беспокоится...

— Что-то не так?

— Она чувствует приближение... чего-то. И хочет скорее скрыться. Хм, странно...

Я позволила стрекозе отлететь на то расстояние, которое она посчитала безопасным и попросила насекомое оглядеться, чтобы я через нее могла лучше оценить обстановку. Может, насекомое почувствовало приближение какого-то сильного темного мага? Вáрга, например. Тогда мне можно будет сразу на него переключиться.

Оглядевшись как следует и заметив странное приближающееся свечение в небе, я сначала восприняла его за свечение какой-нибудь редкой ночной птицы со светящимся в темноте оперением, но потом пригляделась как следует... И в полной мере осознала, почему стрекоза пыталась улететь в сторону — это она чувствовала приближение опасности и стремилась спастись.

Огненные шары. Целый ураган огненных боевых шаров, летящих непрерывным потоком откуда-то с северной части леса, обрушился на особняк профессора Бестиана Брандта. Мощные магические удары пробивали даже защитные чары дома и уверенно превращали стены особняка в решето.

Стрекозу сдуло ударной волной, и я чуть не потеряла ментальную связь с насекомым, но всё-таки сумела удержать истончившуюся ментальную ниточку.

Вроде сама и не находилась в непосредственной близости от всего происходящего, но аж вздрогнула всем телом при первом взрыве и потом в ужасе наблюдала внутренним взором за тем, как особняк прямо на моих глазах превращают в руины.

— Очуметь... — выдохнула я, не в силах поверить тому, что вижу.

Я искала какой-нибудь громкий новостной повод? Что ж, кажется, я его нашла. Причем такой, что громче некуда... Во всех смыслах того слова. И совсем не тот, на который рассчитывала...

А-а-а, что делать-то?! Бежать туда самой? Звать на помощь?

На несколько секунд я замерла и в полном ступоре наблюдала внутренним взором за мощной магической атакой. Со стороны это было похоже на огненный дождь, смертельный такой, всепоглощающий. Жуткая стихия огня ужасала, одновременно восхищая и завораживая своей мощью.

Меня раздирало противоречивыми эмоциями. В первую очередь — ужасом от осознания того, что я стала свидетелем такого жуткого покушения на жизнь знаменитого искандерского профессора. Честно говоря, это было совсем не то зрелище, каким мне бы хотелось любоваться.

Потом я очнулась и решила, что надо немедленно бежать туда, к особняку, попытаться что-то сделать... Но тут же подавила в себе этот порыв, потому как толку от меня бы сейчас не было. Ну что я там сделаю? Боевым магом меня назвать можно было разве что спьяну, а мои простенькие бытовые чары при таком масштабном пожаре будут абсолютно бесполезны.

А еще мелькнула мысль попробовать слетать стрекозой в ту сторону, откуда запускался огненный дождь, чтобы узнать, кто стоит за покушением на жизнь профессора, но, к сожалению, именно в этот момент моя связь со стрекозой оборвалась, и меня буквально вышвырнуло ментально обратно в себя, ощущения были не из приятных. Я сначала хотела попробовать какое-нибудь другое насекомое оседлать ментальным управлением, но после беглого сканирования своих сил пришла к неутешительному выводу: магический резерв был почти пуст. Нда, сегодня я явно переоценила свои возможности... Причем настолько, что, кажется, даже не оставила себе сил на возвращение домой древесными тропами. Придётся пешком идти отсюда до ближайшей дороги, а пока буду в ночи брести через лес, надо будет как следует пообщаться с деревьями, чтобы напиться от них чуточку энергией и ускорить процесс восстановления магического резерва. Глядишь, пока к дороге выйду, как раз восстановлюсь настолько, что смогу вновь по древесной тропе пройти.

Но как же досадно, что сил больше не осталось на слежку! Такой шикарный шанс попытаться отследить тех, кто устроил эту бомбёжку (а это наверняка происки варгов!), а я не могу им воспользоваться в силу энергетического опустошения, эх-х-х.

— Лепить-колотить! Это что за фейерверк на том берегу? — голос фамильяра выдернул меня из раздумий.

Он, надо полагать, видел, как там, вдали, вспыхнул огненным факелом один из виднеющихся домов, и теперь недоумевал, что происходит.

Я открыла глаза и тоже уставилась на полыхающую горошину света вдали.

— На профессора Брандта совершено самое настоящее вооруженное нападение. Прямо на его особняк, да еще с таким количеством оружия... Ты представляешь, какие громкие заготовки на этом можно сделать? Вот оно, Морф... Это же настоящая сенсация! — с чувством выдохнула я, со смесью трепетного ужаса и восторга в голосе.

Потому что, ну-у-у, чисто по-человечески я, конечно, была в шоке, а вот с профессиональной точки зрения — в полном восторге, что уж тут скрывать.

— Вот как обычно — у людей горе, а репортёры радостно о нем пишут, — недовольно пробормотал Морф.

Ему вообще не особо нравилась моя работа, и он не упускал случая поворчать на эту тему. По-доброму ворчал и никогда непосредственно работе не мешал, да еще много помогал, но именно из теплых отношений ко мне, а не из любви к моему сомнительному с его точки зрения, ремеслу.

— Репортеры тоже нужны, Морф. Мы освещаем все значимые события, поднимаем в обществе социальные проблемы, и нередко именно благодаря нам не удается замолчать темы, которые пытаются замять. Ты же сам знаешь, сколько скользких дел вскрылось именно благодаря моим усилиям. Репортеры — что-то вроде фонарика в ночном лесу.

— Да, только некоторые вещи неплохо бы оставить в темноте.

— Да я спору, что ли? Я бы и рада, как ты сказал, заниматься чем-то более величественным, да только чем? Ну не уродилась я каким-нибудь магическим гением или крутым боевым магом, которого с руками в инквизиционном штате отрывают. А пресса сейчас — отличная возможность для меня поднять побольше денег в короткий срок. Ты сам знаешь, из какого болота проблем я пытаюсь выбраться, так что... Ничего личного — просто деньги.

— Понимаю, — вздохнул Морф, смешно болтая прозрачными ножками, сидя на моей сумке. — Пельмешки сами по себе дома не появятся — их для начала надо на что-то купить!

— Вот-вот! И заметь, я никогда не опускаюсь до клеветы и оскорблений тех личностей, о ком пишу статьи, в отличие от многих моих коллег в желтой прессе, — добавила я. — Преувеличить немного — могу, но сугубо для художественной окраски.

— С твоими талантами в плане возможностей слежки в инквизиции бы работать, — проворчал фамильяр.

Я рассмеялась.

— Ну ты что, кто меня туда возьмет? Маг-то я посредственный, там такие не нужны, там отбор жёсткий.

— А ты помощь для этого обстреленного профессора вызвать не хочешь, а? — резко спросил Морф. — А то, пока болтаешь, уже можно было бы вызвать подмогу!

— Ну ты в самом деле думаешь, что я такая бесчувственная, что ли? — фыркнула я. — За кого ты меня держишь? Разумеется, я бы сразу побежала за помощью при необходимости!

Морф завис передо мной, судя по его виду — пытаюсь найти признаки интеллекта в моих глазах.

— А сейчас необходимости нет, что ли?! Пусть там жарятся, как тефтели на сковородке?!

— Да не в этом дело, Морф, — улыбнулась я. — Просто помощь уже прибыла.

С этими словами я кивнула на пылающий факелом разрушенный особняк, на который больше не сыпался с неба огненный дождь и который уже явно активно тушили, судя по мощной вспышке заклинаний и быстро потухшему огню.

— Перед разрывом связи со стрекозой я успела увидеть, как к дому телепортировалась одна верховная волшебница из числа инквизиторов быстрого реагирования. Боевой маг Эльза Кларксон, я о ней наслышана, и даже статью о ней как-то писала. Она сильная очень, любой пожар затушит и пострадавших из него вытащит.

И, помолчав секунду, добавила тише:

— Лунтьер тоже там. Очень быстро примчался на выручку, никакая скорая помощь так быстро не примчалась бы. Думаю, у инквизиции какие-нибудь отслеживающие маячки сработали, возвестившие о пожаре.

— Лунтьера ты тоже видела?

Я покачала головой.

— Не видела, не успела увидеть. Но я его чувствую.

С этими словами я выразительно постучала пальцем по своей руке, на которой ненадолго проявилось энергетическое кольцо. Оно слегка пульсировало, давая мне понять, что связанный со мной человек находится где-то рядом.

— Там особняк изрешетили напрочь, — вздохнула я, стараясь пока не думать о Лунтьере и о том, как я с ним влипла с этой треклятой клятвой. — Его буквально превратили в руины. Столько снарядов по дому выпустили... Какой ужас...

— Тогда получается, что и профессор Бестиан со своей невестой погибли?

Я пожала плечами.

— Не знаю, они вполне могли выжить, если успели куда-то скрыться, телепортироваться...

— Если успели, — мрачно произнес Морф, особенно выделив голосом слово «если».

Я тяжело вздохнула.

— Надеюсь, профессор Брандт и его спутница живы, и им окажут необходимую помощь. В любом случае, это уже не моя забота, а мне надо доделать начатое.

Я обратила взор на свой блокнот, в котором ранее рисовала ёлку. Сейчас на блокноте застыло смазанное изображение горящего особняка — последнее, что я видела перед тем, как разорвать связь со стрекозой.

Положила ладонь на это смазанное изображение, и оно стало четче. Повинуясь моему магическому импульсу, изображение как бы «побежало» обратно, как если бы я отматывала пленку, выбирая, какую ожившую картинку превратить в фотографию.

Дело в том, что с одного такого шпионского «сеанса просмотра» я могла сделать одну-единственную фотографию, потому выбор ее был чрезвычайно важен — второго шанса у меня не было, к выбору нужно было подходить тщательно.

Изначально я собиралась оставить просто фотографию того момента, когда профессор Бестиан Брандт заходил в особняк под руку со своей избранницей — могла бы получиться неплохая антуражная фотокарточка, которую, возможно, я бы смогла потом использовать для чего-нибудь, — но после такого фееричного взрыва, конечно, остановила выбор на моменте непосредственного нападения на особняк и врезающихся в него огненных шаров. Выбрала тот момент, когда половина особняка уже превратилась в решето, очень красочный кадр получился. Впрочем, я всегда умела подбирать кадры так, чтобы они точно попадали на первую полосу, за размещение на которой платили больше.

Остановившись на нужном кадре, я повернулась к Морфу и попросила:

— Ну-ка, посвети ярким пульсирующим светом.

Фамильяр сделал, как я попросила, и от ярких вспышек света с ночи у меня немного заслезились глаза. Поймав пальцем одну такую слезинку, я тут же мазнула слезой по странице блокнота: она моментально вспыхнула зелеными искрами и начала менять форму прямо на глазах. Я внимательно наблюдала за процессом превращения рисунка в качественное изображение и непрерывно бормотала под нос нужные заклинания...

Мои слезы обладают массой полезных свойств. Сама их все до конца пока не знала, но среди них была не только заживляющая способность, но еще — оживляющая. Во всяком случае, при попадании моих слез на разные предметы и при закреплении их действия определенными чарами я могла добиться разных интересных эффектов. Например — создать фотокарточку с движущимся изображением зафиксированной сцены.

Именно это я сейчас и делала, и через минуту уже держала в руках фотографию.

— Готово! — я довольно прищелкнула пальцами, любясь творением рук своих.

— Пойдешь утром к Рошфору? — спросил фамильяр.

— Какое «утром», Морф? Сейчас же! Я иду к нему сейчас же, и я буду не Штольценберг, если не добьюсь своего, — самоуверенно добавила я.

Подумала и добавила:

— Хотя нет, даже не буду тратить время на перемещения, попробую Рошфора прям так выпепить. Морфеныш, подсветишь так, чтобы меня было хорошо видно, пока я с Рошфором по связному артефакту болтать буду? Не, поближе подлети. Ага, вот так. Отлично!

Говоря это, я уже доставала из кармана связной артефакт, холодный металл которого тут же отозвался на мой магический импульс и раскрылся, позволяя мне набрать номер нужного человека.

Я нажала дополнительно на маленький голубой кристалл и положила артефакт на землю перед собой. От металлического медальона в воздух взвился сноп голубых голографических искр, пока что просто туманных и ни на что не похожих.

Рошфор отозвался не сразу, а когда я, наконец, до него дозвонилась, то висящая в воздухе магическая голограмма артефакта тут же приняла форму головы очень недовольного Рошфора.

— Штольценберг, чтоб тебя! То до тебя несколько дней не докричишься, чтобы ты уже подошла подписать заявление на увольнение по собственному желанию, то вот ты чуть ли не в ночи сама объявляешься. Что за дела, Елениа?

— Не торопитесь раскидываться заявлением на увольнение, ведь есть большая вероятность, что вы очень скоро передумаете, — усмехнулась я.

— Я не могу передумать, Штольценберг! На меня давят слишком серьезные люди!

Ой ли? Верилось слабо. Скорее уж, просто трясся за свою репутацию.

— Но я владею бомбической информацией, которую у меня оторвут с руками в любой редакции, — певучим голосочком произнесла я.

Рошфор устало провел ладонью по лицу, вид у моего вроде как бывшего начальника был усталый, осунувшийся.

— Елениа, у меня был тяжёлый день, и я вообще не в состоянии сейчас с кем-то юлить, говори прямо, что ты там утаиваешь?

— Сейчас я моментально изменю ваше настроение в кардинально лучшую сторону, — пообещала я. — Знаете, где я нахожусь?

Я поведала Саймону о сегодняшнем взрывном (в прямом и переносном смысле того слова) вечере, и с каждым моим новым словом лицо главного редактора газеты «Ежедневные факты» вытягивалось всё больше, а глаза начинали гореть тем самым фанатичным огоньком, который загорается в глазах каждого репортера, столкнувшегося с ошеломительной новостью.

— Я была первой и пока что единственной свидетельницей сего происшествия, ну, не считая тех, кто прибыл к мистеру Брандту на помощь, — закончила я свой рассказ и помахала перед собой фотографией с полуразрушенным особняком. — Ну как вам новости, мистер Рошфор?

Судя по приоткрытому рту и светящимся восторгом глазам, Рошфор уже мысленно подсчитывал прибыль и купался в лучах славы после выхода статьи в свет. О том, что она производит фурор, можно было не сомневаться.

— Это... Это же сокровище — прошелестел Саймон, и даже через магическую голограмму было видно, что руки его аж подрагивали от волнения. — Но как ты умудрилась достать такой материал?

— Умею оказываться в нужное время в нужном месте, — хмыкнула я, не собираясь рассказывать детали своей слежки. — Ну так что, мы с вами договоримся?

Рошфор тяжело вздохнул и покачал головой, взгляд его потух.

— Лунтьер Брандт мне голову оторвет, если я с тобой снова свяжусь...

— Да ну бросьте, он вам ее оторвет, если я что-то плохое напишу или освещу касательно нежелательных персон, а я просто освещаю важные события. Об этом в любом случае будут говорить, такое событие не получится скрыть от общественности. Вопрос в том, кто заговорит об этом первым. Вам решать.

Саймон нервно покусывал губы и молчал. Магическая голограмма плохо передавала малейшие нюансы мимики собеседника, но даже без нее было понятно, что главного редактора сейчас раздражают противоречивые желания, и он пытается договориться с совестью. Ну или какой там у него суррогат вместо нее имеется?

— А может, ты вообще всё это выдумала, и никаких взрывов на самом деле не было? — наконец, произнес Саймон. — Сфотографировала какой-нибудь похожий особняк, я сейчас

выпущу эту информацию в массы, а на следующий день выяснится, что это всё был лишь твой дикий розыгрыш, хм?

Я не успела ответить, потому что Саймон отвлекся на кого-то, другого человека я видеть не могла, зато слышала его приглушенный голос:

— Мистер Рошфор, мои информаторы говорят о том, что со стороны Беритовой улицы раздались многочисленные взрывы!

Судя по голосу, это был Дейлиш, младший сотрудник редакции «Ежедневных фактов». Если он к Рошфору сейчас обращался, значит, они еще в офисе сидели, несмотря на позднее время. Впрочем, Рошфор часто надолго задерживался в редакции, предпочитая самолично контролировать печать следующего выпуска газеты, и обычно отсыпался до обеда, его редко можно было увидеть в офисе утром. А Дейлиш... Наверное, как обычно, пытался выслужиться, всячески демонстрируя свой энтузиазм.

— Есть подозрение, что нечто особенное произошло в особняке профессора Бестиана Брандта, мистер Рошфор!

Тот зыркнул на меня, и я многозначительно поиграла бровями, мол, ну что, убедился, что я тут не лапшу на уши развешиваю?

— Кому-нибудь удалось подобраться ближе и узнать детали?

Дейлиш покачал головой.

— Это невозможно, мистер Рошфор. Там уже все подходы к улице оцепили инквизиторы и еще какие-то странные маги в черных мантиях, среди которых, по слухам, есть эта бешеная некромантка Эльза Кларксон...

Я усмехнулась, так как прекрасно понимала, о ком идет речь, и была согласна с характеристикой.

— ...а с этой демоницей, сами понимаете, никто связываться не хочет! Если она оцепила территорию и сказала, что нельзя на нее заходить, — значит, нельзя! Иначе психанет и сожрет души всех, кто под руку подвернется...

— Понятно... Свободен, — тяжело выдохнул Рошфор. — Можешь идти.

— Но...

— Можешь идти, я сказал! — прикрикнул Рошфор.

И кулаком по столу стукнул так, что даже я отчетливо услышала.

Воцарилась тишина, я прям представила недоуменное лицо Дейлиша и заулыбалась еще шире.

Отдаленный звук громко захлопнувшейся двери — кажется, Дейлиш закрыл ее гораздо более агрессивно, чем требовалось.

А Рошфор тяжело облокотился на стол и взглянул на меня исподлобья.

— Сколько ты хочешь за эту фотографию и сопроводительную статью? — процедил он сквозь зубы.

Мысленно я уже ликовала, но внешне осталась спокойна и уверенно сказала:

— Три тысячи золотых.

Саймон аж воздухом поперхнулся от моей наглости и вытаращился на меня дикими глазами, разве что пальцем у виска не покрутил.

— Что?! Ты с ума сошла?!

— Отнюдь. Это сенсационный материал, мистер Рошфор, и у меня его оторвут с руками в любой редакции, куда бы я ни пришла, — белозубо улыбнулась я. — Тем более что у меня уже есть некоторые подвязки в других редакциях, я ж не сидела без дела на этой неделе, — соврала я, не моргнув и глазом, потому что по факту все мои «подвязки» ограничились сплошными отказами. — Так мы договорились, или мне пойти к мистеру Флэтчеру?

— Пятьсот золотых.

— Я могу еще, наверное, мистеру Фрэйсу удочку закинуть, — задумчиво протянула я, демонстративно отвернувшись в сторону. — Может, он захочет опубликовать мою статью в «Имперском голосе»... Как думаете?

— Тысяча золотых.

Я демонстративно зевнула, не собираясь отступать.

— Тысяча пятьсот, и по рукам, — с нажимом произнес Рошфор.

— Вижу, нам с вами не договориться сегодня, — театрально вздохнула я. — Что ж, доброй ночи, мистер Рошфор! Простите, вынуждена прервать наш увлекательный разговор, мне нужно отнести материал вашим конкурентам, сами понимаете...

Я потянулась к связному артефакту, делая вид, что хочу его отключить.

— Ай, шут с тобой, будет тебе твои три тысячи монет! — не выдержал Рошфор, хлопнув ладонью по столу и глянув на меня со смесью ненависти и восхищения. — Статью когда написать сможешь? За час справишься?

— Сделаю быстрее. Текст и фотографии пришлю вместе со своим фамильяром, после передачи денег он выдаст вам всю информацию.

— А может, сначала информацию передашь, а я потом на неделе тебе всю сумму переведу? — заискивающим голосочком произнес Саймон.

Я покачала головой.

— Только на моих условиях, мистер Рошфор. Деньги вперед.

— Окстись, Еления, да где я тебе столько наличных посреди ночи найду?!

— Что ж, у вас есть примерно полчаса, пока я пишу статью, чтобы найти нужную сумму наличными, мистер Рошфор. До связи.

И я отключила связной артефакт под аккомпанемент зубовного скрежета Саймона.

Глава 7. Недобрый вечер

— Ну ты и пельмёхнулась! — с чувством произнес Морф, всё это время прилежно молчавший. — Лихо ты его развела!

— Не развела, а забрала свою честную долю, — хмыкнула я, открывая блокнот и выводя для статьи громкий заголовок «Покушение на Хозяина нечисти», а ниже сразу помечая для себя подзаголовок «Кто стоит за убийством Хозяина нечисти?».

— Так он, может, жив, — с сомнением произнес Морф.

— Не «может», а скорее всего жив, и я очень на это надеюсь, — кивнула я. — В статье эта тема раскроется, а заголовки к освещению таких событий всегда должны быть максимально яркими, чтобы привлечь как можно больше внимания. Это ж пресса, Морф. Не переживай, я ничего компроматного или скандального писать не собираюсь, просто освещу событие. А про этого профессора Бестиана Брандта... Знаешь, подобных верховных магов просто так не уничтожить, это надо очень сильно постараться. Тем более если там рядом некромант уровня Эльзы Кларксон ошивается — такая любого на ноги поднимет в случае чего.

— А это, значит, что в этом покушении на жизнь не очень сильно старались убить профессора? — с сомнением протянул Морф.

— Думаю, нет. А может, и да, не знаю... Больше похоже на акт устрашения. В любом случае, я репортёр, мое дело — как можно быстрее осветить значимые события. А уж такой фееричный подрыв столь громкой личности, разумеется, является таковым событием.

Статью я написала даже быстрее, чем за полчаса, на волне вдохновения слова сами собой лились рекой. Потом передала все материалы фамильяру и облегченно выдохнула, когда тот исчез в короткой голубой вспышке. Я могла быть уверенной, что Морф сделает свое дело и без мешочка золотых монет не вернется.

А мне пока следовало пройтись по лесу, пообниматься с ёлками и напиться от них как следует энергией, чтобы суметь встать на древесную тропу и добраться до дома.

Я неторопливо шла по лесу, любуясь цветочной поляной, над которой зелеными огоньками кружились светлячки. Настроение у меня было приподнятое, я была в восторге от того, как эффектно удалось решить свою финансовую проблему хотя бы на этот месяц. А дальше... Дальше жизнь покажет. Надо мне все-таки поговорить с этим Лунтьером и попробовать как-то полюбовно решить с ним конфликт, наверное...

Впрочем, стоило об этом подумать, как я аж скривилась от такой гипотетической необходимости. Ну уж нет, к этому нахалу я на поклон ни за что не пойду! Лучше уж дождусь, пока он скормит подкинутые мною конфетки эльфийским чиновникам, и посмотрю на то, как они начнут топить в гневе этого аристократа. Месть — блюдо, которое нужно подавать холодным. В отличие от пельмешек!

Тьфу ты, вот понабралась же от фамильяра своего, весь вечер про еду думаю...

Впрочем, урчащий желудок напомнил, что еды в нем не было очень давно. А с учетом того, что до дома я доберусь еще нескоро, то следовало найти, чем подкрепиться в лесу, пока я здесь не упала в голодный обморок. Благо время года и погода были мне на руку, и можно было перехватить что-нибудь из ягод, например.

Я подошла к ближайшей ели, чей ствол смогли бы обхватить только три человека, обняла дерево, прижалась щекой к шершавой коре, прикрыла глаза и прошептала:

— Поделишься немного силой?

Дерево оказалось сговорчивым и щедро поделилось со мной энергией. Она полилась от ствола ко мне ровным потоком, невидимым чужому глазу, но хорошо мною ощущаемым. А заодно ель показала картинку, по какой тропе лучше идти, чтобы напрямик к кустам спелой малины подойти.

Я широко улыбнулась и шепнула:

— Спасибо!

А в благодарность за столь щедрое в меня вливание энергии потратила немного своей природной магии для удаления с ели парочки паразитных растений. Прямо услышала, как ель вздохнула с облегчением и благодарно завибрировала под моими ладонями.

В ночной тишине звуки леса всегда были особенно явными. Отчетливо слышно шорохи листвы, тихий шепот ветра, где-то далеко стрекотали сверчки. Я обнимала дерево, слушала, как оно дышит, и на некоторое время замерла в этом волшебном моменте. Потом еще раз поблагодарила ель и отправилась дальше, по указанной тропинке, по пути перехватывая толику энергии и от других деревьев.

Шла и любовалась, оглядываясь по сторонам. Леса здесь были густые, красивые до невозможности! Немудрено, что искандерская аристократия любила здесь жить.

В темноте ночного леса, освещенного мягким светом луны, царила какая-то прям волшебная атмосфера. Лунные лучи, пробиваясь сквозь ветви деревьев, создавали завораживающие узоры на земле, словно природный ковер из сияющих теней.

К густым зарослям малины я вышла всего через пару минут и радостно кинулась срывать ягоды. Правда, в первую минуту вздрогнула, увидев шевеление в кустах, но выдохнула с облегчением, когда между листьев малины показалась морда медвежонка.

— Привет, — улыбнулась ему я. — Не помешаю? Я тебя не объем, не переживай. Тут вроде всем хватит, а я так, немного голод утолю и дальше пойду.

Медвежонок принялся ко мне как следует, и я выпустила наружу свою магию, ярко засветила аурой, чтобы медвежонок понял, кто я, и осознал, что бояться меня нечего. Так и вышло, и медвежонок быстро потерял ко мне интерес, продолжив поедать малину. Я отошла к кустам подальше, чтобы не смущать своим присутствием медвежонка и его появившуюся маму-медведицу, которая сначала предупреждающе зарычала, но, принявшись как следует к аромату моей магии, успокоилась и тоже потеряла ко мне интерес. Я улыбнулась и отправила в рот еще несколько спелых крупных ягод.

У меня никогда не было проблем с дикими животными. Не то что с людьми!

Здесь я немного утолила голод, чуть ли не проглотив, едва жуя, несколько горстей малины, и продолжила неспешный путь по лесу в сторону трассы. До самой трассы, я надеялась, идти не придется, и рассчитывала в течение пятнадцати минут восстановить свой магический резерв до того уровня, чтобы суметь пройти по древесным тропам. А пока что просто наслаждалась на диво красивой ночью.

Звездное небо сияло особенно ярко, и в лунном свете тени елей и берёз казались зловещими, а запах свежей листвы и аромат лесных трав наполнял воздух, делая его таким густым — ложкой можно есть. Очень хотелось пройти по мягкой траве босиком, и я не стала отказывать себе в этом удовольствии. Сняла обувь, взяла ее в руки и зашагала по расстилающемуся травяному коврику. Энергия леса приятно щекотала ступни, и я блаженно улыбалась, чертовски довольная собою сегодня.

Так глубоко погрузилась в свои мысли и так увлеклась прогулкой по ночному лесу, что не заметила слежку за собой и не услышала почти бесшумные шаги. Только застыла от ужаса, когда из-за деревьев впереди мне навстречу из темноты шагнул мужчина. Лицо его было скрыто маской в виде красного черепа, и я нервно дернула глазом, только сейчас сообразив, что гулять по лесной чаще недалеко от того места, которое недавно подверглось тотальному магическому обстрелу, было так себе идеей. Почему я не подумала о том, что здесь же могут скрываться те самые злоумышленники, которые имеют отношение к подрыву особняка профессора Брандта?

Нет, ну понятно, почему я об этом не подумала: потому что на подскокившем адреналине вообще мозги отшибло. Ну и что делать? Драться я не умела, как и телепортироваться. А как

укрыться от бесшабашных варгов, представители которых так удачно преградили мне сейчас дорогу? От этих психов же чего угодно ожидать можно!

— Добрый вечер! — махнула я рукой с приклеенной улыбкой. — Ой, как здорово, что я здесь кого-то встретила! А не подскажете, как пройти в сторону трассы? Я тут, это... Заблудилась слегка. Грибы собирала.

— Без корзинки? — ехидно уточнил мужчина слева, который был повыше.

Голос его был искажен магической защитной маской, так что запомнить тембр голоса не представлялось возможным.

— Грэг, это она, — тихо произнес второй варг. — Штольценберг. Репортёрша. Защищаем. Нам свидетели не нужны.

Я нервно дернула глазом и с бешено колотящимся сердцем заулыбалась еще лучезарнее.

— Не нашла грибы, место неудачное, — развела я руками, старательно изображая потерянную дурачку. — А корзинку где-то оставила, да в темноте найти не смогла, такая я глупая, ужас! Так как пройти к трассе, не подскажете?

— Мы тебе сейчас сами дорогу покажем, — угрожающим тоном произнес варг по имени Грэг и шагнул ко мне вместе со своим напарником.

В лунном свете в руках обоих сверкнули обнажённые клинки.

— Раз, два, три... Ёлочка, гори-и-и! — радостно пробасил варг, поджигая ветки подо мной.

Пламя радостно заурчало, пожирая ветки, спасало меня пока только то, что большая их часть была влажной, так что огню требовалось время, чтобы разойтись как следует. Дыма, однако сразу появилось столько, что я закашлялась и задержалась еще сильнее в своих путах, да толку было от моих дерганий? Связали меня крепко, не подкопаешься.

— Хорошо-о-о девка гореть будет, — прогундосил варг по имени Грэг.

И оба варга заржали, довольные собой.

У-у-у, треклятые психи!! Да чтоб вас в дилмонову воронку засосало!

Их маски с красными черепами смотрелись весьма жутко через дымную завесу. Хотя мне, висящей вниз головой, привязанной ногами к ветке дерева и покачивающейся в воздухе прямо над медленно разгорающимся костром, сейчас трудно было оценить красоту и живописность момента.

— До Рождества вроде еще нескоро, господа, лето на дворе, — произнесла я. — Может, подождем с рождественскими кострами, отложим до лучших времен?

— Это смотря до какого Рождества, — хохотнул мужчина. — До эльфийского — рукой подать!

— Ну так мы не в эльфийском Героссе живем вроде, — заметила я, вновь отчаянно дергаясь в путах.

— Ничо, это не мешает Героссу жить во мне! — мрачно произнес варг пониже ростом.

И гордо расправил при этом плечи, будто речь шла о каких-то очень важных вещах.

Из чего я сделала вывод, что этот варг был геросским эльфом. Только они так загоняются со своими праздничными традициями. Точнее, нет, скорее не чистокровным геросским эльфом, а скорее всего — полукровкой. Иначе Геросс бы не покинул, и уж тем более не ввязался в преступную группировку варгов.

Впрочем, на кой мне анализировать эту информацию, если я все равно скоро стору, в прямом смысле того слова? Пламя подо мной разгоралось, еще чуть-чуть — и оно переметнется на свисающие вниз волосы и дальше радостно переползет на всю меня. Впервые в жизни пожалела о том, что у меня были не короткие, а очень даже длинные волнистые волосы. Всегда ими гордилась, но сейчас горько жалела об этом.

Варги скрутили меня профессионально и подвесили на ветку ближайшей липы вверх тормашками. Я ничего не могла противопоставить двум мужчинам, внешне больше напоминающих шкафы на человеческих ножках. Точнее, попыталась было сопротивляться, но меня так больно дернули за волосы, что на глазах аж слезы невольно выступили, и после короткого удара под ребра я быстро оставила попытки сопротивления. Я была физически слаба, и моя природная магия тоже никуда не годилась для сражения. Если бы я была настоящим геросским эльфом, то могла бы наладить ментальную связь с какими-нибудь животными в лесу и попросить условного волка заступиться за меня... А еще я так выдохлась энергетически за день, что сейчас даже когти проявить на руке не могла, не то что призвать сущность на помощь. И максимум, что я сейчас могла сделать, так это молиться о спасении. Так себе боевая техника, согласна, но что имею, тем и воюю.

Небеса моим молитвам внимать не спешили, и я нервно сглотнула, панически соображая, что же делать. Ни единой дельной мысли в голове не было. Точнее, одна мысль была — связаться с фамилярмом и попросить его позвать на помощь — но я никак не могла дозваться до Морфа. Кажется, варги использовали какие-то специфичные артефакты-глушилки, которые мешали мне воспользоваться любым магическим каналом...

— Давайте вы меня отпустите, и мы разойдемся по домам, а? Спать хочется, знаете ли...

— Не переживай, скоро заснешь навечно, — мрачно хохотнул Грэг, а его напарник гнусно рассмеялся.

— А вы мной любоваться прямо в процессе такого «засыпания» планируете? — уточнила я.

— А то ж!

Вот же психи, а! Ну как я умудрилась в большом ночном лесу наткнуться на двоих варгов?

Впрочем... Кажется, это не я наткнулась, а меня выследили, проверяя леса около взорванного особняка. Вот там инквизиторы околачиваются рядом и даже не знают, что здесь преступники прогуливаются и замечательно проводят время вместе со мной, показывая огненные фокусы. Вряд ли, конечно, эти варги были теми, кто выпустил огненный дождь по особняку профессора Бестиана Брандта, больно туповатыми они выглядели, скорее так, громилы, которых отправили проверить территорию на всякий случай. Ну и вот... Проверили.

— Да на кой я вам нужна? — спросила в который раз. — Я обычная девушка, чего вы ко мне прицепились?

— Нам свидетели не нужны, — тоже в который раз уже ответил Грэг. — Мы в курсе, кто ты. Еления Штольценберг, ведущий репортер редакции «Ежедневных фактов». Слишком болтливая цапочка, таким надо язык укорачивать.

— Дык я, это, уже неделю как уволена! — радостно произнесла я. — Можете спросить об этом мистера Рошфора, он подтвердит! И все остальные редакции подтвердят, что я сейчас ни у кого не работаю! Я больше не журналистка, ребят, это всё в прошлом!

— Ага, заливай нам, как же. Бывших репортёров не бывает, — хохотнул Грэг и подкинул сухой травы в огонь, чтобы пламя скорее разыгралось.

— Не быва-а-ет! — поддакнул его напарник и тоже кинул несколько мелких сухих веточек в костер.

Дым повалил столбом, прямо на меня, разумеется. Я закашлялась, глаза ужас как заслезились, от едкого дыма жутко защекотало в носу. Вдобавок ко всему мне становилось всё жарче от разгорающегося подо мной пламени, и от прилившей к голове крови становилось всё дурнее с каждой минутой.

Дернулась от неожиданности, когда палец на левой руке обожгло странным холодом, будто энергетическое кольцо вспыхнуло и быстро погасло.

Сразу вслед за этим раздался холодный властный голос:

— Отойдите от нее немедленно, сложите оружие и медленно повернитесь ко мне, подняв руки. Иначе ваш богатый внутренний мир окажется на ветвях ближайших деревьев.

Я быстро заморгала, пытаясь разглядеть мужчину, появившегося на лесной поляне.

Сердце заколотилось, как сумасшедшее, когда сквозь пелену густого дыма я увидела светящиеся в темноте зеленые глаза Лунтьера Брандта.

Глава 8. Мой господин

«Господи, Лунтьер, ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть!» — с чувством подумала я.

Чуть не выпалила это вслух, но вовремя одумалась. Во-первых, не стоило привлекать к себе лишнее внимание варгов, а во-вторых, нечего тут лебезить перед аристократами! Даже когда висишь на волоске от смерти! В прямом смысле слова висишь...

В эту минуту меня не интересовало, как и почему Лунтьер оказался здесь и сейчас на этой лесной полянке, с этим можно было разобраться потом. Главное — что у меня появился шанс выбраться из этого леса живой!

«Можешь называть меня просто „мой господин“, необязательно обращаться ко мне Господи, — неожиданно раздался в моей голове ментальный посыл. — Мне очень лестно, конечно, но, на мой взгляд, „мой господин“ из твоих уст будет звучать слаще».

Я аж задохнулась от возмущения.

Всего несколько секунд назад была безумно рада видеть Лунтьера, настолько, что готова броситься ему на шею. Теперь же единственное, что мне хотелось, так это выбраться из веревочного кокона и надавать по шее этому самоуверенному и самовлюбленному негодяю. Который, к тому же, не стесняется нагло влезать в мою голову, причем так аккуратно, что я даже не почувствовала этого. Возмутительная наглость!

— Хэй, бро, у нас гости, — раздался голос варга.

— Что ж, накрою нашему гостю поляну, да, Лойд? — мрачным тоном произнес варг по имени Грэг.

— Крова-а-авую поляну!

Лойд мерзко рассмеялся, и оба варга оголили клинки и шагнули в сторону новоприбывшего.

Лунтьер не шелохнулся, продолжая буравить тяжелым взглядом противников. Он был на голову ниже обоих громил-варгов, но, кажется, его это совершенно не трогало. Облаченный в длинную, развевающуюся светло-бежевую мантию, которая в ночной тьме и лунном свете выглядела эдаким белым пальто, он казался таким маленьким и хрупким по сравнению с накачанными варгами...

Но только казался — чего стоили одни только его горящие изумрудом глаза! От этого взгляда даже у меня мурашки побежали по спине, не говоря уже об исходящей от волшебника ауры. Меня от нее почему-то бросало в жар, и нет, это не было связано с тем, что я сейчас была курицей-гриль горячего копчения! Жар от всё разгорающегося пламени был совсем иным, а жаркая аура Лунтьера пронизывала, казалось, насквозь и касалась самого сердца...

Он поднял руку, из которой тихонько лился золотистый свет. Пламя вспыхнуло в его руке и фейерверком рассекло воздух, аккуратно когда один из варгов бросился на него с грозным рычанием. Лойда подкинуло в воздух и грубо швырнуло в кусты на другом конце поляны. Судя по подозрительному хрусту и стону, варг что-то себе сломал и больше сражаться не мог, действительно повиснув на ветке невысокого дерева.

Второй варг был поумнее и приближаться не стал, выставив вокруг себя плотные щиты, мерцающие перламутром в сумрачном свете, и решив атаковать на расстоянии: он активировал какой-то боевой артефакт, и в сторону Лунтьера полетело множество энергетических клинков. Сотня, не меньше!

Я вскрикнула при виде этой ужасающей картинки, представив, в какое решето сейчас превратят клинки Лунтьера... Но он мгновенно раскрыл телепортационную воронку, буквально испарившись в воздухе и мгновением спустя появившись за спиной варга. Лунтьер сделал странное движение рукой, будто набрасывал сеть на варга, и в его руках действительно

засветилась энергетическая сеть, сплетенная, казалось, из тончайших ниточек магии, чуть светящихся в темноте. Я уж было подумала, что всё, сейчас Грэг будет обезврежен!

Но не тут-то было.

Грэг оказался варгом, до зубов вооруженным какими-то их, варговскими, специфичными боевыми артефактами, о которых я даже не слышала ни разу. Он быстро раскрыл медальон, и вся лесная поляна на миг осветилась белой вспышкой света — такой яркой, что даже мне, через дымовую пелену, глаза резануло, что уж о Лунтьере говорить?

Я слышала его недовольное шипение, яростное ругательство, а когда проморгалась, то увидела, что противники сражаются уже не на жизнь, а на смерть. Любимым оружием Грэга, кажется, был клинок и всевозможные его виды, потому что он усиленно пытался насыпать на Лунтьера разные колющие боевые заклинания. В его руках то и дело мелькали разные клинки, в том числе энергетические, которые усиленно пытались пробить выставленные щиты Лунтьера. Сам Лунтьер тоже нападал, используя в основном сгустки ядовито-зеленого пламени, но пробить удивительно прочные энергетические щиты варга ему не удавалось, а еще ему приходилось отвлекаться на попытки Грэга запульнуть что-нибудь острое в мою сторону. Один из энергетических клинков влетел в ветку, на которую меня подвесили, и та подозрительно хрустнула и качнулась ниже.

Я облизнула пересохшие губы.

— Э-э-эй, мальчики, а можно как-нибудь поторопиться с выяснением отношений? — подала я голос, решив напомнить о себе.

Потому что пламя подо мной начало набирать силу, а ветка накренилась и приблизила меня к огню еще на пару сантиметров.

Лунтьер кинул на меня быстрый взгляд, и я услышала его ментальный посыл:

«Потерпи, любезнейшая, я скоро закончу с этой мразью».

— Я не любезнейшая!! — не удержалась от возмущённого восклицания. — Нечего меня так называть!

Грэг повернулся ко мне и склонил голову набок. Из-за маски я не могла видеть его выражения лица, и глаз на таком расстоянии рассмотреть не могла, но он явно недоумевал, на кого я так вопить удумала.

«Ну, вреднейшая тогда. Оно тебе и больше к лицу, согласен».

Я тихонько зарычала от возмущения, и Лунтьер усмехнулся:

«Ты висишь вниз головой над костром и еще умудряешься возмущенно рычать на меня?

Удивительная ты девушка, однако...»

Вот мог бы и потушить огонь в первую очередь, между прочим!!

«Некогда, как видишь» — услышала тяжелый вздох Лунтьера, который как раз каким-то чудом успел отразить на Грэга пущенное в меня режущее заклинание.

А этот варг — отпетый любитель холодного оружия, однако.

«Ладно, на самом деле я пытаюсь понять, как аккуратно потушить этот огонь, потому что он не обычный, варги разожгли его не спичками или просто искрой магии, а какими-то своими артефактами. И простыми чарами потушить не получится, судя по той вязи заклинаний, что я вижу вокруг костра. Как бы от моих некорректных действий еще ярче не вспыхнул...»

Час от часу не легче!

Хорошо, хоть подвесили меня высоко, и из-за влажных веток пламя разгоралось медленно, дымило больше. Впрочем, для меня сейчас просто каждая секунда казалась вечностью, хотя с момента появления Лунтьера на лесной поляне прошло совсем мало времени.

Удары энергетических клинков сыпались как град, но Лунтьер уверенно маневрировал, его руки в процессе колдовства мелькали в воздухе так быстро, что казались слегка смазанными.

Я восхищалась и ужасалась одновременно.

Ужасалась своим плачевным положением, а еще меня поразила непробиваемость защитных экранов варга, таких мощных, что их даже Лунтьер не мог пробить, а он ведь был верховным магом, судя по ауре аристократа.

А восхищалась ловкостью Лунтьера. Я бы давно на его месте превратилась в фарш! А он, он! Он задействовал сразу несколько магических техник и очень уверенно чувствовал себя в бою, выступая против даже серьезного противника. Туповатого — но всё-таки сильного и опытного.

Воздух на лесной поляне искрился от напряжения и сверкал вспышками заклинаний.

Вскоре Лунтьеру, кажется, надоело скакать вокруг да около, да и положение мое с каждой секундой становилось всё более шатким. А потому он плюнул на попытки подавить противника магией и рванул врукопашную, потому как варг догадался выставить только защиту от магического нападения, не подумав о том, что противник кинется прямо вот так, с кулаками, даже без оружия. Кажется, этим и застал варга врасплох.

Лунтьер двигался так изящно, бил отточенными ударами, я бы залюбовалась сражением, если бы наблюдала за ним не с точки зрения повисшей вниз головой пленницы. Лунтьер эффектно уклонился от тычка клинком в бок, высоко подпрыгнул и провернул ногами в воздухе так, что одним метким ударом отправил варга в нокаут.

И я бы радостно взвизгнула и рассыпалась в благодарностях... Но вместо этого визжать пришлось от страха и ужаса: потому что Грэг успел запульнуть энергетический кинжал в мою сторону, и на этот раз оружие достигло цели. Золотистый энергетический клинок врезался аккуратно в основание ветки, к которой я была подвешена, и та с хрустом накренилась, вместе со мной направляясь прямо навстречу разгорающимся огненным объятьям...

Глава 9. Стирательная резинка

Помню, как в ужасе смотрела на приближающиеся языки пламени, как крепко зажмурилась и отчаянно закричала...

А потом — короткая зеленая вспышка, шелест мантии, и в следующий миг я осознала себя в объятьях Лунтьера. По инерции еще кричала от страха секунду, потом до меня дошло, что я больше не падаю в костер, и только тогда заткнулась и рискнула открыть глаза.

Первое, что увидела, так это ухмыляющегося Лунтьера, который глядел на меня с нескрываемым превосходством.

— Слушай, я когда тебе в кондитерской намекал на следующую жаркую встречу, то немножко не такой жар имел в виду. Не внешний жар кострища, а внутренний, от наших пылающих сердец, разгоряченных тел, и всё такое... Понимаешь? Ты когда в следующий раз захочешь меня на свидание в лесу позвать, придумай какой-нибудь менее экстравагантный способ разнообразить обстановку наших встреч, договорились? А то я то от грузовика тебя спасаю, то от сожжения живьем... Бедовая ты какая-то, Елениа, ой бедовая! Или ты и по работе техническое задание так же всегда воспринимаешь? И вообще, такой прекрасной леди не место в стане варгов.

— Н-да? А где мне место?

— В моей постели.

— Чего?!

— Я сказал — в моих объятьях. Вам что-то не то послышалось, мисс Што-о-ольценберг?

И столько ехидства было в его тоне, столько гонора, что я моментально вспыхнула яростью, и слова благодарности за спасение сгорели где-то по пути, и вместо них вырвалось совсем другое.

— Отпусти меня! — шикнула я, пытаюсь выбраться из объятий.

— По-моему, благодарить своего спасителя нужно как-то иначе, — задумчиво произнес Лунтьер. — В ножки там кланяться, и всё такое...

— А на колени перед тобой не встать?!

— Ох, ну раз ты сама предлагаешь, кто я такой, чтобы отказываться?

Я тихонько зарычала и от души стукнула смеющегося Лунтьера по плечу, лишь краем сознания отметив, что опутывающие меня веревки как будто испарились.

— Осторожно, вреднейшая, ты меня так сломать можешь! У тебя там кулаки титановые, что ли?

Но на землю меня все же поставил, и я тут же отскочила в сторону, нервно оглядываясь по сторонам и сотрясаясь мелкой дрожью от пережитых нервов.

— Не сломаю, — буркнула, шмыгнув носом и глянув на еще одно тело, висящее на ветке другого дерева. — Видела я, как ты с варгами управился. Тебя довольно сложно сломать, раз этим двоих не удалось.

— О да, я невероятно хорош, не правда ли? — с театральным пафосом произнес Лунтьер.

И прическу свою поправил эффектным жестом, убрав взъерошенные волосы назад.

Я закатила глаза, но никак не прокомментировала сей спектакль одного актера для прекрасной меня, потому что меня еще продолжало нервно колотить.

Посмотрела на костёр... которого больше не было. Ни костра, ни веток — ничего, просто зеленая трава, будто бы и не тронутая никаким пламенем.

— А куда делся огонь?

— Я его просто стёр.

— В смысле? Стирательной резинкой, что ли? — нервно усмехнулась я.

— Ну, можно и так сказать... — уклончиво ответил Лунтьер, отведя взгляд в сторону.

И в ответ на мой недоуменный взгляд Лунтьер добавил:

— Мой магический дар позволяет откатывать некоторые вещи, детали обстановки и так далее на некоторое время назад. Поэтому я просто направил магический импульс на место, где варги разожгли огонь, и откатил этот кусок пространства на момент до появления тут костра, собственно.

— Ого... Это что-то вроде магии управления временем? — крайне заинтересованно спросила я.

— Ну-у-у, не совсем. Управление временем неживыми объектами лишь в сжатом пространстве, если уж на то пошло, — медленно протянул Лунтьер, тщательно подбирая каждое слово.

— А людей так нельзя, кхм... убрать? — с опаской спросила я, поглядывая на руки Лунтьера.

— Не-е-е, иначе можно было бы и варгов так «стереть», но увы и ах... Это работает только с какими-то небольшими неживыми объектами.

Он подумал немного и добавил:

— Я пока сам всех своих магических способностей не знаю, если честно, они у меня еще не раскрыты до конца.

— А... Почему ты сразу этой магией не воспользовался, как только на лесной поляне не объявился? Нет, не пойми меня неправильно, я не обвиняю тебя в медленных действиях, просто не понимаю, зачем было ввязываться в этот непростой магический бой, если ты мог просто сразу огонь потушить?

— Не люблю использовать эту магическую способность, у меня от нее всегда нехорошая отдача, — поморщился Лунтьер, убирая правую руку в карман. — И чем больше стираемый объект, тем жестче отдача. А кострище это нельзя назвать маленьким и простым, в силу наличия в нем магической защиты артефактами варгов. Но у меня не было времени его иначе затушить.

Я заметила, что скривился Лунтьер как от боли. А еще перед тем, как он спешно убрал руку в карман, успела заметить, что с рукой было что-то не так: от ладоней по запястью и выше по коже как будто поползла черная паутина, слегка пульсирующая голубыми отсветами. В темноте ее было очень плохо видно, но мое острое зрение было тут как нельзя кстати.

Я нервно закусила нижнюю губу, хмуро глядя на Лунтьера, который левой рукой нажимал кнопки на связанном артефакте, явно набирая чей-то контакт. Судя по медленному набору и неуверенному движению пальцами, это было очень непривычное для мужчины действие одной левой рукой, но правая была повреждена после резкого магического всплеска с сильной отдачей.

Стало неловко и стыдно оттого, что этот аристократ так выложился ради меня, а я тут стою и задаю дурацкие вопросы и даже не могу нормально отблагодарить.

— Спасибо, — с чувством выдохнула я, нервно сцепляя пальцы в замок перед собой. — Спасибо большое за помощь! Ты появился как нельзя вовремя, и я действительно очень благодарна тебе за спасение...

Замялась на секунду, но всё же честно добавила:

— Но у тебя есть врождённая способность выбешивать меня за одну секунду, поэтому мне сложно разговаривать с тобой спокойно, уж не обессудь.

— Всего за секунду? — Лунтьер удивлённо вскинул брови, не отрываясь от связанного артефакта. — Не за долю секунды? Что-то я сдаю позиции, расслабился совсем...

Я вздохнула.

— Ты всегда такой вредный?

— Не-а. Когда какая-нибудь прекрасная рыжая бестия стоит или лежит передо мной, я временно перестаю быть вредным.

Я с чувством хлопнула себя ладонью по лицу, а Лунтьер тихонько рассмеялся, довольный моим перекошенным выражением лица, и отвлекся на разговор с коллегами по связному артефакту, судя по тому, как он вызвал какого-то Маркуса забрать варгов.

Бесить ему меня нравится, что ли? У-у-у, несносные аристократы!

Аристократов я недолюбливала. Не то чтобы прям откровенно не любила, но, скажем так, у нас была стабильная взаимная неприязнь друг к другу, что было вполне естественным в моей рабочей среде. Аристократы постоянно вставляли репортёрам палки в колеса, особенно девицам вроде меня, которые умели вынюхать закрытую информацию и сдать аристократа с потрохами, так что недоброжелателей у меня хватало.

По этой причине, кстати, я никогда не задерживалась на какой-то квартире дольше пары месяцев, обязательно потом переезжала куда-то в другой конец города, потому что привыкла ради своей безопасности не иметь постоянного места жительства и кочевать туда-сюда. Не знаю, был ли в этом действительно смысл, но как минимум, мне так самой было спокойнее.

В общем, с аристократами я, как говорится, была в вечных контрах, поэтому и к Лунтьеру сразу предвзято относилась, но сейчас смотрела на него по-другому. И видела просто уставшего молодого мужчину, у которого выдался не в меру нервный и активный вечер.

— А эти... Что с ними делать? — кивнула я в сторону висящих без сознания варгов. — Повязать же как-то надо? Вдруг они сейчас очухаются...

— Не очухаются. Я качественно их вырубил.

— Но что если...

— Ты сомневаешься в моей способности отключать от реальности надоевшего собеседника? — усмехнулся Лунтьер.

— Вот в этом у меня как раз сомнений нет!

— То-то же. Сейчас мои коллеги сюда телепортируются, я проконтролирую, чтобы они варгов в инквизиционный штаб забрали, потом я провожу тебя домой, — сказал он, убирая связной артефакт в карман.

— Благодарю, я сама до дома доберусь. Не маленькая вроде.

— Я не спрашиваю, а констатирую факт. Я тебе вроде как жизнь спас, второй раз за неделю, прошу заметить. И хочу убедиться лично, что ты хотя бы сегодня больше ни в какие проблемы не вляпаешься.

Сказано всё это было таким тоном, что возражений у меня не нашлось.

Тем временем, на лесную поляну телепортировались двое инквизиторов в развевающихся темно-фиолетовых мантиях, и Лунтьер отвлекся на разговор с коллегами. А пока они там обсуждали детали, я думала как раз о том, что этот зеленоглазый красавчик действительно опять спас мою жизнь. А это значит, что...

Я почувствовала уже знакомое жжение на левой руке и с тоской посмотрела на палец, на котором вспыхнуло еще одно энергетическое кольцо. Второе. Катастрофа какая-то...

Пока я мысленно пыталась справиться с целой бурей эмоций, Лунтьер закончил разговор с коллегами, а около меня материализовался Морф. От его яркого нервного свечения я быстро заморгала, так как глаза заслезились от голубой вспышки перед глазами в сгущающихся сумерках.

— Ну хвала лавровому листу, ты жива, пельмешка моя любимая! — с таким воплем кинулся меня обнимать фамильяр.

Он растянул свои аморфные руки так, что аж дважды обмотал меня ими вокруг талии, как верёвкой, в попытке крепко обнять всю меня.

— Хэй, ты так задавишь на радостях! — усмехнулась я.

Впрочем, на самом деле от прикосновений Морфа было тепло, и я стала меньше дрожать. Дрожь была нервной, никак не могла сама ее унять. Но слишком уж перенервничала с этим варгами, которых инквизиторы сейчас тщательно опутывали сковывающими чарами.

— Не задушу. Что я, зря, что ли, тебе подмогу тащил?

— Так это ты привел сюда этого молодого человека? — кивнула я на Лунтьера.

— А то ж!

Фамильяра распирало от гордости, он смешно выпятил грудь колесом.

Я улыбнулась. Теперь понятно стало, почему Лунтьер вообще сюда явился, да еще так своевременно.

— Я как почувствовал, что с тобой что-то нехорошее случилось, так сразу сюда шны́рк-нул! Но на всякий случай сначала в сторонке притаился — авось кто-то меня заметит и обезвредить попытается? А как варгов увидел, так сразу понял, что дело пахнет жареным, и, увы, не жареными пельмешками! Полетел к особняку тому подорванному, там инквизиторов и еще каких-то странных магов в черных одеждах была тьма-тьмушая, как пузырьков в кипящей воде! Ну я сунулся к этому Луннику, который там тоже шнырялся с магами, он сначала прибить меня хотел, но после моих слов без всяких вопросов попросил показать к тебе дорогу. Во какой я молодец!

И Морф изменил форму своей головы, изобразив на ней подобие короны.

Я горячо поблагодарила Морфа за помощь, но всё-таки не удержалась от ехидного замечания:

— Слушай, а ты не мог кого-нибудь другого из инквизиторов привезти, кого-нибудь менее раздражающего меня?

— Не булькай на меня! — Морф пригрозил мне расплывающимся в воздухе пальчиком и соорудил смешную рожицу. — Если бы не я, ты бы уже курочкой гриль стала!

— Этот твой Морф — молодец, быстро сориентировался. У твоего фамильяра мозгов побольше, чем у некоторых будет, — хмыкнул подошедший Лунтьер.

Я поджала губы и с недовольным прищуром глянула на него.

— Это ты меня сейчас так витиевато безмозглой обозвал?

— Заметь, ты сама решила, что я говорю про тебя, хотя я всего лишь сказал про «некоторых», — ослепительно улыбнулся маг.

— Ой, можно подумать, что непонятно, про кого ты говоришь!

— Приятно иметь дело с человеком, который разбирается в очевидных вещах.

Лунтьер окинул возмущенную меня насмешливым взглядом и уже серьезно спросил:

— Ты чего вообще в лесу делала?

— Ну, законом это вроде не запрещено.

— Опять за профессором Брандтом следила, — вздохнул Лунтьер, качая головой. — Я, кажется, ясно дал понять, что больше не допущу никаких компроматных статей на своего близкого родственника, хватит следить за ним и его девушкой. Что ты там успела послушать и настроичить? Успела куда-то информацию отправить или ещё нет?

Я покосилась на Морфа, и тот быстро показал мне большой палец и мешочек с золотыми монетами, который он забрал у Рошфора. Отлично, значит, спорить с фамильяром не стал и быстро выкупил статью.

— Я и не собиралась ничего компроматного про эту парочку писать, но момент взрыва застала, не буду отрицать. А вообще, я хотела про варгов что-нибудь вынюхать, а потом попробовать своими методами за варгами проследить, — честно сказала я.

— Ну и как? Получилось? — насмешливым тоном спросил Лунтьер.

Я развела руками, мол, сам видишь, как замечательно прошла моя слежка.

— Скорее уж — они меня отследили, застали врасплох... Подкрались как-то незаметно, наверное, использовали свои особые артефакторные штучки из числа тёмной магии. Я не почувствовала их приближения.

— Ты ж понимаешь, что ты теперь находишься в числе подозреваемых в нападении на особняк моего родственника? Скандальная журналистка ходит по лесу около места покушения, путается с варгами — как знать, может, это ты с коллегами-варгами что-то не поделила?

— Искрой клянусь, что не имею отношения к бомбежке особняка профессора Бестиана Брандта, и что никак не связана с группировкой варгов, — не задумываясь, сказала я, прищелкнув пальцами, на кончиках которых зажегся зеленый огонек, подтверждающий мои слова клятвой на магической Искре. — Я вообще домой шла, на трассу пыталась выйти.

— Могла бы просто телепортироваться.

— Ну... Я, это... Силы берегла, ночным лесом наслаждалась...

— Не умеешь телепортироваться, что ли?

Я поджала губы, не желая признаваться в этом моем белом пятне в магических способностях.

— Здесь нечего стыдиться, многим обывателям телепортация по жизни особо и не нужна, это боевым магам вроде меня необходимо уметь скакать в любую точку пространства. Ладно, идем, проведу тебя домой.

Лунтьер сделал особенный взмах рукой, и пространство перед его ладонью пошло крупной рябью, засветившись телепортационной воронкой.

— Я сама способна добраться до дома! — заявила упрямо, гордо вскинув подбородок.

И заодно — покачнувшись от слабости, потому что после такого стресса и длительного висения вниз головой чувствовала себя неважно. Вдобавок к этому, еще и дымом надышалась так, что мне следовало бы обратиться за помощью к лекарю, так как моя домашняя аптечка была весьма скудна и не подразумевала наличие под боком средств, которые помогли бы мне скорее привести себя в порядок после плотного знакомства дымовой завесы с моими лёгкими.

Лунтьер скептически изогнул бровь, качая головой, потом подумал и смахнул рукой телепортационную воронку.

— Пожалуй, лучше тебя довезу до дома. Давай дойдём до трассы, мой экипаж не так далеко отсюда припаркован на самом деле. Ты слишком слаба, мне не нравится твое состояние, лучше тебя не дергать еще и телепортацией. Тебе нужна лекарская помощь? Ты выглядишь очень истощённой магически. Честно говоря, как-то странно истощенной, варги тут тебя не пытали, случаем?

Я покачала головой. Я действительно сегодня здорово выложились в плане магии, потому что ее очень много тратится, когда я информаторов-насекомых седлаю ментальной связью. Но настоящая причина моего магического истощения заключалась в том, что нас с Лунтьером связало уже второе энергетическое кольцо эрнии, а это провоцировало кратковременную потерю силы с последующей ее передачей Лунтьеру, который вряд ли вообще догадывался об этом. И вряд ли понимал, почему у него так быстро восстановились потраченные силы после сражения с варгами. Скорее всего, у него сама по себе отличная регенерация была, он привык к быстрому энергетическому восстановлению, потому и не заметил подозрительного всплеска магии, исходящего к нему от меня. Я вот зато заметила в полной мере... Как же я ненавижу побочные стороны своей магической сущности, кто бы знал!

Снова покачнувшись от слабости, обняла себя за плечи и вздохнула:

— Ладно... Отводи домой, если тебе так уж сильно хочется. Дай только минутку, мне надо кое-что сделать.

Не дожидаясь ответа, я шагнула к дереву, к которому меня привязали варги, и провела ладонью по его стволу, посмотрела на сломанную ветку. Интересно так магия Лунтьера сработала: костер точно убрал, а ветка осталась сломанной. Что ж, в этом я могла помочь.

— Прости, пожалуйста, что из-за меня тебе причинили боль, — шепнула я, поглаживая ствол ели. — Мне очень жаль. Позволь исправить...

Я прикрыла глаза и зашептала нужные заклинания для восстановления коры дерева, его повреждённой ветке. Прижалась к ели лбом, чтобы усилить энергетический контакт, и наблюдала, как по моим ладоням полилась магия — красивым зеленым потоком, который быстро впитывался в дерево и бежал вверх по стволу к нужной ветке. Я махнула второй рукой, заклинанием левитации заставляя часть упавшей ветки подняться с земли к отломленному куску, пришлось напрячься для этого, и без того ослабевшие руки стали заметно дрожать. Но там уже моя магия подхватила ветку и сделала всё сама, мне оставалось только продолжать напевать заклинание до полного завершения цикла восстановления.

Яркая зеленая вспышка, крупные искры, медленным снопом падающие на траву... Наверное, со стороны всё это выглядело очень красиво.

И плевать, что Лунтьер за этим наблюдает и вполне может сделать правильный вывод о моем происхождении. Я просто не могла пройти мимо и позволить себе хладнокровно проигнорировать голос повреждённого дерева, которому было очень больно.

Когда зеленая вспышка погасла, я дрожащей рукой вытерла холодный пот со лба и счастливо улыбнулась, глядя на полностью восстановленную ветку дерева и слушая его тихий благодарный шепот.

Ну, вот и всё, теперь мой магический резерв точно обнулен. Зато совесть моя была чиста.

Я обернулась к Лунтьеру, чтобы попросить его помочь мне встать с земли, так как у самой не осталось сил даже на то, чтобы просто встать... И наткнулась на ошалелое и одновременно — восхищенное лицо аристократа. Он круглыми глазами смотрел то на меня, то на ветку, то на мои руки, удивление его было чрезвычайно велико.

— Что ты сейчас сделала? — просил он с каким-то благоговением в голосе.

— Подлечила дерево, которое из-за меня пострадало.

— Это я и так вижу, — фыркнул Лунтьер. — Ладно, хорошо, сформулируем иначе... Как ты это сделала?

— У каждого свои таланты, — пожала я плечами. — Ты вот можешь технически объяснить, как стёр костер с лесной поляны?

— Я-то могу. Но ты уверена, что хочешь слушать сейчас подробности?

— Ой нет, избавь меня от такого сомнительного счастья!

— То-то же. Ну так что там с твоими талантами?

— Их у меня много, все и не перечислишь, — хмыкнула я.

— Ну ты хоть про дерево объясни. Что это за магия такая? Она не эльфийская, это что-то другое, эльфы иначе с природой взаимодействуют, я много раз это наблюдал и легко отличу эльфийскую магию от другой. У нее совсем другая, очень специфичная энергетика. А твоя... Твоя магия еще более другая. Я с такой не сталкивался. Кто ты вообще?

— Так я вроде и не говорила, что я эльф, — сказала, подавив душераздирающий зевок и отчаянно борясь с навалившейся сонливостью.

— Я понимаю, что ты не чистокровный геросский эльф. У тебя уши, хоть и заостренные, но не такие длинные, как у чистокровных эльфов, — при этих его словах я внутренне вспыхнула от смущения и на всякий случай проверила уши, на месте ли мои маскировочные чары. — А значит, что ты являешься либо какой-то смесью рас, либо... Либо что-то еще, с чем я не сталкивался. Подумал бы, что ты представитель расы из другого мира, но ты из мира под названием Земля, где расы и нечисть с твоими магическими признаками вообще не водятся.

— Пробил уже меня по базе, да? — кисло улыбнулась я.

— Разумеется. Ну так кто ты?

— Пельмень разваренный, судя по моему состоянию, — негромко произнесла я и теперь уже широко зевнула, не скрывая усталости.

Рассказывать что-то о себе мне совсем не хотелось. Состояние было разбитое, с этим лечением дерева я явно переборщила, слишком много магии пришлось влить на восстановление, больше, чем я рассчитывала. Переоценила себя, бывает.

Я ожидала, что Лунтьер начнет напирать, требовать ответов, приготовилась даже отрубиться от усталости прямо здесь, в лесу, накрывшись теплым пологом. Ай, нет, не накрывшись, я же резерв в ноль исчерпала... Ну и ладно, ночь вроде теплая, не окоченею. А дикие звери не представляли для меня опасности. Улягусь вон там, где трава погуще, сооружу из сумки подобие подушки и...

Мои сумбурные мысли прервал Лунтьер, который, как ни странно, не стал больше задавать вопросов, а подошел ко мне и одним сильным плавным движением помог подняться на ноги.

— Идти можешь? — голос его звучал обеспокоенно.

И от этого на душе было почему-то приятно.

— Или тебя донести до машины?

— Еще чего! — от возмущения я аж взбодрилась, откуда-то нашлись силы передвигать ногами. — Сама дойду! Не маленькая.

И бодро зашагала вперед.

Бодрость моя закончилась через два шага на выступающем из земли корне, об который я благополучно споткнулась и чуть не улетела вперед. Так что дальше пришлось идти, опираясь на руку Лунтьера и делая вид, что не замечаю его насмешливой улыбки, и вообще, это я сама иду, а ему просто одолжение делаю, разрешая за мой локоть держаться.

Глава 10. Стечение обстоятельств

До трассы шли молча. У меня не было ни сил, ни желания разговаривать, а Лунтьер думал о чем-то своем. Хотя надо признать, что молчать с ним было вполне комфортно, и таким молчащим он мне нравился больше.

Через несколько минут мы вышли из леса и направились к экипажу, припаркованному неподалеку. Темно-фиолетовая машина в лунном свете блестела идеально отполированными боками, а при нашем приближении мигнула фарами. На дверце водительского сиденья красовался маленький логотип в виде росчерка-молнии.

— Ну вот, ты, наконец, можешь отдохнуть, пока я подвожу тебя к дому. Ты как? Нормально себя чувствуешь?

— Вполне.

— Н-да? А по тебе не скажешь. Вид у тебя истощенный, и выражение лица такое перекошенное, будто я тебя собрался не домой, а на казнь везти.

— Может, я просто не хочу с тобой в одном экипаже сидеть, — буркнула я.

Не то чтобы я так в самом деле думала, но не поворчать не могла.

— О, да? Какая прелесть! Почему же? — веселым голосом спросил Лунтьер.

— Потому что ненавижу тебя! С первой встречи невзлюбила, знаешь ли.

— Это у нас предельно взаимно, — хмыкнул Лунтьер. — Но я разве не показал себя сегодня как благородный рыцарь, и все такое? — издевательским тоном добавил он.

— Показал. Только это не отменяет того факта, что из-за тебя я осталась без работы. И твое благородство мне ее никак не вернет. Как и подмоченную безупречную репутацию репортера, с которым теперь опасаются связываться главные редакторы всех газет и журналов.

При мыслях обо всем этом в груди вновь закипело раздражение. Может, ну его, этого Лунтьера, и самой домой поехать на попутке?

Я глянула по сторонам и грустно вздохнула. Ночная трасса была пуста, попутками тут и не пахло. Попробовала шагнуть на древесную тропу, но морок не отозвался, не услышал моей достаточно звонкой магии. После сегодняшних потрясений он, наверное, еще сутки отзываться не будет.

Пока прислушивалась к отклику ближайших деревьев, не особо смотрела под ноги и вновь споткнулась. Чуть не упала, но меня подхватил Лунтьер, уверенно приобнял за талию и повел к экипажу.

— Хватит уже со мной обнимашкаться при каждом удобном случае!

— Тебе не нравится?

— Конечно, нет!

— А твой учащенный пульс говорит об обратном.

— Это у меня от возмущения сердце стучит!

Лунтьер никак не стал это комментировать, шагнул вперед, галантно распахнул дверцу экипажа и приглашающим жестом махнул рукой в сторону салона.

— Ну так что, ненавистная моя, на какой адрес тебя подвезти?

Я тяжело вздохнула и всё-таки села на переднее пассажирское сидение, откинувшись на спинку кресла. Была уже такой уставшей и так сильно хотела спать, что мне было уже наплевать на то, кто и как довезет меня до дома, лишь бы скорее там оказаться.

— Улица Галебсская, 39, — сказала, вновь душераздирающе зевая. — Сто двадцать пятая квартира, двенадцатый этаж.

— Да хоть двадцать пятый! — весело отозвался Лунтьер.

Я слабо улыбнулась.

Состояние у меня столь паршивое, что ёрничать и спорить совсем не хотелось. Хотелось лечь и тихонько сдохнуть, но такого простого решения всех проблем пока никто не обещал.

Панель управления экипажа мигнула двумя десятками магических кристаллов управления, и я с интересом на них глянула. В обычных машинах панель управления была сильно меньше и проще, кристаллов было в два раза меньше. Откуда здесь столько, и какие у них функции? Я о таких штуках даже не слышала.

Профдеформация почти заставила меня потянуться к блокноту и ручке, чтобы сделать заметку о необычном экипаже и задать Лунтьеру пару вопросов о действии этих дополнительных кристаллов. Но я мысленно дала себе затрещину и отвернулась, глядя на мелькающие ёлки за окном.

Впрочем, тут же перевела взгляд обратно, искоса поглядывая на поврежденную правую руку Лунтьера. Черная паутина на ней уже поблекла, но всё еще прилипала через кожу, и я заметила, как осторожно Лунтьер двигает этой рукой и морщится при слишком резком движении. Ему, очевидно, было больно.

Двигатель работал тихо, экипаж ехал почти бесшумно, и казалось, что мы не едем, а плывем по ночной трассе.

— Домой приедешь — поешь как следует, — сказал Лунтьер. — Тебе нужно очень плотно поесть, что-то ты совсем обессиленная.

Я промолчала. Дома из еды у меня была разве что вода с привкусом накипи. Вкусно, конечно, но не особо питательно. А идти сейчас в магазин сил совсем не было. Наверняка засну, едва коснувшись подушки, я тут-то старалась себя бодрить, чтобы не отключиться прямо в экипаже. Собственно, только из-за этого поддерживала диалог с Лунтьером — чтобы не заснуть.

— Глянул мельком твое личное дело, — произнес он задумчиво.

Я усмехнулась.

— Мельком, ага, как же, заливай мне тут. Небось, с лупой разглядывал каждую строчку. Лунтьер предпочел оставить без комментариев мое замечание.

— И больше всего меня удивило количество банковских долгов, которые на тебе висят. Ты как столько нахватать успела?

— Не я.

— Хм-м-м?

— Брата своего вытащить пытаюсь.

Лунтьер нахмурился и кинул на меня вопросительный взгляд.

— Не всем везет с родственниками, как тебе, — криво улыбнулась я. — Братишка у меня непутевый. Влез в одну дурную историю, огрѐб так, что вся семья на деньги попала, а сам братишка... Ну, в общем, есть нюансы, из-за которых сейчас он работать не может, и родители мои уже пожилые и слабенькие, они весьма посредственные маги, а жизнь таких аналогична сроку жизни обычных людей, не являющихся волшебниками. Недолго моим родителям осталось, и напрягать их серьёзными финансовыми проблемами под конец жизни я не хочу. Они и так для меня много сделали... Ну, теперь я работаю как проклятая, пытаюсь вырваться из порочного круга финансовой дыры. Поправка: работала, — добавила, сделав особый акцент на последний слог. — До того, как ты попросил Рошфора уволить меня и наложить штраф в размере полного моего месячного жалованья. У меня даже нет времени, чтобы дать себе фору на поиск новой работы.

Не стала говорить, что хорошо продала сегодня статью Саймону, уж больно интересно было посмотреть на реакцию Лунтьера на мои слова.

Но он лишь нахмурился еще больше.

— Я не просил мистера Рошфора лишать тебя всего жалованья. Вообще не говорил с ним о штрафе. И не говорил с ним про твое увольнение.

Я даже нашла в себе силы открыть слипающиеся глаза и удивленно глянуть на Лунтьера. Тот не выглядел издевающимся и смеющимся, он был предельно серьезен и сосредоточенно смотрел на дорогу, поджав губы.

— Я настаивал на твоём немедленном отстранении от работы с определенным материалом, чтобы ты больше не вставляла палки в колеса инквизиции. Остальное Рошфор уже от себя добавил, видимо.

— Ну, ты явно попросил разобраться со мной как следует, вот он и разобрался, — мрачно усмехнулась я. — И ты вроде как должен быть в восторге, разве нет?

— Я так похож на моральное чудовище?

— А разве нет? Вместо того чтобы решить вопрос мирным путем, ты сам развязал войну, а теперь удивляешься моему к тебе отношению.

— Да некогда было спокойно решать, — вздохнул Лунтьер, выруливая с трассы в городскую черту. — Нужно было немедленно уничтожить материал, представляющий опасность для проведения инквизиционной операции по слежке за варгами. Действовать нужно было немедленно, вести милые разговоры было некогда. Передо мной стояла задача не допустить распространения информации за пределы типографии — я ее выполнил.

— О боги, да я всего лишь поймала на фотографии момент, когда этот твой родственничек Бестиан вылезал из кустов вместе со своей невестой в парке во время музыкального фестиваля! О какой еще инквизиционной операции речь идет?

— Ты поймала их в кадр ровно в тот момент, когда они вылезали из кустов после подслушивания представителей группировки варгов, и если бы это вскрылось, то у инквизиции были бы большие проблемы, — сухо произнес Лунтьер. — И, честно говоря, это не твое дело — как, в каком виде и при каких обстоятельствах приходится работать инквизиторам, чтобы сливаться с обстановкой и не вызывать подозрений.

Я недовольно поджала губы и отвернулась.

Дурацкое стечение обстоятельств, что тут скажешь. Когда каждая сторона права и виновата по-своему, со своей колокольни.

— Да какая уже разница? — выдохнула устало, запал спорить пропал. — Факт, что ты так запугал Рошфора, что он погнал меня прочь с рабочего места, и теперь мои большие проблемы стали ещё больше. Особенно учитывая тот факт, что вместе с Рошфором от меня стали шарахаться и другие главные редакторы. Удружил так удружил. Я понимаю, что тебе на меня плевать, я лишь мелкий мусор на твоём пути, который ты привык смахивать в сторону, и мои проблемы для тебя являются детским лепетом, но лично мне от этого не легче, и нежно ненавидеть тебя я не перестану.

Лунтьер усмехнулся, но комментировать никак не стал. А я сладенько зевнула и закрыла глаза, давая глазам и мозгу хоть немного отдохнуть.

— А с братом-то что случилось? — нарушил Лунтьер тишину несколько минут спустя.

— Связался с дурной компанией.

— Это я уже слышал. А подробнее?

— Подсел на дурман-траву, — неохотно призналась я. — Причем на самый тяжелый ее вид, на черный дурман.

— Как умудрился?

— Его в ночном клубе кольнули по пьяни, по приколу, а он, вместо того, чтобы сразу пойти ко мне или родителям и признаться в проблеме, решил стыдливо отмолчаться и самостоятельно разобраться с тем заводилой, что его подцепил. Элман — это брат мой — поперся опять в этот клуб, наехал на того мужика, ну а он лапшу на уши развешал, да и еще порцию подлил. Ну и всё... Если после первой порции мы могли бы обойтись парочкой походов к лекарям, но мой бестолковый брательник довел это всё до того момента, когда уже не обойтись и парочкой десятков лечебных сеансов. Ну и он продал у себя всё что можно для начала, а

потом влез в долги... Огромные долги. Всё ради новой порции чёрной дурман-травы, которая стоит как драконье сердце. Он еще и родителей наших обманывал, занял у них большую сумму, якобы чтобы купить квартиру, а в итоге всё спустил, да еще чуть не продал свою долю в родительской квартире, я еле успела разрулить этот кошмар. Сейчас брат находится на принудительном лечении в лечебнице Ла-Пирэ́т, лечение я оплачиваю. Как и его долги, которые он набрал, обозначив меня поручителем. После заключения Элмана в лечебницу все его чудесные долги автоматически перешли на меня и наших родителей. Родители у меня хорошие, я их очень люблю и всячески пытаюсь оградить их от этих финансовых проблем. Взвалила все тяготы на себя, разрешаю их потихоньку. Разгребать еще долго буду, не один год на покрытие долгов уйдет.

— Н-да... Дела... — только и нашел что промолвить Лунтьер. — Ну твой братец и даёт, заварил кашу — а тебе всё расхлёбывать?

— Не всем везет с родственниками, их не выбирают, — криво улынулась я.

— Да, но от некоторых родственников следует максимально дистанцироваться, а другим необходимо устраивать взбучки, чтобы мозги на место вправлять.

— Да трясла я братца, а толку? Ну, точнее, толк есть — он хоть притих и не стал спорить со мной о том, что ему нужно принудительное лечение. Надеюсь, лекари ему помогут, и он больше не скатится в этот тлен. Придется его контролировать...

— Зачем? Братцу сколько лет? Явно не в детский сад и начальную школу ходит. Мозгов хватило зарыть себя в таких проблемах — пусть сам себя и контролирует, иначе это уже не твои проблемы.

— Не могу я так, — подернула я плечом. — Не так я воспитана. Не могу бросить близкого родственника со своими проблемами.

— Зато можешь взвалить на себя его проблемы, которые он даже не попытался решить?

— Легко говорить об этом тебе, человеку, который со всем этим не сталкивался, — сказала я, подавляя очередной зевок.

— Я много с чем сталкивался, просто всегда придерживаюсь принципа, что спасение утопающего — дело рук самого утопающего, — хмыкнул Лунтьер. — Я всегда помогу близким родственникам, но только если они сами того хотят. Впрочем, у нас в родне других и нет, пожалуй...

— Не всем так везет, — повторила я, уже вяло ворочая языком.

— Это тебе кара за твой ядовитый язык и привычку совать нос не в свои дела, — ехидно произнес Лунтьер. — И за привычку спорить с таким потрясающим рыцарем на железном коне, как я.

— Может быть, — не стала спорить я, даже не взбрыкнув на последнюю фразу. — Всё может быть...

Спать хотелось нещадно, и я больше не могла сопротивляться усталости. Мы ехали по городу, сквозь закрытые веки я видела вспышки мелькающих фонарей, но в какой-то момент перестала замечать даже их и сама не заметила, как отключилась...

Снилось мне что-то невнятное, дарящее приятное лёгкое состояние невесомости, и мужские руки, подхватывающие меня и несущие куда-то вверх...

Глава 11. Показалось

Разбудило меня солнце, беспардонно оглаживающее яркими лучиками. И резкий порыв ветра в приоткрытое окно дернул занавеску так, что она аж скрипнула противно, и это заставило меня приоткрыть один глаз. Второй глаз без борьбы сдаваться не желал, так что для его открытия пришлось приложить больше усилий, но я всё-таки победила в этой неравной схватке. Глянула на часы, стрелка которых как раз прильнула к цифре девять, потом перевела взгляд на Морфа. Фамильяр сидел на подоконнике, вернее — растекался по нему, как лужица, а потом собирался обратно в аморфную каплю с ручками-рожками-ножками. Развлекался, стало быть, мне уже доводилось наблюдать такое его времяпровождение. В комнате вкусно пахло цветами. Я улыбнулась, глядя на фамильяра, потом широко зевнула, прикрыв глаза и обняв двумя руками подушку...

А затем распахнула глаза, резко села на кровати и в ужасе огляделась по сторонам.

Нет, с моей комнатой всё было в порядке, она никуда не делась, вон, и чемодан полусобраный валялся на полу. Но...

Я совершенно не помнила, как ложилась здесь спать. Как ехала в экипаже с Лунтьером — помнила. А потом... Потом — всё как в тумане.

— Как я здесь оказалась? — нервно спросила вслух.

— Добреутречко! — Морф подлетел ко мне, размахивая взятыми откуда-то красными цветками роз как помпонами. — Тебе твой хинкалик посланьеце оставил.

— Кто?

— Да Лунтик твой!

— А... Лунтьер?

Я глянула, куда указал Морф, и тупо уставилась на небольшой букет на тумбочке. Ваз в доме у меня не имелось за ненадобностью, так что цветы стояли прямо в стеклянной банке, которая нашлась на моей кухне. Не сразу заметила, что около банки лежит запечатанный конверт. С опаской взяла его — там лежала лишь короткая записка, выведенная каллиграфическим почерком:

«Спасибо, что подарила мне эту прекрасную ночь. Может, повторим?»

Что?!

Я похолодела от ужаса, только сейчас осознав, что на мне не было одежды. Вообще, совсем, никакой. Спала я под простыней почему-то, вместо одеяла, но сейчас простыня упала на пол, и меня прикрывали только очень длинные рыжие волосы. Одежда моя не лежала, как обычно, аккуратно на стуле около кровати, а была подозрительно раскидана по комнате.

Я тихонечко взвыла, не глядя нашарила рукой одеяло, натянув его чуть ли не до горла и закутавшись в него, как в кокон. Фамильяр всё это время недоуменно наблюдал за моим нервными действиями.

— Мо-о-орф... А что между нами с Лунтьером было ночью?

— Ну как — что? Он подвез тебя до дома!

— Я, кажется, заснула в экипаже...

— Ну да, и этот аристократишка повздыхал, но отнес тебя в твою квартиру. На ручках отнес.

— Откуда он знал, где моя квартира?!

— Так ты ж сама ему адрес и сказала, и даже этаж назвала, — Морф посмотрел на меня, как на слабоумную.

— Ах да, точно... А ключи?

— Еля, ну ты серьезно? Ты думаешь, что инквизитору тяжело найти их в твоей сумке? Действительно...

— Так... А потом? — я нервно заправила за ухо рыжую прядь волос. — Что было потом?

— Ну, он уложил тебя на кровать...

Я нервно дернула глазом.

— И-и-и?

— И ушел! А, только сбегал куда-то за этим веником, — Морф кивнул на букет, — и оставил записку. И ушел.

— И всё?

— И всё.

Я шумно выдохнула через нос.

— Так... Славненько. Но почему я без одежды?! В какой момент и при каких обстоятельствах она с меня исчезла?

— Дык... Это... Я тебе помог раздеться, — развел ручками Морф.

— Зачем? Ты ж никогда так не делал.

— Лунтьер так сказал сделать.

— Заче-е-ем?

— Он сказал, что тебя надо раздеть, чтобы облегчить твоё физическое состояние, — развел ручками фамильяр. — У тебя действительно температура была чуток повышена, и я с этим чудиком согласился. Ты потому и не проснулась, что плохо себя чувствовала, хотя Лунтьер сначала тебя разбудить в машине пытался, но тебя ни тряска, ни мои вопли в ухо, ни таскания тебя до квартиры не разбудили, ты спала мертвым сном. Я заверил аристократишку, что прослежу за тобой, и он ушел.

— То есть... Он сказал тебе не просто одежду на мне расстегнуть, а прям полностью раздеть?

— Агась! — охотно кивнул Морф и уставился на меня с сомнением. — Еля, я что-то не так сделал?

— Да наврал он тебе, чтобы поиздеваться надо мной и заставить немного понервничать, якобы между нами что-то было, а я об этом не помню, — сказала и протянула записку фамильяру.

Тот быстро пробежался взглядом по строчкам и возмущенно заголосил:

— Вот жеш хинкаль недоваренный! Еля, слушай, я, чесслово, просто помочь тебе хотел! — Морф глянул на меня испуганно. — Я свято поверил, что тебе только это поможет! Я ж, это, я ж из самых лучших побуждений этого инквизитора слушал! Ты б знала, как он убедительно мне лапшу на уши развешивал!

— Да верю я, верю, — вздохнула, устало проведя рукой по лицу.

Но от сердца однозначно отлегло. То, что Лунтьер меня на руках таскал, я пережить еще могла, а вот наличие любого рода интимной близости, о которой даже ничего не помнила, не пережила бы.

Хмуро глянула на недовазу с букетом.

— Ты смотри-ка, даже не поленился цветы оставить для более тонкой издевательской иллюзии, что мы якобы провели вместе ночь, — я покачала головой, восхищаясь коварству Лунтьера. — Причем обрати внимание, что букет составлен на языке цветов: красные розы кричат о страсти, красные анемоны говорят о предвкушении скорой встречи, ну а веточка можжевельника указывает на ночное свидание. Убить его мало, — резюмировала я.

— А давай мы ему этот можжевельник засунем в...

— Обойдемся без сомнительных лечебных процедур, — прервала я, заглушая окончание фразы фамильяра.

Снова посмотрела на свою руку, на пальце которой сияло два энергетических кольца, невидимых обычному человеческому взору. Сейчас я нарочно проявила кольца, чтобы вдоволь «полюбоваться» этими треклятыми оковами.

— Два эрнила... Уже два эрнила получила от него...

— Многовато будет, — тихо вздохнул Морф, глядя на меня с сочувствием.

— Многовато? — я нервно усмехнулась. — Да это конец, Морф! Это просто конец для меня!

— Не говори ерунду, тебе всего лишь надо вернуть оказанную услугу...

— Кому? Лунтьеру этому? Ты его в деле видел? Уверена, что это сражение с варгами в лесу было для него скорее разминкой, нежели чем-то серьезным. У него вообще бывают серьезные проблемы, или он всё решает по щелчку пальцев?

Мой голос дрогнул, и я замолчала, глядя на переливающиеся огненными полосками энергетические кольца на пальце. Картинка перед глазами слегка помутнела, и я быстро заморгала, прогоняя непрошенные слезы.

— Мне не то что одного года — жизни не хватит, чтобы расплатиться с ним за оказанную услугу по спасению жизни, — очень тихо произнесла я чуть дрожащим голосом.

А потом скривилась, как от зубной боли, и с силой стукнула кулаком по подушке.

— Ненавижу свою магическую сущность! — воскликнула в сердцах.

— Не говори так. Ты хорошая, — Морф подлетел ко мне и погладил по плечу, заглядывая в глаза. — И сущность твоя очень хорошая и полезная...

— Для кого? Для меня? — нервно усмехнулась я. — Пока что от нее одни только проблемы.

— Ну, если бы не твоя сущность, то твои родители на стали бы даже перебираться в этот мир, чтобы ты могла здесь развить свои магические способности, — пожал плечами Морф. — Но ты тут, тебе тут всегда нравилось, и я у тебя появился именно тут. Разве это плохо?

— Ты прав, Морф, — грустно улыбнулась я и погладила фамильяра, ощутив прохладу при касании. — Просто у меня выдалась тяжелая неделька, и я хочу обвинять всех подряд в своих неудачах. Глупо и бессмысленно, знаю, но можно я немножко поною, прежде чем взять себя в руки?

— Понять — дело святое, — со знанием дела произнес Морф, словно сам был профессором нытья в какой-нибудь академии магии. — Слушай, а с цветами что делать? Выкинуть их, да?

— Да нет... Оставь, — я задумчиво посмотрела на букетик в стеклянной банке. — Цветы-то ни в чем не виноваты. И они очень красивые. Хоть и подаренные с ехидным умыслом.

А еще... Мне так давно не дарили цветы. Пусть даже так, в качестве тонкой издевки. Мелочь вроде, но почему-то было приятно.

И было стыдно от осознания того факта, что Лунтьер уже дважды мне жизнь спасал, а я вот...

— Знаешь что? — обратилась к фамильяру. — Слетай-ка ты в сторону этого Лунтьера и вытащи у него те конфеты, которые я ему подменяла. Плохая идея была, в эмоциональном порыве. Не надо, чтобы он эти конфеты государственным чиновникам эльфийской страны дарил... Лунтьер уже слишком много для меня сделал.

— Ага. Уволил с большим штрафом и не оставил возможности найти работу в другой редакции, — проворчал Морф, скрестив руки на груди с таким видом, будто собирался прочесть мне лекцию о подлой натуре человечества. — Он тебя обидел, Еля! Не буду я ему ничего хорошего делать!

И физиономию еще такую недовольную скривил, что хоть на портрет вешай — шедевр обиженного духа.

— Ну, уволил не лично он, как мы уже выяснили, и я вроде не маленький ребенок, чтобы обижаться, — с усмешкой произнесла я. — Паршиво, конечно, но ладно... Что-нибудь придумаю. Обучусь какой-нибудь новой специальности, в конце концов, что поделать. Стану про-

фессиональной жалобщицей, ну или экспертом по конфетному саботажу переговоров с эльфами, например.

— О, это перспективно! — оживился Морф. — Особенно если добавить к этому умение бегать от разгневанных эльфийских дипломатов и искандерских аристократов.

— Именно. А конфеты эти... Зря я, погорячилась с ним. Надо это дело исправить. Ты же помнишь, какие именно конфеты подменял?

— Конечно, помню, что за вопросы!

— Ну вот и лети скорее.

Морф издал оглушительные звуки лени, будто его только что разбудили посреди зимней спячки.

— Прямо щ-щ-щас лететь, ш-ш-што ли?

— Щас, щас. Да побыстрее. Если я правильно помню подслушанные разговоры, то Лунтьер то ли сегодня, то ли завтра должен отправиться в Геросс... Что-то вроде того. Лучше потопиться с заменой конфет, пока он не устроил международный скандал.

Морф задумчиво почесал в затылке.

— Только как я это сделаю, Еля? Он эти конфеты наверняка у себя в особняке хранит, а как мне на его территорию попасть, если она утыкана серьезными охранными артефактами? Помнишь, что он говорил, предупреждая о том, чтобы я не совался на его территорию?

— Ах да, точно, — я хлопнула себя ладонью по лбу, вспомнив тот разговор. — Проклятье! Что же я наделала, и как теперь выкрутиться...

— Может, просто напишем ему письмо «Дорогой Лунтьер, простите, мы случайно подменили ваши конфеты на слабительное, не дарите их эльфам! С уважением, ваши любимые саботажники». Как тебе? — радостно предложил Морф.

— Звучит как честное признание в преступлении, не находишь?

— Может, он даже оценит нашу прямоту!

— Или, что вероятнее, пришлет мне ответный подарочек в виде парочки стражников с наручниками, — проворчала я.

— Ну, тогда хотя бы не придется искать новую работу — в тюрьме кормят бесплатно!

— Да ты великий оптимист, Морфиус Великолепный, — вздохнула я. — Нет, надо придумать, как проверить всё это по-тихому...

— Может, прикинуться дурочкой и сделать вид, что узнала о якобы опасной партии конфет, которая перепала Лунтьеру, и ты, вся такая благодарная ему за спасение, решила его спасти? Глядишь, и один эрнил исчезнет!

— Это так не работает, — грустно покачала я головой. — Нельзя вернуть услугу, искусственно создавая события для ее возвращения. Это как пытаться отдать долг фальшивыми деньгами: вроде и бумажка есть, а толку ноль. Нет, Морф, тут только настоящие события и искренние порывы помогут. Но как это сделать с конкретно этим человеком — я не имею ни малейшего представления. Пока что не вижу выхода из сложившейся ситуации. Разве что за оставшийся год мне придет в голову какая-то гениальная мысль, или действительно выпадет шанс вернуть магическую услугу. Ну или мне конец...

— Уже меньше года!

— Мог и не напоминать, — буркнула я.

Морф виновато улыбнулся и добавил:

— И конца пока нет. Конец будет только через год, а за это время мы что-нибудь придумаем!

— Или раньше, если из-за Лунтьера на мне повиснет третий эрнил, — мрачно добавила я.

— Так он же не повиснет! — уверенно произнес Морф. — С чего бы ему виснуть? Ты же будешь осторожной!

— Правда, что ли? — нервно усмехнулась я. — А до этого я специально нарывалась на магическую связь с ним, по-твоему?

Морф осознал, какую глупость сказал, и умолк, виновато тараща на меня свои огромные глаза. Ну прямо как кот, который только что разбил любимую вазу и пытается с помощью своих честных глаз избежать наказания.

Я тяжело вздохнула и отвернулась, глядя на тюль, красиво переливающуюся на солнце от лёгких порывов ветра.

Услуга за услугу... И если за мелкие оказанные услуги расплатиться было довольно просто (ну угостил человек конфетой — получи в ответ комплимент, магия довольна, и все счастливы), да и магическая связь образовывалась неглубокая, то в случае с Лунтьером я влипла по полной программе. Ведь тот, кто спасает мне жизнь, сам того не зная, привязывает меня к себе магической клятвой и невольно начинает потягивать из меня силу — в качестве платы за оказанную услугу по спасению жизни такого редкого существа, как я. И если в течение года я не придумаю, чем равноценно отплатить Лунтьеру за спасение своей шкуры, то невыполненная магическая клятва начнет жёстко наказывать меня ослаблением магических способностей. А если, упаси боже, за это время свяжусь с Лунтьером еще и третьим энергетическим кольцом, а я так и не смогу вернуть услугу, то вся моя магия перейдёт к нему, а я... Обращусь зверем, да потихоньку лишусь человечности. Да, существовали некоторые способы решения этой проблемы, но все они, так или иначе, были связаны с пожизненной привязкой к своему «господину», оказавшему услугу по спасению жизни. А быть привязанной к Лунтьеру я ох как не хотела! И уж тем более — решать возникшую проблему теми самыми способами. Прибить хотела этого аристократа, вот что! Интересно, а если мне его прибить, то магическая связь между нами исчезнет или поглотит меня? Не рискну проверять, пожалуй.

Думая обо всем этом, я невидящим взором смотрела на сверкающие эрнилы и перевела взгляд на свое запястье. В свете солнечных лучей заметила, что на коже поблёскивают очень бледные и быстро мелькающие золотистые цифры от нуля до десяти.

Я нахмурилась.

— А это еще что такое?

— М-м-м? Ты о чем?

Я моргнула, и цифры пропали, словно их и не было вовсе. Провела ладонью по запястью, но больше там ничего не проявлялось.

— Да так... Показалось, видимо.

Глава 12. В чем подвох?

Днем я заскочила в здание редакции газеты «Ежедневных фактов», потому что меня позвал Рошфор. Назойливо так позвал, будто кредитор, которому я должна последние пять лет. Сначала он терроризировал меня через связной артефакт, настойчиво так называл, и я его игнорировала, опасаясь какой-нибудь новой подставы. А потом с точностью эльфийского лучника мне прямо в лоб врезался на улице бумажный самолетик, который раскрылся перед моим носом зашифрованным посланием, его можно было понять как вопль мистера Рошфора «Штольценберг, у меня к тебе дело, приходи, это срочно!!! Это очень срочно!!! Ты мне нужна вчера!!!».

В общем, я помялась немного, но после таких настойчивых «ухаживаний» в редакцию решила-таки заглянуть. Понятия не имела, что нужно от меня бывшему начальнику, но заранее напряглась, будучи в курсе, какой информационный фурор произвела моя статья про подрыв особняка профессора Бестиана Брандта. Об этом судачили все, от уличных торговцев до манерных аристократов, я то и дело видела людей с выпуском «Ежедневных фактов» в руках, с моей фотографией на первой полосе. Из подслушанных сплетен сделала вывод, что никто пока не знает, жив профессор или нет, никаких заявлений от инквизиции не было. На мой взгляд, она очень подозрительно отмалчивалась, как будто что-то скрывала. Опять какое-то хитрое дело ведут и не хотят делать официальных заявлений раньше времени?

Только сейчас сообразила, что могла уточнить информацию про выжившего или погибшего профессора вчера у Лунтьера, но была так потрясена встречей с варгами и вымотана попыткой поджарить меня на еловом вертеле, что думала только о себе и была не в состоянии задавать вопросы про кого-то. Очень непрофессионально с моей стороны, конечно, но в моём состоянии простительно.

— Вы вроде как и так меня уволили, потому накладывать на меня новые штрафы не можете, если вам что-то не нравится в моей последней статье и реакции публики на неё, — с порога заявила я Рошфору, предвосхищая возможные скандалы.

Тот глянул на меня непонимающе, будто я заговорила на древнеискандерском языке, потом отмахнулся от моих слов, как от шелухи, указал на кресло и нервно улыбнулся, точнее, изобразил нечто среднее между улыбкой и гримасой человека, который только что проглотил лимон целиком.

— Сядь, Штольценберг. У меня к тебе дело есть. Нужно обговорить.

— Постою, пожалуй.

— Да сядь ты уже, не мельтеши передо мной! — раздраженно сказал Рошфор. — Я и так нервничаю, не видишь, что ли?

Ого, это что-то новенькое.

Я глянула вопросительно, но на краешек кресла всё-таки уселась.

— У меня сроки подачи заявки поджимают, а тут ты еще бродишь где-то, на связь не выходишь... Не уволил я тебя, кстати, — буркнул Саймон. — Ты же заявление так и не подписала, документы свои из канцелярии не забрала, а без этого я тебя уволить просто так не могу. Да и не хочу.

Я тебя очень ценю, ты же знаешь.

Я медленно подняла бровь, давая понять, что это объяснение звучит подозрительно благостно для человека, который крупно оштрафовал меня и говорил о моем увольнении.

И на всякий случай порадовалась тому, что за последнюю статью сразу потребовала наличными вперёд заплатить: сейчас я могла быть спокойна, что эти деньги у меня не отнимут.

— Работу тебе предложить хочу, — неожиданно произнёс Рошфор. — Командировку, точнее, в одном примечательном месте.

— Где именно? — встрепелась я.

Командировка — это интересно. В командировку меня только пару раз отсылали в искандерскую область, давно я никуда не ездила.

— В Гербоссе.

Вот хорошо, что я сидела. Потому что иначе ноги точно подогнулись бы от удивления.

— Где-е-е? — потрясённо протянула я, чувствуя, что мозг пытается перезагрузиться, как дешёвый связной артефакт после магического скачка напряжения.

Вообще-то Геросс являлся далёким материком, на котором проживали эльфы. Настолько далёким, что без прямых порталов туда можно неделями добираться, и это я молчу о специфике страны: она была закрытого типа, иностранцев там не жаловали и без особых пропусков и виз туда попасть было невозможно. А поди еще эти визы получи у эльфийских бюрократов... Развернут за недостающую бумажечку и будут неделями гонять туда-сюда, если у тебя прямой родни в Героссе нет, ну или рабочей аккредитации. Проще договориться с диким драконом о бесплатном проживании в его пещере.

В общем, я даже не думала, что когда-нибудь смогу побывать в этой стране, даже мыслей таких никогда не возникало. Поэтому слова мистера Рошфора произвели на меня настоящий фурор. Командировка в Геросс? К настоящим эльфам? Это как вообще, и с чего бы им туда меня пускать?

— В Героссе, — повторил Рошфор, выбивая карандашом по столешнице рваный ритм. — Вчера поздно вечером выяснилось, что освободилась вакансия репортёра, который в составе международной делегации должен в ближайшее время отправиться в Геросс. Тот репортёр, которого аккредитовали ранее, был найден вчера на рабочем месте, хм... В странном состоянии, в общем. То ли заболел некой убойной дрянью, то ли впал в маразм, не знаю даже, как объяснить...

— Ведет себя, как ребенок, и не осознает реальность? — осторожно уточнила я.

Воображение нарисовало солидного репортёра, который строил башенки из офисных бумаг.

— Во, да, точно! Как ребенок, это ты правильно подметила, — Саймон прищелкнул пальцами, довольный тем, что я его поняла с полуслова. — Представляешь, звонит мне утром ее начальник, ну этот, Робинсон, рыжий который, и говорит мне...

Я нахмурилась, слушая рассказ о том, как журналистку из редакции популярного молодежного журнала «Звёзды и Ко» нашли на рабочем месте, играющей со своими туфлями, как с игрушками, и совершенно не реагирующую на попытки контакта с ней. Судя по всем описаниям, эта несчастная была поражена той самой болезнью, которую Лунтьер окрестил как «эпидемия детства». Видимо, зараза расползлась по городу быстрее, чем женские сплетни — на пижамной вечеринке.

— Робинсону нечем сейчас заменить эту леди, у него все сотрудники заняты, половина в командировках торчит, еще и нового кого-то отсылать на пару недель возможности нет, — продолжал Рошфор, глазки его нервно бегали по рабочему столу, как тараканы при включенном свете, он учащенно дышал и промокнул платком испарину на лбу. — Ну он мне по дружбе-то и звонит такой, мол, Саймон, давай, подмоги, а я что, брошу друга в беде, что ли?

Он изобразил на лице выражение праведного негодования, хотя все знали, что Рошфор и дружба — понятия примерно так же совместимые, как огонь и бензин.

— Ну, в общем, я так подумал, что ты будешь идеальной кандидатурой, Штольценберг, — продолжил он, внезапно переходя на заискивающие нотки. — Из штата я тебя полноценно уволить не успел, терять тебя как специалиста не хочу — погорячился, каюсь...

Погорячился он, ага, как же. Задницу свою прикрыть пытался, подлизываясь к инквизиции в лице Лунтьера, и за мой счет решил восполнить убытки, которые понес из-за уничтоженного газетного выпуска. А теперь строит из себя лапушку, будто всерьез переживал за меня.

Рошфор обычно горячился с расчетливостью шахматиста, просчитывающего все ходы, и от его внезапного раскаяния пахло фальшью сильнее, чем дешевый парфюм бедной студентки.

— Но и держать тебя на виду сейчас тоже нельзя, сама понимаешь, — он виновато развел руками и снова нервно промокнул платочком испарину на лбу. — В общем... Поедешь туда, отсидишься там, пока этот твой бешеный Лунтьер Брандт перестанет на тебя зубы точить...

— Он не мой, — машинально поправила.

— Ай, — Саймон отмахнулся, чуть ослабляя галстук и обмахивая себя газетой. — Твой, не твой — одна суть. Главное, что ты там делом занята будешь. Мне очень нужен в этой делегации свой человек, который сможет выжать максимум из поездки. Все расходы на жилье-транспорт оплачиваю я и принимающая сторона. Жалованье небольшое выплачу, больше тысячи золотых не дам и не проси, — добавил он, грозно зыркнув на меня, и я улыбнулась, забавляясь очевидному опасению Рошфора, что я сейчас начну торговаться, как прошедшей ночью. — Зато опыт получишь такой, какой ни у кого ни в нашей, ни в конкурирующих редакциях не будет.

— Ну, так уж и быть, ради опыта могу потерпеть скромное жалованье, — с театральным вздохом произнесла я.

А внутренне на самом деле пищала от восторга и предвкушения. Да это ж идеальные условия, с чего мне быть недовольной?

Но внешне старалась оставаться спокойной, чтобы не слишком уж сильно светиться энтузиазмом и счастьем.

В бочку меда примешивалась лишь одна ложка дегтя по имени «Лунтьер». Мой начальник был не прав, говоря, что своей поездкой в Геросс я уеду далеко от Лунтьера Брандта, потому как я припоминала, что он вот-вот должен был к эльфийским чиновникам на очередную встречу отправиться. Но, очевидно, Рошфор о скорой поездке Лунтьера в эльфийские дали не знал, потому так рассуждал, и чисто теоретически у меня оставался шанс столкнуться с Лунтьером даже в далеком Героссе...

Правда, я тут же отбросила эти мысли прочь, справедливо полагая, что Лунтьеру Брандту, как инквизиционному представителю иностранной делегации, будут поручены серьезные дела в эльфийской империи, и крутиться он там будет в высших эшелонах власти, его наверняка поделят ближе к императору, я такой чести точно удостоена не буду. Меня оставят где-нибудь в эльфийском приграничье, скорее всего, и я проведу всё время командировки, шатаюсь по улочкам и фиксируя всё, что может показаться интересным редакции. Мы совершенно точно ни разу не пересечемся с этим аристократом.

— Что именно по информации из Геросса мне нужно будет предоставить вам по итогу поездки? На что акцентировать внимание?

— На всё! — с готовностью выпалил Саймон. — Всё, что ты сможешь увидеть, подслушать, разузнать... Еще мне очень интересны твои заметки очевидца об их обычаях, праздничных традициях... У них Рождество на носу, ты же знаешь, что эльфы отмечают его по старому календарю, в день летнего солнцестояния? Ну вот, а в Искандере еще не было репортёра, который лично побывал бы там в этот промежуток времени, чтобы запечатлеть эти события. Геросский император вообще лишь раз в год выдает аккредитацию какому-то одному журналисту, выбранному из разных стран путем жеребьевки, там чужаков не любят и впускают в свои края весьма неохотно. В этом году жребий аккредитации журналистов выпал на Искандер, я все локти искусал себе, когда несколько месяцев назад узнал, что аккредитация досталась не мне, а этому прохвосту Робинсону, а тут — такое счастье мне само в руки идет!

Я хмыкнула, наблюдая за тем, как Саймон наливает себе из графина целый стакан воды и выпивает его залпом. Да уж, кому-то горе, а кому-то — счастье на чужом горе... Ох уж этот странный нелогичный мир.

Чего это Саймон так ведет себя, интересно? Дерганный какой-то, в жар бросает. Это от нервного возбуждения, или что-то еще?

— Как ваше самочувствие, мистер Рошфор? — на всякий случай спросила я.

— Простудился, кажется, лихорадит немножко, ничего страшного, это сейчас неважно, — отмахнулся он и продолжил вдохновенно вещать. — Штольценберг, дорогая моя, я ж знаю, как ты умеешь вынюхивать всю самую важную и интересную информацию, принеси мне из Геросса какую-нибудь сенсацию, а? Я уверен абсолютно, что только ты справишься с этой задачей на все триста процентов, только ты способна залезть туда, куда других даже близко не пустят!

— Сделаю всё в лучшем виде, — ослепительно улыбнулась я. — Когда я должна быть готова?

— Завтра утром ты уже должна быть в Героссе, но отправиться в приграничье нужно сегодня, тебя доставят туда порталом, сегодня оформят все документы, а завтра утром проведут к таможне. Я ж потому и нервничал, что ты на связь не выходила, а мне нужно было сегодня отправить какого-то своего сотрудника, — Саймон придвинул ко мне бумаги со всеми подписанными пропусками и ткнул в строчку адреса. — Вот сюда надо явиться в указанное время, чтобы тебя провели порталом в распределительный пункт где-то в эльфийском приграничье. Там тебя встретит некий куратор, который будет, ну-у-у, своего рода твоим напарником в этой поездке. Он тебя проведет в сам Геросс, ну и будет везде сопровождать.

— А куратор кто? Неизвестно? — уточнила я, с жадным интересом изучая врученные мне бумаги.

Голова кругом шла от открывшихся перспектив!

Ух-х-х, уж я-то разгуляюсь в эльфийской империи так, что вернусь с целой тонной исписанных блокнотов и заполненных артефактов, кажется.

Рошфор пожал плечами.

— Понятия не имею. Да наверное какого-нибудь местного эльфа к тебе приставят, который будет переводчиком работать. А то героссцы многие на международном языке толком не говорят, считают это выше своего достоинства, — Рошфор возвел глаза к потолку, всем своим видом показывая, что он обо всем этом думает.

— А, да? Ну, тогда с подслушиванием и выискиванием чего-нибудь интересного будут некоторые проблемы, — нахмурилась я.

Как-то не задумалась раньше, что эльфы в основном на эльфийском говорят, и международный действительно не все знают. Ну, продвинутая молодежь, наверное, больше знает, а вот всякие важные шишки — вряд ли. Артефакт-переводчик какой-нибудь приобрести, что ли... Хотя они работают неидеально и стоят слишком дорого, но можно попытаться хоть что-то использовать, ради такого дела-то.

Но Саймона это, кажется, нисколько не смущало.

— Уверен, ты прекрасно справишься с поставленной задачей. Мне ж не нужны их политические тайны какие-нибудь, мне нужны яркие события, что-нибудь эдакое местное, что будет диковинкой для наших земель... Уверен, ты сможешь найти такое, вне зависимости от того, в какой стране и на каком языке будешь общаться. Все-таки Геросс — это прям другой континент, и такая закрытая империя, с флёром тайн и мифов... Тебе точно найдется, что поведать нам про эльфов. И не только нам, но и всему миру! — глаза Рошфора загорелись прям фанатичным огоньком человека, который уже нарисовал себе воздушные замки грядущего триумфа.

Я усмехнулась и покачала головой, но промолчала и углубилась в изучение пригласительного листа.

Пока Саймон подписывал для меня сопроводительные бумаги, я изучала аккредитационный лист и думала вот о чем...

— А в чем подвох, собственно? — спросила я. — Почему вы именно меня выбрали в качестве аккредитованного журналиста? Нет, я отправлюсь в эту поездку и сделаю всё в лучшем виде, не сомневайтесь в этом, но как-то всё слишком уж ажурно звучит. Извините, но я не верю, что вы решили отправить меня в Геросс просто по той причине, что я хороший репортёр. Если сложить воедино всю имеющуюся у меня информацию... У меня скорее возникло ощущение, что желающих быть аккредитованной в Геросс не так уж много. Или их вообще нет, за это место, очевидно, не бьются, хотя гонорар хороший, условия отличные, и за это лакомое место стоит побороться вроде как. Но никто не борется, и вообще сам не выражает желания воспользоваться уникальным предложением и посетить закрытые эльфийские земли. Почему? Что не так с этим Героссом, что отпугивает претендентов на аккредитацию? Раз даже Робинсон вынужден был обратиться к вам, потому что в его конторе не нашлось ни одного желающего. Простите, мистер Рошфор, вы можете сколько угодно развешивать мне на уши красивую лапшу о том, что просто всё так чудесно сложилось, и ваш якобы друг Робинсон просто по доброте душевной решил передать вам аккредитационный лист, но мы ж с вами оба понимаем, что вы ко мне обратились как к спасательному кругу. Как к человеку, которому вроде как нечего терять, и он рискнет отправиться в эту командировку, несмотря на предстоящие трудности. Хорошо, это действительно так, но в чем подвох-то? Какие трудности меня ожидают?

Саймон не ответил, и я перевела на него недоуменный взгляд.

Рошфор явно меня не слышал, взгляд его подозрительно расфокусировался, и он зачем-то шлепал ладонями по столу. Он смотрел в одну точку перед собой, и я напряглась, когда заметила, как с уголка рта начальника стекает слюна. Хорошо так стекает, аж свисая с подбородка, я резко подалась вперед, чтобы отодвинуть все важные документы в сторону.

— Мистер Рошфор? — неуверенно произнесла я. — Вы в порядке?

Он не ответил мне, продолжая странно шлепать руками по столу... Как дитя малое, ей-богу.

От нехорошего предположения у меня волосы на затылке встали дыбом.

— Мистер Рошфор? Вы меня слышите? — предприняла я еще одну попытку достучаться до начальника.

— Агу-у-у!

После этого душераздирающего заявления он поднял ногу, притягивая к себе ступню руками, куснул собственный ботинок и начал грызть и слюнявить его, как часто делают совсем маленькие детки до года, запихивав себе в рот большой палец ноги. Вдобавок ко всему, Рошфор начал раскачиваться на своем кресле, но потерял равновесие, упал на спину и разразился оглушительным плачем, суча руками и ногами в воздухе, будто малыш, который не мог подняться.

Я в ужасе схватила за голову.

Вашу ж мать...

Глава 13. Конфеты с подвохом

[примерно в это же время; особняк Лунтьера Брандта]

[Лунтьер]

Защелкнул застёжки на чемодане и выставил его на террасу, чтобы завтра отправиться в Геросс. Сборы были окончены, и я уже предвкушал поездку, тем более что в этот раз она была совмещена с местными рождественскими праздниками, и я планировал провести это время максимально ярко и интересно. С фанфарами и фейерверками, так сказать!

Эх, если бы я только знал, какие именно фейерверки грянут в моей жизни вот совсем-совсем скоро...

Но я был расслаблен и какое-то время еще стоял на террасе особняка, просто наслаждаясь приятной вечерней погодой, слушая пение птиц. Босые ноги холодил каменный пол террасы, но я привычно не обращал на это внимание. Дома я всегда ходил босиком, да и вне дома ловил любой удобный момент, чтобы снять обувь и постоять босыми ногами на земле, ну или просто на полу. И у меня были на то серьезные причины.

Закинул в рот очередную шоколадную конфету и направился в гостиную, где плюхнулся в кресло у камина. В нем уютно потрескивал огонь, меня всегда умиротворял этот звук. Вот и сейчас я какое-то время сидел у камина, перебирая рабочие бумаги. Затерялась среди них и информация из личного дела по Елению Штольценберг, и я на несколько секунд завис, любуюсь ее фотографией прикрепленной к делу. Поймав себя на появившейся блаженной улыбке на лице, разозлился на самого себя, отбросил в сторону анкету и агрессивно закопался в более насущных рабочих бумагах.

Надо перестать думать о Штольценберг. Этой рыжей негодницы в моей жизни и без того стало слишком много.

Так, Лунтьер, ну серьезно, перестань о ней думать, немедленно!

Впрочем, с моей слабостью к рыжим это было всё равно что приказать воде не быть мокрой.

Рыжих девушек я любил. Честно говоря, я питал к ним откровенную слабость, меня всегда манили густые рыжие шевелюры и озорной взгляд, как правило, зеленоглазых рыжих красавиц. Бестиан посмеивался над этой моей слабостью, но а я что мог с собой поделать? У меня взгляд сам по себе всегда на рыжих падал и прилипал к ним, как приклеенный. Причем много раз обращал внимание, что меня так тянет только к натуральным рыжим, крашенная красота меня не прельщает. Почему? Не знаю. Видимо, потому что на каком-то подсознательном уровне тянет к ведьмовской красоте, не иначе.

Поэтому когда я впервые увидел Елению Штольценберг, то влюбился в нее с первого взгляда.

Стройная, даже слишком худенькая, я бы сказал, с шикарными волнистыми рыжими волосами, она создала впечатление хрупкой беззащитной девушки, которую так и хотелось обнять и защитить. Ну прям ожившая картинка из моей фантазии!

Правда, любовь длилась до первого выплеска кофе в лицо и быстро переросла в ненависть вместе с треснутым образом хрупкой леди, но такая вот у нас, кхм... Ненавистная любовь была, н-да. Весьма взаимная, судя по всему. В чем немалая заслуга Саймона Рошфора, который перегнул палку с Еленией после моего эмоционального давления с требованием немедленного уничтожения выпуска газеты.

Вчера поздно вечером я устроил главному редактору «Ежедневных фактов» хорошенькую встряску, потому что я очень не любил, когда меня выставляли в невыгодном свете и прикрывались моей персоной для осуществления своих темных делишек. Мне совсем не понравилось, что он уволил и оштрафовал Елению, выставив меня каким-то монстром, не было у меня

такой цели. Так что вчера после того, как отвез Елению к ней домой, я направился напрямик к Рошфору, чтобы осчастливить его своей персоной и мозгодробительным разговором. Не то чтобы я возражал против имиджа властного аристократа, но когда тебя используют в чужих грязных играх — это уже перебор.

Я отправил в рот очередную шоколадную конфету и улыбнулся, представляя, как Еления, должно быть, нервно дергала глазом сегодня утром, когда обнаружила мою издевательскую записочку. Ну я просто не смог удержаться, чтобы не похулиганить! Эта рыжая бестия постоянно пробуждала во мне желание провоцировать ее, и я ничего не мог с собой поделать. Да и не пытался с этим что-то сделать, если честно.

Так, не думать о Штольценберг, Лунтьер, ну что ты, в самом деле! Подумай лучше о предстоящей поездке в Геросс, тем более что в этот раз она совмещена с их рождественскими праздниками, а еще — с серьезной проблемой, которую мне предстояло решить.

Я налил себе в высокий бокал светлый айлино, пригубил сладковатый напиток и придвинул к себе документы по спискам последних пострадавших от новомодной болезни.

Эпидемия. Та самая эпидемия детства, как я ее окрестил, захватывала Геросс с пугающей скоростью. Это странное заболевание вспыхнуло чуть ли не во всем мире примерно одновременно, но если в Искандере и других странах было выявлено пока что лишь несколько десятков заболевших, то в Героссе количество пострадавших перевалило уже за несколько сотен. У меня, да и у моего Наставника были все основания полагать, что именно в Героссе находится источник странной заразы, которая через путешествующих людей расплодилась и в другие страны. Мне предстояло найти и уничтожить этот источник в кратчайшие сроки, любой ценой. Пока эпидемия не добралась массово до верховных магов, на которых все страны держатся. Страшно подумать, что тогда начнет твориться в мире.

Но самое главное — сегодня пришла информация о том, что в число заболевших эпидемией вошел сам геросский император Карибн Эль-Лионский. Он был найден утром в своих покоях, играющий с хрустальными статуэтками, как с маленькими игрушками. Благо Его Величество Эль-Лионский являлся верховным магом с большим магическим резервом, а таких могущественных колдунов эпидемия превращает не в полностью недееспособных малышей, а хотя бы оставляет сознание ребенка, с которым можно идти на контакт, и новоявленному «ребёнку» удалось объяснить, что ему нужно побыть взаперти в окружении врачей без возможности покинуть свои покои до тех пор, пока не будет найдено лекарство от этой жутковатой болезни. Информация эта была под грифом абсолютной секретности, граждане Геросской империи пока что не знали, что их император сейчас болен. И правители соседних государств тоже не знали. А то если б знали, то как бы не попытались воспользоваться случаем и сунуться в Геросс с совсем не дружественными манерами... Ведь без постоянного контроля императором эльфийских земель их защитные границы ослабнут. Мало ли кто захочет этим воспользоваться... Мне вот не хотелось бы это проверять.

Думал обо всем этом, смотрел материалы по уже имеющимся заболевшим, но никак не мог найти между ними хоть какой-то связи. Который день искал, но ничего в голову не приходило, какая-то абсолютно случайная выборка пострадавших. Наверное, я не там искал, не туда смотрел... А куда смотреть-то?

На моей руке запиликал и замигал синим кристалликом браслет-артефакт. Я удивлённо вскинул брови, видя, что со мной связывается Бестиан. Вроде как у него сейчас не было свободного времени для поболтать со мной, чего это он сигналил?

Я нажал на кнопку приёма вызова на браслете-артефакте.

— Да? Что-то случилось?

Бестиан Брандт был моим близким родственником, а еще — лучшим другом. И он сегодня днем был у меня в гостях вместе со своей невестой. Оба они выжили после подрыва особняка, так как успели скрыться в тайном подземном проходе, но на связь после этого вышли

на сразу, и я весь извелся в ожидании весточки. Так что когда увидел Бестиана живым и здоровым, выдохнул с облегчением и на радостях открыл не только лучший айлинор из моих запасов напитков из одноименной эльфийской провинции, но и решил, что ради такого дела можно открыть и парочку коробок элитных шоколадных конфет, припасенных для эльфийского генерала. Маргс с ним, с этим генералом, у меня лучший друг выжил после жестокой атаки варгов — вот что было важно!

Сейчас Бестиан как раз собирался выдвигаться в сторону наконец-то найденного логова преступной группировки варгов, поэтому мне был непонятен его звонок.

— Ну как тебе сказать... — задумчиво протянул Бестиан, голос у него был какой-то странный. — Дружище, не подскажешь, какими такими веселыми конфетками ты накормил мою рейну?

Рейна — так называют истинные пары в Искандере, про них говорят, что они дарованы самой судьбой и одобрены богами. Бестиану вот посчастливилось найти такую недавно, и я был чрезвычайно за него рад. Поэтому прозвучавший вопрос вызвал полное недоумение.

— Чего? — я аж опешил. — О чем речь?

— У Лины состояние такое, как будто ее накачали чем-то типа приворотного зелья, — хмыкнул Бестиан.

— Что?! Бес, ты же понимаешь, что я не стал бы Ангелину привораживать? Я, конечно, рыжих люблю, рейна у тебя красotka, но не настолько, чтобы я с ума сходил и афродизиак ей подливал!..

Во-первых, у меня такого бреда даже в мыслях не было. А во-вторых, даже если бы он был, то пришлось бы от него отказываться, потому что за такие проделки в Искандере предусмотрено суровое уголовное наказание. У нас с истинностью не шутят, и такими людьми не раскидываются. А я как-то слабо похож на самоубийцу.

— Судя по медленно развивающимся симптомам, эффект сказался после полного переваривания некой еды, — продолжил Бестиан, как-то подозрительно нервно задышав, будто его в этот момент усиленно отвлекали от разговора. — Еще говорит, что во рту привкус шоколада, хотя шоколад мы сейчас не ели, мы только твоими сэндвичами объедались. Зато Лина ела шоколадные конфеты у тебя. Что там за волшебные конфетки, а?

— Конфеты?.. Так обычные шоколадные с начинкой, я и сам их ел недавно... Хм... Погоди-ка...

Я взял две опустевшие коробки конфет, глянул на фантики, с виду ничего странного не заметил. Конфеты как конфеты.

Провел ладонью над коробками, нашептывая сканирующие чары. Первые стандартные чары ничего не показали, но я не сдавался и перебрал еще парочку узкоспециализированных. И на четвертой проверке улыбнулась удача, если так можно сказать об обнаружении остаточных следов ауры на пустых коробках и конфетных фантиках. Следы не принадлежали человеку, я бы сказал, что они больше походили на следы какого-то духовного существа... фамильяра, например.

Я прищурился, примечая, что остаточные следы похожи на отпечатки маленьких ручек. Странноватых, но похожих на...

В этот момент меня осенило, что произошло, и я от души выматерился.

— Твою ж мать!!! — это было самое приличное из всего моего неразборчивого рычания. — Эта лиса совсем страх потеряла!!!

— Какая еще лиса? — не понял Бестиан.

— Да эта рыжая лиса... репортерша в смысле.

— Штольценберг?

— Она самая!!!

В голове быстро мелькали картинки, собираясь в единый пазл.

А почему я вообще не задался ранее вопросом, что именно делала Штольценберг в той кондитерской? И почему сразу не понял, что своим хамством она меня попросту отвлекала? От... ну, скорее всего, от проделок ее фамильяра, который по науськиванию хозяйки шкодил за моей спиной, оставаясь невидимым благодаря магии фамильяра.

— И-и-и?

— Мы с ней сталкивались в кондитерской неподалеку от здания типографии, когда я закупался сладкими подарками для эльфийской знати, они сладкое наше очень любят, поэтому я таскаю его всегда в Геросс, когда туда езжу, — затараторил я. — Походу, эта рыжая конфеты как-то подменила, не все, но частично точно... Был момент, когда я отвлекся на разговор с продавщицей... Проклятье, а если бы эти конфеты доехали до эльфов?! Да они ж с меня три шкуры спустили бы!! Ну, она у меня сейчас за это получит...

Я не стал больше ничего пояснять Бестиану — и так всё понятно, мы с ним потом договорим. Сейчас я кипел от возмущения, ярость застилала глаза... И, кажется, не только ярость.

До меня только сейчас дошло, что я и сам странно себя чувствовал, голова слегка кружилась, но самое главное — во мне просыпалось подозрительное желание, которое было продиктовано явно не мной.

Проклятье! Я же и сам этими конфетами с афродизиаком, или чем там, наелся... Сколько штук съел? Десять? Больше? А почему сразу не заметил?

Поднес к носу одну надкусанную и недоеденную конфету, принялся к ней как следует. Ничем подозрительным она не пахла, конфета как конфета. Какое-то очень тонкое зелье, медленно действующее, с накопительным и раскачивающимся эффектом, судя по всему. Неудивительно, что я ничего не почуял, а перепроверять конфеты, которые только что купил в элитной кондитерской прямо из рук ее хозяйки, мне даже в голову не пришло бы. А зря.

Я раздраженно швырнул коробки из-под конфет на пол, быстро обулся и вылетел из особняка, на ходу формируя телепортационную воронку и через секунду уже выходя около дома на Галеосской улице, яростно сверкая глазами ярче, чем рождественская гирлянда.

— Кому-то сегодня кре-е-епко достанется, — певуче произнес я, глядя на возвышающийся передо мной дом и горящие окошки искомой квартиры.

Посмотрим, как вы будете рады одному очень злому и взбудораженному конфетами гостю, мисс Штольценберг.

Я мрачно улыбнулся и торопливо зашагал к нужному подъезду. В крови кипел адреналин, ярость и... проклятое возбуждение, которое начинало туманить разум и рисовать в моей голове картинки сладкой мести.

Глава 14. Следующая конфета

[чуть ранее; в здании редакции газеты «Ежедневные факты»]

[Елениа]

— Он ни с того ни с сего начал так себя вести, ничего не предвещало, — объясняла я инквизиторам несколько минут спустя.

Кабинет редакции теперь напоминал то ли больничную палату, то ли место преступления — смотря с какой стороны посмотреть. Лекари, прибывшие сразу после моего вызова скорой лекарской помощи, суеились вокруг Рошфора, который, кажется, благополучно забыл, как пользоваться горшком, не то что руководить газетой. В коридоре толпились сотрудники редакции, некоторые из них поначалу пытались ломиться в кабинет, но строгого вида инквизитор средних лет, в тёмно-фиолетовой мантии и такой же шляпе-котелке быстро навел порядок и теперь допрашивал меня, при каких обстоятельствах мистер Рошфор начал, хм... столь странно себя вести.

— Он что-то особенно ел, пил?

Я покачала головой.

— При мне — ничего. Только стакан воды, — я указала на графин. — Да мы и разговаривали с ним всего несколько минут, чисто по работе.

Инквизитор провел рукой над графином, осыпая снопом серебряных искр, и тот на миг засветился голубоватым светом. Никаких ядовитых веществ в графине магией обнаружено не было.

Потом темноволосый мужчина смерил меня скептическим взглядом.

— Разве? Ваши коллеги в редакции говорят, что вас уволили, мисс.

— Я не уволена, можете сами проверить данные о моей персоне в канцелярии. У нас был конфликт с мистером Рошфором, но...

— То есть у вас был мотив отравить своего начальника, — сделал вывод инквизитор.

Я возмущенно фыркнула и скрестила руки на груди.

— Ну, знаете ли! Если так рассуждать, то он есть абсолютно у любого сотрудника, потому что нет в редакции журналиста, который ни разу не конфликтовал бы с начальством! Глупости всё это, ничем я Рошфора не травила. Да, у нас был конфликт, но это не имеет отношения к состоянию Саймона. Да и моя статья сегодня красуется на первой полосе «Ежедневных фактов», и Рошфор меня отправил в командировку в эльфийскую империю, — я продемонстрировала аккредитационный лист.

Он как будто имел некий волшебный эффект, потому что инквизитор тут же потерял ко мне интерес и попросил покинуть кабинет, чтобы не мешать вести расследование.

Я вышла в коридор, прихватив все необходимые мне рабочие бумаги, но не спешила сразу уйти из редакции, а какое-то время еще стояла в коридоре и наблюдала, как лекари выводят под ручку Рошфора, чтобы покинуть антителипортационную зону кабинета и отправиться в лечебницу.

Мне было здорово не по себе. Я смотрела, как начальника ведут под руки, а тот не сопротивлялся, не осознавал происходящего, пускал пузыри и агукал, как малое неразумное дитя. Каким, собственно, себя и ощущал...

Что ж это за дрянь такая по стране гуляет? Откуда она взялась?

— С ним всё будет в порядке? — спросила я у лекарей. — Вы же ему поможете?

Не то чтобы я прям душевно относилась к Рошфору и всем сердцем переживала за него, о нет. Особенно после этой последней ситуации с Лунтьером, когда стало понятно, что не он, а именно начальник перегнул палку. Но чисто по-человечески жалко же.

— В городской лечебнице господину окажут всю необходимую помощь, — сухо ответил лекарь. — Не беспокойтесь, мисс, у нас всё под контролем.

Но от моего взгляда не ускользнуло, как лекари обменялись тревожными взглядами.

Ничего у них под контролем не было. И, кажется, активно из этого самого контроля выходило. Но официально объявлять эпидемию в стране пока никто не торопился.

— Как защититься-то от этой дряни? — спрашивала я у Морфа, когда уже пришла домой. — Непонятно, эта заразная болезнь, или нет? Я находилась с заболевшим Рошфором несколько минут в одном помещении, если эта дрянь передается воздушно-капельным путём, то я в зоне риска заражения. Знаешь, мне как-то вообще не хочется вести себя, как дитё малое...

— Да ладно, ты даже разницы не почувствуешь! — ехидно пропищал Морф.

Он увернулся от пущенного в него полотенца, показал мне язык, скорчив смешную рожицу, и уже нормальным серьезным тоном произнес:

— Не знаю, как защититься. Может, свечи пожечь?

— Чтобы с огоньком наблюдать за местным апокалипсисом? А что, мне нравится твоя идея.

Морф возмущённо фыркнул и скрестил руки на груди.

— Да я про свечи из лекарской лавки!

— Которые с мармисандрой?

— Ну да, пахучие такие.

Я покачала головой.

— Вряд ли они способны вылечить от этой дряни. В качестве профилактики простуды они хороши, да и просто пахнут приятно, но вот с чем-то серьезным не справятся.

— Ну, вылечить, может, не способны, а бактерии какие-нибудь убить, если пока не болен, но контактировал с заболевшим, — может, это поможет? — предположил Морф. — Во всяком случае, я бы использовал эту штуку. Можно туда еще дополнительно цветки карнелии зелёной добавить, для усиления целебного эффекта. Лишним-то точно не будет.

— Ты прав, можно попробовать.

Я достала из нижнего кухонного ящика большую свечу в маленьком декоративном горшочке с красивыми мраморными разводами, символизирующими знаменитый искандерский лунный мрамор, подожгла ее, поставила на кухонную тумбу, открыла другой шкафчик в поисках нужных сухоцветов.

— Морф, не помнишь, куда я цветки карнелии дела?

— Ты вроде в прошлый раз отвар с ними делала, потом, наверное, в угловой шкафчик убрала.

— А, точно! — хлопнула я себя по лбу и достала нужную коробочку с сухоцветами. — Спасибо! Что бы я без тебя делала...

— Думаю, без меня ты бы когда-нибудь забыла, на какую полочку положила свои мозги, — ехидно произнес Морф.

И на всякий случай спрятался от меня за холодильником, чтобы я еще чего-нибудь в него не швырнула.

Я хотела возмутиться, но тут же вздрогнула от неожиданно раздавшегося грохота в дверь.

Именно грохота — некто не просто настойчиво стучал, а по ощущениям как будто кувалдой лупил по двери.

— Это еще что такое? — нахмурилась я и отложила в сторону коробочку с сухоцветами, с опаской медленно приближаясь к двери.

Хотела было попросить Морфа глянуть, что за психопат ко мне ломится, но все вопросы отпали сами собой, когда на моей левой руке ярко вспыхнули два энергетических кольца: эрнилы загорелись так резко, что я аж зашипела от боли.

— Еле-е-ения, ненавистная моя, я знаю, что ты здесь, — раздался из-за двери певучий голос Лунтьера. — Открой дверь, мне оч-ч-чень надо с тобой поговорить.

— Не горю желанием общаться! — громко произнесла я, начиная соображать, что именно происходит, и судорожно думая, куда бы мне деться.

Проблема решилась бы легко и просто, если б я умела телепортироваться, — я бы сбегала сейчас куда-нибудь на другой край света! — но телепортация была моим слабым местом, а летать с такого высокого этажа я как-то не очень умела. Да с любого не умела, если честно. Эх, ну вот почему моя сущность неспособна летать, а?

Подумав о телепортации, я похолодела, подумав о том, что Лунтьеру-то с его магическими умениями ни дверь, ни еще какие-то препятствия не будут являться помехой. Если на то пошло, то он меня и по телепортационному следу нашел бы при желании, от такого не убежишь... Спрятаться в шкафу? Да мой ненавистный гость сожжет шкаф вместе со мной! Судя по голосу, Лунтьер вряд ли в этот раз пришел с букетом цветов.

А в следующий миг я аж вскрикнула от неожиданности, когда входная дверь вспыхнула зеленым пламенем, и сквозь него, как демон из Преисподней (очень красивый демон, надо признать), спокойно прошел Лунтьер. Ну-у-у, не особо спокойно: скорее уж он стремительно шагнул в квартиру и с угрожающим видом двинулся на меня. Зеленое пламя за его спиной погасло, дверь осталась целой и нетронутой.

— Прости, я без приглашения, но уж очень не терпится с тобой пообщаться, — обманчиво ласковым голосом произнес Лунтьер. — Аж горю от нестерпимого желания быть ближе к тебе.

Это было заметно! Аура у него сейчас от ярости вибрировала так, что я аж отшатнулась и попятилась в наивной надежде забиться в уголок и стать невидимой.

— В курсе, что это? — ласково спросил Лунтьер, шагнув ко мне почти вплотную и продемонстрировав обертку от знакомой мне шоколадной конфеты.

Я нервно сглотнула, ощущая липкий холодок, пробежавший по спине. Отрицать свою причастность было глупо: раз Лунтьер ко мне прилетел на крыльях ненависти, то он уже каким-то образом раскрыл мою махинацию с конфетами. А если он показывает не просто целую конфету, а обертку от нее, то...

— Вижу по твоему взгляду, что знаешь. Подставить меня перед эльфийскими чиновниками удумала, значит. А знаешь, что самое паршивое? Ко мне дорогие гости заезжали, и я подумал, что одну-другую коробочку конфет, заготовленных в подарок для эльфийских чиновников, я могу и себе оставить... И друзей угостить... И самому полакомиться, ведь шоколад-то отменный, очень люблю десерты из этой кондитерской... Я съел с десятка таких конфет, или даже больше. Смекаешь, к чему я?

Я шумно вдохнула воздух и посмотрела в глаза Лунтьера. Его зеленые глаза аж фонили смесью ярости и... чего-то еще. То, что я поначалу приняла за голую ярость, было не только ею. Сейчас я поняла, что в этих изумрудных глазах с золотыми искорками плескалась страсть, готовая вот-вот выплеснуться наружу на... меня?

Лунтьер сжал в ладони обертку, она вспыхнула золотым пламенем и осыпалась пеплом. А я ойкнула и попятилась, но уперлась в стол, когда Лунтьер шагнул ко мне вплотную и упёрся руками на стол по обеим сторонам от меня, отрезая все пути к отступлению.

— И знаешь что? — выдохнул он мне чуть ли не в самые губы. — Следующей конфетой, которой я полакомлюсь, будешь ты.

Глава 15. Сломался

Судорожно втянула носом воздух и уперлась ладонями в грудь Лунтьера, пытаясь его от себя отодвинуть, но как бы не так. Зато ощутила в полной мере, как быстро бьется его сердце, потому что ладонь легла как раз на него.

Я нервно улыбнулась и постаралась заговорить как можно более спокойным голосом:

— Я слабо похожа на шоколадную конфету. Да и что вы себе позволяете, мистер Брандт? Ворвались в чужой дом без разрешения, напираете на меня...

— А ты что себе позволяешь, Штольценберг? — перебил Лунтьер, склоняясь надо мной так, что мне пришлось еще больше отклониться назад. — Ты чем думала, когда всё это творила? Я собирался подарить эти конфеты эльфийским чиновникам!

— Я в к-курсе, — произнесла тихо, на нервной почве аж заикаться начала.

— Ах ты в ку-у-урсе, — улыбка Лунтьера стала до неприличия широкой. — А ты в курсе, что для эльфов наши афродизиаки типа этого зелья, которым напичканы конфеты, являются ядовитыми?

— Ч-что? — онемевшими губами переспросила я.

— У эльфов мгновенная всасываемость в кровь подобных штук, и действуют такие зелья на них не так, как на обычных людей и волшебников. Пара-тройка конфет могут серьезно отравить, а десяток другой — довести до летального исхода. А теперь представь, что было бы, если бы эти конфетки достигли адресата. Масштаб бедствия представляешь?

— Я н-не знала...

Господи, как стыдно-то сейчас стало! Под землю готова была провалиться от такого ужасающего фиаско...

— Послушай, я хотела попросить своего фамильяра поменять обратно конфеты на обычные, и вообще, всё это было до того, как ты меня спас от варгов, и...

— Но после того как я спас тебя от ехавшего прямо в тебя грузовика! — рыкнул Лунтьер. — Я тебя спасаю, а ты мне вот так отплачиваешь? Штольценберг, у тебя совесть есть вообще?

— Есть. Кристально чистая, между прочим.

— Потому что ты ни разу ею не пользовалась?

Я виновато опустила взгляд. Ох-х-х... Лучше бы этого не делала. Потому что взгляд лег ровнехонько на ширинку Лунтьера, и у меня глаза округлились при виде, э... вдохновенного состояния мужчины, скажем так.

От Лунтьера, разумеется, не ускользнуло мое удивление, и он расплылся в коварной улыбке.

— Видишь, до чего ты меня довела? Нравится результат твоих действий?

— Непосредственным результатом я, к счастью, любоваться не буду, потому что сейчас вы, мистер Брандт, покинете мою квартиру, пойдете к какой-нибудь своей девушке и покажете ей все свои, э-э-э, результаты...

— Нет у меня девушки.

— Значит, отправитесь к той самой одной или двум женщинам, около которых вы лежали недавно и хвастались передо мной тем, что они ужасно мешали вам выспаться. У вас есть шанс им отомстить за бессонную ночь!

Проклятье, я одна, в квартире с напичканным по самое не могу афродизиаком мужчиной, и бежать мне некуда, спасите-помогите!

Или не надо помогать и спасать? Я не определилась...

В комнате сильно запахло мятой, лимоном и еще чем-то цветочным. Я покосилась на Морфа, который бесшумно выполз из-за холодильника и сейчас усиленно подбрасывал к ранее зажжённой мною свече сухоцветы из коробочки. Что он туда так лихорадочно сыпет, инте-

ресно? Он там помочь мне ничем не хочет, а? Огреть этого аристократа чем-нибудь по голове, например? Да хоть сарделькой!

Морф заметил мой взгляд, приложил палец к губам, указал на горящую свечу и сухоцветы и вернулся к своим странным занятиям.

Я ничего не поняла, но вынуждена была вернуться к насущной проблеме. Сделала еще одну попытку отодвинуть от себя Лунтьера, но он стоял недвижимой скалой, словно не ощущая вообще моих слабых попыток сдвинуть его в сторону.

— Не хочу других женщин. Хочу тебя, — прямо сказал он, глядя мне в глаза, и у меня щеки вспыхнули от его слов. — И будет справедливо, если с последствиями своих махинаций будешь разбираться ты сама, не правда ли?

— Возможно, — уклончиво ответила я, нервно облизывая пересохшие губы. — Однако, смею заметить, что...

— Я тебя как только увидел, тогда, в здании редакции газеты, еще не зная, кто ты, так сразу подумал, что хочу, чтобы ты была моей, — низким глубоким голосом произнес Лунтьер, всё так же не сводя с меня какого-то гипнотизирующего немигающего взгляда.

Он провел ладонью по моей щеке, очертил пальцами скулы и скользнул ладонью к шее. Мне стоило титанических усилий воли не реагировать внешне слишком бурно на эти прикосновения, хотя больше всего хотелось закрыть глаза и издать тихий полустон.

— Я не собака и не изысканный предмет мебели, чтобы кому-то принадлежать, — сухо произнесла я, искренне надеясь на то, что мой голос звучал достаточно твердо.

— Верно. Ты намного лучше.

Он как-то ловко подхватил меня за бедра, усаживая на стол перед собой, я даже пискнуть не успела, как осознала себя сидящей не столе, инстинктивно обнимающей ногами Лунтьера и вцепившуюся в его плечи.

Теперь наши глаза и губы были на одном уровне, и у меня голова кругом пошла от всего происходящего.

От Лунтьера вкусно пахло теми самыми шоколадными конфетами, и близость этого мужчины пьянила похлеще темного айлинора.

Чувствовала себя загипнотизированным кроликом, который вроде как и хочет убежать, а вроде как даже пошевелиться не может.

И судя по тому, как алчно Лунтьер смотрел на мои губы, сбежать от него или как-то успокоить точно не получится.

— Я буду кусаться, — предупредила я, лихорадочно соображая, что же мне делать.

— Я тоже, — хмыкнул Лунтьер.

И без всяких предупреждений нагнулся и ощутимо куснул меня в шею.

Я охнула от неожиданности, когда укус перерос в поцелуй. Вот чего угодно ожидала — наглого поцелуя в губы, попытки беспардонного раздевания меня... Но не такого чувственного поцелуя в шею. Боже, он целовал и обнимал так, как будто я была самым вкусным и важным десертом на свете! Одной рукой он прижимал меня к себе, придерживая за шею, второй водил пальцами по спине, и я не знаю, от чего подрагивала больше...

Это был умопомрачительно страстный поцелуй, и хоть Лунтьер не касался моих губ (возможно, опасаясь, что я в самом деле начну кусаться), а голову вело так, что меня хватало лишь на судорожные вздохи.

— Пусти меня, — шепнула, отчаянно борясь с желанием попросить об обратном. — Ты не в себе. Тебе надо уйти.

— Оттолкни.

— Я пытаюсь, но ты сильнее меня, вообще-то!

— Вы не умеете врать, мисс Што-о-ольценберг, — с издевательским придыханием певуче протянул Лунтьер. — Потому что ты на самом деле не принимаешь никаких попыток сопро-

тивления, иначе давно бы вlepила мне пощечину, врезала между ног, огрела чем-нибудь по голове и выплеснула на меня пару чашек горячего кофе. Но ты этого не делаешь, не правда ли? Даже не пытаешься. И если бы мои ласки не были приятны, то ты бы не дрожала от удовольствия и предвкушения, когда я делаю вот так.

С этими словами он провел ноготками по моей спине, снизу вверх, через тонкую ткань блузки это ощущалось почти прикосновением к голой коже. Меня действительно бросило в легкую дрожь, и с моих губ невольно слетел тихий полустон.

Сей звук явно что-то активировал в воспаленном мозгу Лунтьера, потому что он прильнул к моей шее с поцелуями с такой страстью, что у меня мозг совсем поплыл от этих ласк и крепких объятий. Я не поняла, когда он успел с какой-то профессиональной скоростью растегнуть верхние пуговицы на моей блузке, только судорожно вздохнула, когда Лунтьер стянул блузку с одного моего плеча и начал покрывать его чувственными поцелуями. Да что же он творит, божечки...

Еще одна пуговица сдалась под напором ловких пальцев Лунтьера.

А потом его движения странно замедлились, координация движений нарушилась, и он покачулся, отстранившись и глядя на меня мутным взором.

Выглядел он так, будто его нестерпимо клонило в сон, веки налились свинцом, и он с трудом разлеплял их.

— Чем еще ты меня одурманила, ведьма? — сонно пробормотал он. — Я ж отомщу.

С этими словами он душераздирающе зевнул, покачулся, закатил глаза... И навалился на меня, неожиданно заснув прямо так, стоя. Удержать взрослого спящего мужчину я была не в состоянии, а потому Лунтьер тут же начал сползать по мне, эффектно уткнувшись носом в ложбинку моего декольте.

— Готов, миленький! — радостно пискнул Морф, зависнув в воздухе и радостно тараща свои огромные глазки. — Я таки успел, у меня получилось!

— Ч-что ты сделал? — спросила я, непонимающе переводя взгляд со сладко посапывающего в моем декольте Лунтьера на фамильяра.

Морф помахал в воздухе буклетом с эмблемой кондитерской «Сладкие мечты».

— Вспомнил, что в инструкции, которая прилагалась к тем конфеткам с афродизиаком, на эту тему было несколько интересных замечаний. Продавщица тебе говорила что-то про побочки, и я, когда конфетки менял, на всякий случай эту инструкцию прочел и сохранил, мало ли. В общем, помимо ряда увлекательных побочных при передозировке конфет, тут также сказано про несовместимость этих конфет с некоторыми продуктами и запахами. В том числе есть указание на то, что конфеты не рекомендуется пить с крепким мятным чаем или вдыхать очень густой мятный аромат, пока действуют конфеты, иначе велика вероятность мгновенной снотворной побочки. Я решил проверить эту теорию, чтобы мягонько вырубить твоего Лунни, сыпанул в аромасвечу и листьев мяты и эфирные масла. Как видишь, сработало, он надышался и вырубился.

— Морф, ты гений! — облегченно выдохнула я. — А то я не знала, что делать, и не поняла, зачем мы мяту в свечу бросаешь...

— А сама ты инструкции читать не умеешь, да?

— Я их читаю только после того как у меня сломался товар, к которому прилагалась инструкция.

— Ну вот, он как раз сломался, — хихикнул Морф, кивнув на сладко сопящего Лунтьера, и кинул мне инструкцию, которую я поймала на лету одной рукой. — На! Почитай теперь.

Я с опаской развернула буклет и быстро пробежалась по строчкам, от каждой из которых мой глаз дергался всё больше.

— Сколько он конфет съел, не помнишь?

— Вроде говорил что-то про десять штук.

Я от души выругалась.

— Маргсов сладкоежка! Не мог съесть одну конфетку и успокоиться?!

— Что, тоже впечатлила перспектива побочек? — ехидно произнес Морф.

— Безю-ю-юмно! Ладно, мне главное с ним ближайшие несколько дней не видаться, не контактировать, не прикасаться к нему, и тогда всё будет нормально, — вздохнула я, слезая со стола и придерживая крепко спящего Лунтьера, чтобы он не плашмя упал на пол, а аккуратно на него сполз. — Благо я сегодня отправляюсь в Геросс, буду там занята делом, я собираюсь работать по двадцать часов в сутки минимум и выжимать максимум из этой поездки, так что всё будет хорошо... Наверное...

— Это при условии, что за эти несколько дней ты ни разу не пересечешься с этим спящим красавцем, — Морф задумчиво почесал в затылке, летая кругами над Лунтьером. — Тебе придется быть максимально осторожной, Еля. Потому что если вы там пересечетесь, то будет большой плюх-х-х!

— Ой, лучше помолчи и не нагнетай, а? Я и так в ужасе от того, что здесь сейчас происходило!

— Н-да? Что-то я не заметил, чтобы ты была в ужасе. Шейку под поцелуи ты подставляла очень даже охотно и жмурилась совершенно точно не от ужаса. Может, я вообще зря его усыпил, и мне следовало тихонько просочиться через замочную скважину и оставить вас наедине?

Я возмущенно засопела и поджала губы. Не желая признаваться в правоте Морфа.

Ну а что? Поцелуи Лунтьера были ох как обжигающе приятны, глупо отрицать очевидное. Но также мне не стоило и обольщаться: Лунтьер просто был под влиянием туманящего разум зелья, и в таком состоянии он вряд ли мыслил и действовал так, как делал бы это при других обстоятельствах. Так что мне не стоило придавать хоть какой-то вес его словам о том, как он меня еще в первую встречу заметил и бла-бла.

Ни о чем подобном он на самом деле не думал, и никаких теплых чувств ко мне не испытывал, просто его слова и действия были продиктованы треклятыми конфетками. А так как он находился в опасной близости от меня уже непосредственно в процессе воздействия афродизиака, то его воспаленный разум воспринял меня как объект обожания, не более того.

Так что, снимай-ка розовые очки, Еля, не обольщайся и сматывайся скорее подальше от этого Лунтьера. Пройдет несколько дней — и его маниакальное влечение пройдет, и всё это забудется.

Я вздохнула, застегнула пуговицы на блузке, стараясь не думать о том, как волнующе Лунтьер их расстегивал, и потянула этого спящего красавца, подхватив под руки. Красавец оказался слишком тяжелым, и я дунула на рыжую прядь волос, упавшую на лоб и мешающую обзору. Повернулась к фамильяру.

— Морф, помоги! Надо на кровать его затащить. Не оставлять же на полу валяться.

— Я тебе что, силач, чо ли?

— Не прикидывайся, я знаю, что ты сильнее, чем обычно это демонстрируешь.

Пришлось немного напрячься, чтобы уложить Лунтьера на кровать, но вдвоем с Морфом мы справились. Левитационными чарами я пользоваться не рискнула, справедливо опасаясь, что сейчас, будучи во взбудораженном состоянии, от взмаха моей руки Лунтьер не аккуратно перелетит на кровать, а случайно вылетит в окно. Ну его, рукам я как-то больше доверяла, чем шальной магии.

Закончив сие действие, мы с Морфом оба зависли у кровати, тяжело дыша после внеплановой физической нагрузки, и глядя на Лунтьера. Тот крепко спал, приоткрыв рот и сладенько посапывая во сне. Выглядел он сейчас очень безобидным и таким милым-забавным, что хотелось потрепать его за щеку и погладить за ушком... И не только за ушком... Тьфу ты, Елениа, вообще не о том думаешь!

Впрочем, о чем-то другом думалось пока с трудом.

— Ну и... Что мы будем делать с этим недохинкалем? — деловито уточнил Морф таким тоном, будто спрашивал, куда деть труп.

— Как — что? — я коварно улыбнулась и потянулась к пуговицам на рубашке Лунтьера.
— Раздевать будем, конечно.

— И записочку оставим? — тут же смекнул что к чему Морф.

— И записочку... И не только ее.

Я на минутку отвлеклась, чтобы накрасить губы алой помадой. А потом наклонилась над крепко спящим Лунтьером и коснулась губами его шеи, оставляя алый след от поцелуя.

Глава 16. Искры из глаз

[Лунтьер]

Голова болела так, будто я накануне выпил несколько бутылок темного айлинора на голодный желудок. С трудом разлепил глаза, тут же зажмурился и застонал от невыносимо яркого света, льющегося из приоткрытого окошка прямо на мое лицо.

Повернул голову и оступевшим взглядом оглядел комнату, которая совершенно точно мне не принадлежала. Серая комнатуха, простая мебель, никаких излишеств.

Где я, Маргс вас раздери?

Память поддавалась с трудом, со скрипом, возвращаться в черепную коробку она явно не желала. Шевелиться тоже не хотелось. Тем более что мне так хорошо и тепло лежалось в кровати, и мягкое одеяло так приятно ласкало тело...

Так, стоп. Я что, обнаженный лежу?

От осознания факта полного отсутствия на себе одежды я аж немного пришел в себя. Немного, но хватило на то, чтобы более внимательно оглядеться.

И понять, что в моей руке что-то лежит. Вернее, в нее что-то вложили, и я так и спал с этой вещью в руках.

Подняв руку и покрутив в воздухе белое нечто, я осознал, что это предмет женского кружевного белья. На этом моменте память прострельнула воспоминаниями, и я проснулся окончательно.

Штольценберг, чтоб тебя!!!

Тихо зарывав от бессильной злости, я отшвырнул в сторону кружева и ме-е-едленно сел на кровати. Повернулся в сторону зеркала, висящего аккурат напротив кровати, и аж подскочил к нему, чтобы убедиться, что у меня всё в порядке со зрением.

Нет, зрение мне не изменяло: на моей шее действительно красовался алый след от губной помады. И на груди. И в уголке губ. С учетом взъерошенного вида и моей наготы, и моих вчерашних поползновений в сторону Елени, эти следы от женских губ очень толсто намекали на то, как именно и с кем я провел эту ночь... Только я ничего об этом не помнил.

Свои беспардонные поцелуи — помню. Совершенно не мог держать себя в руках, запах Елени так и манил зацеловать ее с головы до ног, и эти треклятые шоколадные конфеты не оставляли мне никакого шанса устоять перед соблазном. Мне попросту сорвало тормоза, и внутренние желания, подпитанные зельем, прорвались наружу.

Помнил ее сладкий полустон, свой восторг от реакции ее тела на мои прикосновения, помню, как перед глазами всё резко начало мутнеть. А дальше... дальше ничего не помнил.

Так было между нами что-то или нет?

Пить хотелось нещадно. На тумбочке у кровати стоял графин с водой и уже наполненным стаканом, в который я жадно вцепился, осушив в два больших глотка. От попадания живой влаги в организм стало полегче, и я потянулся к графину, чтобы налить воды еще.

Взгляд упал на белый конверт, который лежал под стаканом, я сразу его не заметил. Нахмурился, глядя на отпечаток губной помады, вызывающим алым пятном выделяющийся на белой бумаге. Хм, очевидно, это адресованное мне послание?

С опаской развернул конверт и достал оттуда короткую записку, написанную аккуратным округлым почерком:

«Спасибо, что подарил мне эту прекрасную ночь. Может, не будем повторять? Ты меня не особо впечатлил, даже до конца не довел»

— Вот же... бестия! — злобно прошипел я.

Хотя на языке вертелись гораздо менее цензурные слова.

Ответочку мне, значит, сделать решила. А о последствиях совсем не подумала, да?

Настенные часы отсчитали десятый час утра, и я снова ругнулся, лихорадочно надевая брюки, которые были сложены в виде издевательского сердечка на полу.

Проклятье! Я скоро должен быть в Героссе, а я похож на человека, который всю ночь пил исключительно крепкие напитки и спал с тремя женщинами сразу, как минимум.

Мне даже душ принять было некогда, так что я быстро плеснул в лицо воду и обтерся мокрым полотенцем, матерясь на алую помаду, которая оказалась стойкой и не желала оттираться ни мылом, ни любыми другими чистящими средствами, которые только смог найти, а в своем расшатанном состоянии экспериментировать с очищающими чарами я не рисковал. Глаза мои сияли яростным золотом при мыслях о Штольценберг.

Я так и не понял, чем она меня одурманила, помимо шоколадных конфет. Заснул-то я с чего?

В воздухе еще витал остаточный запах мяты, и я хорошо помнил, как сильно запахло мятой перед тем, как у меня поплыло сознание. Но не от мяты же оно поплыло, в самом деле. Я не кот, в конце концов! Вроде бы...

Лихорадочно приводя себя в порядок, я думал о том, что настолько жестко меня девушки еще не обламывали. Нет, ну, всякое случалось в моей жизни, но чтобы так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.